



*Early to Death,  
Early to Rise*

FI DOUCEL

**KIM HARRISON**

Семнадцатилетняя, мертвая и во главе темных ангелов небес, которым так и хочется убить кого-то. Ага, это я, Мэдисон, новоиспеченный хранитель времени, не имеющий понятия, что делать. Совсем не так я представляла мое "высшее образование" когда убежала с моего школьного бала и умерла на дне канавы. Я пережила мою смерть, украв амулет моего убийцы.

Сейчас это моя ответственность — посылать темных жнецов оканчивать существование человека на земле. Идея в том, чтобы сберечь их души ценою их жизней. "Судьба", — сказали бы серафимы. Но я не верю в судьбу, я верю в выбор, что значит — я возглавляю именно тех людей, против которых я однажды боролась.

Серафимы озадачены теми изменениями, которые я пытаюсь провести в системе, в которую я не верю, но они готовы дать мне шанс. Во всяком случае, так в теории. Реальность немножко более... непростая.

---

**Ким Харрисон**

**Раньше умрешь, раньше взойдешь**

# Пролог

Семнадцатилетняя, мертвая и во главе темных ангелов небес, которым так и хочется убить кого-то. Ага, это я, Мэдисон, новоиспеченный хранитель времени, не имеющий понятия, что делать. Совсем не так я представляла мое "высшее образование" когда убежала с моего школьного бала и умерла на дне канавы. Я пережила мою смерть, украв амулет моего убийцы.

Сейчас это моя ответственность — посылать темных жнецов оканчивать существование человека на земле. Идея в том, чтобы сберечь их души ценою их жизней. "Судьба", — сказали бы серафимы. Но я не верю в судьбу, я верю в выбор, что значит — я возглавляю именно тех людей, против которых я однажды боролась.

Серафимы озадачены теми изменениями, которые я пытаюсь провести в системе, в которую я не верю, но они готовы дать мне шанс. Во всяком случае, так в теории. Реальность немножко более... непростая.

# Глава 1

Машина была раскалена от солнца, я отняла от нее кончики пальцев, крадучись рядом. Возбуждение покрывало мою кожу словно вторая аура. Пригнувшись и незаметная я следовала за Джошем, который плелся по парковке в сторону своего грузовичка, одетый в джинсы, специально прибереженные для первого дня школы, и заправленную рубашку. Да, это был первый день школы, и да, мы прогуливали, но это не то, что кто-то когда-либо делал в первый день школы. К тому же я думаю, серафимы простили бы меня — это была одна из тех меченых ими душ, что я собиралась спасти.

Джош остановился и повернулся ко мне, пригнувшись возле своего красного мустанга; он убрал свои русые волосы с глаз и ухмыльнулся. Было очевидно, что это не первый раз, когда он прогуливал школу. Также, это был не первый раз, когда и я прогуливала, но я никогда не делала это за компанию. Я улыбнулась в ответ, но когда взгляд Джоша обратился мне за спину, его улыбка погасла.

— Из-за нее нас поймают, — пробормотал он.

Мои желтые кеды с черепами и костями на шнурках впились в тротуар, когда я повернулась посмотреть. Барнабас надлежащим образом крался между машин, его темные глаза были серьезны, а выражение лица — мрачным. А вот Накита прогуливалась, как ни в чем не бывало, во всей красе и помахивая руками. Она была одета в мои дизайнерские джинсы и один из моих коротких топов, выглядя лучше, чем я когда-либо, с ее темными волосами, блестящими и черными ногтями, сверкающими под восхитительным солнцем. Она не красила их, это был их природный цвет. В обычной ситуации я бы возненавидела Накиту только за ее вид, но темный жнец даже не представляла, какой симпатичной она была.

Остановившись на полусогнутых возле меня, Барнабас нахмурился, от него пахло перьями и подсолнухами. Ангел, замаскированный под старшеклассника в его выцветших черных джинсах и еще более выцветшей футболке с изображением какой-то группы, был дважды падшим: первый раз, когда он был выдворен из рая кто знает сколько тысяч лет назад, и сейчас, за смену сторон в середине небесной войны.

— Накита не имеет ни малейшего представления, как это делать, — проворчал жнец, убирая свои коричневые вьющиеся локоны с глаз и наблюдая за ней. Они были на противоположных сторонах небесной войны, и сейчас, чтобы столкнуть их, много не требовалось.

Я сжалась, показывая рукой Наките пригнуться, но она просто продолжала идти. Накита была моим официальным попечителем, назначенным серафимами.

Технически, как темный хранитель времени, я была ее боссом. Хотя во всех земных делах я разбиралась лучше, зато она знала мою работу, и то, что мне полагалось делать. Сложность была в том, что я не хотела делать это небесным способом. У меня были другие идеи.

— Пригнись, ты, дура! — прошипел Барнабас, и маленькая, красивая и смертоносная девушка оглянулась, сбитая с толку. У нее на плече была модная сумочка, которую я дала ей этим утром, чтобы довершить ее имидж. Она подходила к ее красным босоножкам и была абсолютно пуста, но она настояла на том, чтобы носить ее, потому что думала, что это поможет ей не выделяться.

— Зачем? — спросила она, приблизившись. — Если кто-то попытается остановить нас, я просто отутюжу их.

Отутюжу? — подумала я, вздрагивая. Она была на земле недолго. Барнабас затесался лучше, будучи изгнанным из рая еще до постройки пирамид, потому что он верил в выбор, а не судьбу, но Накита однажды рассказала мне, что ходили слухи о том, что он был изгнан за любовь к смертной девушке.

— Накита, — сказала я, подтягивая ее, когда она подошла ближе, и она послушно пригнулась, ее длинные волосы развивались на ветру. — Никто больше не использует это слово.

— Это совершенно нормальное слово, — сказала она, обиженная.

— Может, вместо этого ты попытаешься просто давать людям пощечины? — предложил Джош.

Барнабас нахмурился.

— Не подстрекай ее, — пробормотал он. Накита выпрямилась.

— Нам нужно идти, — сказала она, оглядываясь по сторонам. — Если ты не сможешь убедить меченого выбрать лучший жизненный путь прежде, чем Рон пошлет светлого жнеца, чтобы спасти его жизнь, я возьму его душу, чтобы ее спасти.

После чего Накита начала идти к грузовичку Джоша. "Возьму его душу" — было деликатным образом сказать "убью его". Чудовищность того, что я пыталась сделать, разом обрушилась на меня, и мои плечи опустились.

Я была новым темным хранителем времени, но в отличие от темного хранителя времени, который был до меня, я не верила в судьбу. Я верила в выбор. Вся эта ситуация была большой вселенской шуткой, если не брать в расчет небольшой нюанс о том, что я мертва. Старый темный хранитель времени думал, что убив меня — его предсказанную замену — он обретет бессмертие. Никто не знал, кем я была, пока не было слишком поздно что-либо изменить, и я влипла с этой работой, пока не смогу найти мое настоящее тело и разорвать связь с амулетом, который сохраняет меня живой в его отсутствии.

Джош выпрямился, поглядывая на парковку через окна мустанга.

— Давайте. Идемте к моему грузовичку, прежде чем она займет переднее сидение. Я не поведу с ней на переднем сидении.

На полусогнутых мы последовали за ней. Барнабас понимал гораздо лучше во всех этих "душеспасительных" делах, чем я, зная как использовать свой амулет и имея опыт нахождения отмеченных для ранней смерти людей, чтобы спасти их от подобных Наките жнецов. То, что он сменил сторону, чтобы остаться со мной, было так же странно, как и то, что я была выбрана в качестве нового темного хранителя времени. Может быть, чувство вины держало его рядом со мной, так как ему не удалось спасти меня, когда я была отмечена для смерти. Возможно, это был гнев на его предыдущего босса, Рона, светлого хранителя времени, который лгал нам обоим в угоду его стремлению к превосходству. Или возможно потому, что Барнабас думал, у меня были ответы на вопросы, поднятые предательством Рона. Какова бы не была причина, я была рада, что Барнабас был здесь. Никто из нас не был согласен с небесной философией об убийстве кого-то, прежде чем он сделал что-то плохое, но если мне было предначертано судьбой стать новым темным хранителем времени, то все могло быть гораздо хуже, если бы я не могла рассчитывать на лояльность Барнабаса. Накита не доверяла ему и думала что он шпион.

— Ум, люди? — сказал Джош, и я замерла, когда проследила за его взглядом к

патрульной машине, припаркованной перед школой. Рядом с ней стояла женщина в униформе, уперев руки в бедра, и смотрела в нашу сторону.

— Черт! — взвизгнула я, быстро приседая. Джош незамедлительно последовал моему примеру, а Барнабас никогда и не поднимался выше уровня машины.

— Вниз! — я почти прошипела на Накиту, и дернула ее вниз. У меня бешено колотилось сердце. Хорошо, я знаю. Я мертва, но попробуй сказать это моему сознанию. Оно думало, что я жива и с осязательной иллюзией тела — кто я такая, чтобы сказать, что это не так? Это было неудобно. Если я просто сижу — ничего, но стоит мне заволноваться, и память о моем бьющемся сердце оживала. Это так несправедливо, что мне приходится иметь дело со всей этой физической хренотенью, как например, быть испуганной, когда я уже и так мертва, ну хотя бы я больше не потею.

Я прислонилась спиной к машине, за которой мы прятались. Рядом со мной Джош выглядел взволнованным.

— Это офицер Леви. Думаешь, она видела нас? — прошептала я. Просто, блин, чудесно, я уже была не ее радаре. Она оштрафовала меня за превышение скорости на пути к больнице, когда Накита почти убила Джоша две недели назад. Ага, она почти прикончила его. Я бы не назвала их друзьями, но хотя бы Накита больше не пыталась убить Джоша.

Пригнувшись передо мной, Накита стала вставать.

— Я залеплю ей.

— Нет! — выкрикнули мы с Барнабасом, дергая ее вниз.

Джош поглядывал сквозь окна.

— Она ушла.

Сын мертвого щенка. Как я должна спасти жизнь какого-то парня, если я даже не могу выскользнуть со школьной парковки? Я сказала серафимам, что если я смогу поговорить с ним — меченым — то он сделает лучший выбор, и ему не придется умирать, чтобы спасти свою душу. Это был, вероятно, мой лучший шанс доказать, что мои идеи могут сработать. Я не хотела потерять эту возможность из-за того, что опоздаю на "вечеринку". И я не собираюсь позволить всему этому пойти прахом только потому, что я была задержана в школе, а потом, когда узнает отец, под домашним арестом в своей комнате.

Я сжала амулет в руке, в то время как росло мое беспокойство. Я должна была уметь останавливать время с помощью черного камня в его центре, становиться невидимой и делать еще кучу всего такого, но в последний раз, когда я пробовала делать кое-какие эксперименты в этом направлении, я почти уничтожила себя. А если я что-то не сделаю...

Барнабас положил свою руку на мою, мы оба держали блестящий черный камень, который заставлял меня выглядеть живой, я повернулась к нему, моргая от неожиданности.

— Я позабочусь об этом, — сказал он, в его глубоких карих глазах читалось сочувствие.

Я приоткрыла рот и кивнула. Мне не нужно это делать самой. Он и Накита были здесь, чтобы помочь, пока я не смогу делать это сама. Видя мою благодарность, он улыбнулся, и его рука соскользнула с моей, когда он встал.

— Ты? — гаркнула Накита, тоже вставая. — Если кто-то и будет драться, то это я!

Джош вздохнул.

— Вот, опять началось.

Выражение лица Барнабаса стало раздраженным, но у него расширились глаза, когда он посмотрел ей за спину. Звук сухого прочищения горла пронесся сквозь меня, и я встала, когда увидела офицера Леви все еще с руками на бедрах и разочарованием на лице.

— Не слишком ли рано для экскурсии учащихся? — спросила она. Она выглядела слишком молодо, чтобы быть копом, но серьезное выражение ее глаз требовало уважения, несмотря на ее стильную прическу и миниатюрность.

— Офицер Леви! — сказала я, чувствуя себя дурно, когда я начала расправлять юбку. Она была черная с черепами и костями на каемке. Она подходила к шнуркам. И с черными колготами, мой вид был вызывающе оригинальным, но в этом была вся я. — Ух ты, рада снова вас видеть. Я не знала, что вы были назначены сюда. — сказала я.

Я замолчала, и никто больше ничего не сказал, пока она по очереди смотрела на каждого из нас.

— Ах, мы как раз забирали кое-что из грузовичка Джоша, — соврала я, смотря на него в двух рядах от меня, двух рядах и шести часах. Черт.

Она подняла брови и убрала руки с пояса.

— Джош, Мэдисон... и вы двое...? — спросила она.

— Барни, — ответил Барнабас, не поднимая взгляда, когда его глаза засеребрились. Он назвался именем, которое я использовала, когда была сердита на него, что сказало мне, что он был не в восторге от себя.

— И ты дорогая?

— Накита, — ответила темный жнец прямо, перебирая свой амулет пальцами как если бы готовясь использовать его.

— Она моя сестра, — сказал Барнабас, подтягивая ее ближе в жесте, о котором офицер Леви подумает как об объятиях, хотя я знала, что это предупреждение ей вести себя хорошо. Проблема была в том, что они оба думали о себе как о доминантах, и ситуация только усугубилась, когда она оттолкнула его от себя. — Мы перевелись сюда из Дании, — добавил он, и я посмотрела на него с удивлением.

Я думала, это была Норвегия...

— Они остановились у меня, — добавила я.

Офицер Леви, кажется, расслабилась, видимо удовлетворенная нашими потупленными выражениями лиц.

— Если ты еще раз выкинешь что-то подобное, получишь испытательный срок, — сказала она, указывая на школу за её спиной. — Внутрь. Все вы. Я не собираюсь впаивать вам срок в первый же день школы. Идемте, — сказала она, показывая нам идти перед нею, и мы как один начали двигаться.

— Мне жаль, — пробормотал Джош, когда я поравнялась с ним, но кому он это сказал — мне или офицеру Леви, я не знаю. Меня наполнило разочарование с оттенком отчаяния. У меня волосы на шее встали, когда я услышала офицера Леви позади себя. Мы не уйдем тихо, не так ли? — думала я, но подмигивание и хитрая ухмылка, пойманные от Барнабаса, когда я посмотрела на него, заставили меня выпрямиться в предвкушении.

— Продолжай идти, — пошевелил он губами, потом потянул Накиту за руку, чтобы поровнять ее со мной и Джошем. Я не могла не улыбнуться на ее приглушенный протест, когда Барнабас приблизился к ней и убедил не бить женщину.

— Я видел, что ты собиралась сделать, — сказал он, его рука покоилась на амулете, когда тот начал слабо светиться зеленым. Раньше он был рубиново красным, но с тех пор как он оставил свою позицию светлого жнеца и стал темным, амулет сменил цвет, сдвинувшись по спектру, к смущению Барнабаса.

— Накита, бить ее отдает изяществом носорога, — добавил он. — Ты должна овладеть



искусством поиска минимума. Смотри и учись.

Потом тише он прошептал мне:

— Мэдисон, начинай замедляться, пока офицер Леви не пройдет мимо тебя. Джош, мне жаль, я не могу тебя прикрыть. Она должна кого-то поймать. Лучшее, что я могу — сделать так, что ты не попадешь в неприятности.

Джош вздохнул, смотря на меня, когда взял мою руку.

— Увидимся позже, — сказал он тихо, выражение его лица было несчастным и одновременно покорным. — Я знал, что это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Мои пальцы выскользнули из его, и я поморщилась.

— Возьмешь мою домашнюю работу?

— Ага. Я заеду к тебе домой после школы. У тебя есть мой номер телефона?

Я дотронулась до своего кармана, нащупывая мой телефон.

— Всегда, — сказала я, и Накита хмыкнула, совершенно не понимая. Почти все для нее просто логика. В этом была разница между ней и Барнабасом. Несмотря на всю его горечь, его вело сердце.

Я чувствовала себя отвратно, покидая Джоша, но что еще я могла сделать? Постепенно я начала замедлять шаг, оба, Накита и Барнабас начали отставать вместе со мной, в то время как Джош продолжал идти впереди нас, с опущенной головой и руками в карманах. Я задержала дыхание, когда отступила в сторону и позволила офицеру Леви пройти мимо меня. Барнабас коснулся моего локтя, и я остановилась. Другая его рука была на амулете, глаза стали серебряного цвета, когда он прикоснулся к божественному, изменяя воспоминания офицера Леви, чтобы исключить нас. Это было несложное умение, но то, которому, как я думаю, они оба не спешили меня учить из-за того, что я смогу делать с его помощью. Конечно, я их босс, но я получила работу без пожизненного обучения и дисциплины, которые обычно следовали сначала.

Я стояла между машин и наблюдала, не веря своим глазам, в то время как офицер Леви, казалось, полностью забыла о нас, провожая Джоша обратно в школу, как если бы он был единственным, кого она видела. Магия жнецов — вы просто обязаны ее полюбить.

— Женщина вспомнит, — сказала Накита, фыркая, отставив бедро и тоже наблюдая. — Ты использовал слишком мало божественности, так что ложная память не будет держаться.

— Она удержится достаточно долго, чтобы мы смогли улизнуть, а это все, что нам нужно, — Джош уже, очевидно, был забыт, Барнабас взял меня за локоть и направил к полю на краю парковки, но мои глаза были на школе позади нас и открытых окнах. — И когда вернется проверить и никого не найдет, в ней зародится сомнение. Через неделю она забудет об этом, потому что для нее будет легче забыть, чем помнить.

Неделя, думала я, надеясь, что он не совершает ошибку. Я думала, что это будет более надежно. Накита тоже казалось неубежденной.

Плечом к плечу, мы повернулись и оставили машины позади нас и направились к заросшему полю, полному пчел и маленьких цветочков. Я не могла не чувствовать себя странно, шагая меж двух ангелов, светлым и темным, как если бы я была как-то соединена со всем прошлым, что случилось до меня, и будущим, что грядет. Если бы я не знала, что за нами была школа, или не ощущала запах асфальта и раскаленного металла, я бы могла подумать, что иду по Эдему<sup>[1]</sup>.

Накита посмотрела на небо и смахнула волосы назад. Она улыбнулась до боли красивой улыбкой. Когда она вытянула руки к небесам, ее крылья, ее восхитительные, с черным

оперением, невозможно большие крылья — материализовались, переливаясь на солнце. Темный жнец, темные крылья.

Беспокоясь, я оглянулась на школу. Когда я повернулась, Барнабас уже тоже обзавелся крыльями. Его крылья были белыми, и я задумалась, не изменят ли они со временем цвет, как его амулет.

У меня было меньше 24 часов, чтобы попытаться помочь какой-то безымянной душе, что вот-вот окажется в центре борьбы за свою жизнь. И мы — те единственные кто может его спасти, думала я, в то время как Барнабас обхватил меня рукой за талию, и я ступила назад, становясь ему на ноги, так, чтобы он смог нести меня в полете. Мы несли его спасение и его смерть... потому что если я не смогу убедить его сделать иной выбор, Накита его убьет.

В торговом центре Форт Бэнкс царила приятная, созданная кондиционерами прохлада. Я почти ощущала, как охлаждается мое нагретое солнцем тело, пока я ждала у информационной стойки Барнабаса и Накиту, приглушенные звуки ожесточенного спора которых доносились сейчас из-за двойных стеклянных дверей. Грейс, мой бывший ангел-хранитель, а ныне курьер, что-то напевала надо мной. Светящийся шар размером с мяч для софтбола присоединился к нам сразу же, как только мы оказались в воздухе — благодаря ей и помощи серафимов мы нашли этот маленький городок, затерянный среди кукурузных полей. Я всего лишь несколько раз видела Грейс — когда разрывала связь со своим амулетом, и тогда это почти убило меня, кстати. При своих крошечных размерах она была прекрасна, со слишком ярким лицом, чтобы смотреть на него. Чаще всего она появлялась в виде дымки из яркого света, вроде дефекта, который вы иногда можете заметить на фотографиях. Зафиксировать ее на пленке — единственный способ для обычного человека узнать, что она рядом. Я же могла еще и слышать ее. Мои жнецы тоже могли ее слышать, а вот люди — нет. Повезло им.

— Однажды девушка жила, хранителем времени была, — весело напевала Грейс, спускаясь ко мне, когда ей надоело играть с эхом у сводов потолка. — С жнецом поспорила она. Чем сразу плохиша скосить, она решила с ним поговорить — дать шанс ему не мудануть, а метко выбрать правый путь.

— Спасибо, Грейс, — сухо сказала я.

Она просияла, ее хихиканье звучало как журчание ручейка. Грейс нравилась ее новая должность курьера, которую она получила, когда я дала ей имя. Я случайно поспособствовала ее продвижению по службе, не зная, что имена так много значат в королевстве ангелов. Я думаю, что серафимы прикрепили ее ко мне в качестве наказания, но "лимерики или нет" — тут у меня не было выбора (Ли?мерик — форма короткого юмористического стихотворения, появившегося в Великобритании, основанного на обыгрывании бессмыслицы (прим. LizardQueen)). — Как там жнецы? — спросила она, приземляясь на вершину мусорной корзины рядом со мной и становясь невидимой. Когда ее крылья замирали, она переставала светиться.

— Заставь темного жнеца и бывшего светлого работать вместе и посмотри — будут ли у них разногласия, — вздохнув, проговорила я, прислонившись к указателю, и принялась ждать. Я сжала в ладони свой амулет и представила, как магический свет обволакивает черный камень. Как по волшебству — видимо, так и было — гладкий речной камень исчез, хотя его вес по-прежнему ощущался в моей ладони. Делать мой амулет невидимым — одна из первых вещей, которым обучила меня Накита. Когда-нибудь я научусь изменять его внешний вид, но сейчас это было все, чему я смогла обучиться.

От демонстрации моего "мастерства" крылья Грейс превратились в расплывчатое пятно, затем снова исчезли.

— По крайней мере, они разговаривают.

— Они не разговаривают, они спорят, — проговорила я. Это будет труднее, чем я думала, если они соберутся "обсуждать" все до смерти. Мы все были здесь — подходящее время, чтобы начать искать меченого.

— Ты же не думала, что изменить небеса и землю будет легко, ведь так? —

осведомилась Грейс, и я нахмурилась.

— Было бы легче, если бы я могла отслеживать потоки времени и заглядывать в будущее, — пожаловалась я.

— Не все сразу, — сухо заметила Грейс. — Ты серьезно повредила свой амулет, когда разъединилась с ним.

Я поморщилась от ее обвинительного тона. Она говорила мне не делать этого, но я не послушала. Тогда это спасло меня, но пока мой амулет полностью не восстановится, серафимы, которые могли читать потоки времени, имели право посылать моих темных жнецов убивать людей.

Серафимы, читающие потоки времени — не лучшая идея сама по себе. Они могли это делать, но им сложно было отделять прошлое от будущего — это была одна из причин, почему хранители времени были людьми.

Человек-хранитель времени — в данном случае я — также был способен изменить ход времени: что-то вроде шанса несовершеннолетним людям изменить свое отношение к жизни, порядку во вселенной и к другим вещам.

Сейчас где-то происходило скашивание, о котором я не знала, и это волновало меня. Серафимы знали, что я хотела изменить данное положение вещей, и меня не покидало ощущение, что это скашивание предоставили мне в качестве пробного урока. Если я не смогу заставить этого парня увидеть новую возможность и изменить решение, то как я надеюсь добиться этого от моих темных жнецов? Почувствовав мое мрачное настроение, Грейс подлетела ближе.

— Не переживай, — успокоила она. — Пройдет не так много времени, прежде чем ты начнешь читать потоки времени. Я думаю, ты уже неосознанно делаешь это. Твое желание прийти в торговый центр — хорошая идея. Я не знала, что он был здесь.

— Он здесь? — уточнила я, и она засияла ярче, взлетая над Барнабасом и Накитой, которые, наконец, пришли к соглашению, и возглавила нашу процессию. Может, она была права. Слабое ощущение, похожее на щекотание, как будто кто-то наблюдает за тобой, коснулось моего разума, когда мы пролетали мимо торгового центра. Стоило мне заикнуться об этом Барнабасу, как он сразу же свернул на парковку. Это придало мне уверенности, но сейчас, когда я оглядывалась по сторонам, я думала, что, возможно, эти ощущения означали мое сильное желание ступить на твердую землю. Торговый центр уже не казался таким многообещающим местом.

Сегодня понедельник, а значит, вокруг было много людей, в основном матерей, которые таскали своих детей из отдела в отдел, преимущественно со школьной одеждой, либо дети волочили матерей за собой для того же самого. Несколько девушек у отдела бижутерии разглядывали меня. Я пошаркала по плитке пола своими желтыми кроссовками, чувствуя, как отлично вписываюсь со своими панковскими волосами с сиреневыми кончиками.

— Как думаешь, Джош в порядке? — спросила я у Грейс, поправляя короткие рукава своей рубашки в черно-красную клеточку. Если бы я знала, что отправлюсь предотвращать этим утром скашивание, то оделась бы менее броско.

— С ним все будет в порядке, — проговорила Грейс, глядя на подошедшего к нам Барнабаса. Походка Накиты была твердой и уверенной, но заметив его сутулость, она смешалась, утратив некоторую часть своей уверенности и пытаясь соответствовать тем девушкам у киоска.

— Итак, Грейс, — прямо начал Барнабас. — Ты уверена, что серафимы рассказали тебе

всё о нашем меченом?

Я вздохнула. Меченый. Именно так называют потенциальных жертв жнецов. Что-то вроде — "он не оставил после себя ничего, кроме надписи на могильном камне".

Накита усмехнулась, отбросила назад волосы и улыбнулась облачку света, которым была Грейс. Сообщение, которое она принесла, предназначалось только для Накиты, но Барнабас прочитал его часть.

— В чем дело, Барнабас? Тебе недостаточно информации? Я думала, ты более хорош в этом.

Это была явная провокация, и они немедленно начали ссориться вновь. Я скусающе огляделась по сторонам. Компания молодых людей около газетного киоска разглядывала нас, вернее, Накиту, грудь которой соблазнительно вздымалась в вырезе футболки, когда она читала Барнабасу лекции о превосходстве серафимов. Развернувшись на пятках, я отошла от этих спорщиков и принялась искать взглядом свободный стол. Фуд-корт ощущался как правильное место, но я не могла полагаться на ощущения. Я должна была знать точно.

Их спор немедленно переключился на то, кто из них должен следовать за мной, и разгорелся с новой силой. Грейс подбадривала их очередным своим лимериком:

Подрались однажды между собою жнецы,  
Споря, насколько бравые они молодцы,  
Хранитель в то время совсем заскучал —  
Ушёл он вперёд, всё также молча.

Честно говоря, это была не такая уж плохая идея. Они мне совершенно не помогали. Я нашла относительно чистый стол и выдвинула стул, сев спиной к двери. Наконец затихнув, оба жнеца заняли свои места по обе стороны от меня. Накита положила свою пустую сумочку на колени, нервно теребя пальцами амулет и разглядывая девушек в отделе бижутерии. Выражение лица у нее было обеспокоенным, но не из-за моего настроения, а потому, что девушки были готами — максимум кружева и черного, а на ней была красная футболка. Барнабас выглядел угрюмым, ссутулившись — в своей выцветшей футболке и с растрепанными вьющимися волосами он все равно выглядел отлично.

— Грейс, — произнесла я, удивляясь, когда это я стала самой хладнокровной в этой компании. — Что именно сказали серафимы?

Жнецы затихли, и ангел-посланник опустила на стол, светящаяся дымка вокруг нее развеялась, когда она замерла.

— Не так много, — ответила Грейс, ее эфирный голосок, казалось, проникает прямо в мой мозг. — Серафимы не очень хороши в словесных портретах. Кроме расположения города мне известно, что он хакер и хорошо разбирается в компьютерах. Откинувшись на пластиковом стуле, я мысленно вычеркнула из списка парня у газетного киоска, читающего "Оружие и Боеприпасы".

— Серафимы никогда не говорили, что он хакер, — сухо сказал Барнабас. Накита оцетинилась. Она убрала ладонь со своего амулета, и у меня взметнулись брови, когда я увидела, что серый камень превратился в готический крест.

— Серафимы предсказали, что компьютерный вирус распространится по школьной сети в результате чьей-то шалости, — обращалась она ко мне, но смотрела на него. — Я бы сказала, что этого достаточно, чтобы считать его хакером. Потом он проникнет в систему местной университетской больницы, и начнут умирать люди. Серафимы говорят, что он получает удовольствие, причиняя вред людям и оставаясь при этом неузнанным. Он пойдет

дальше, сея кругом смерть, и так до конца его жизни. Поэтому я считаю, что в наших общих интересах, Барни, скосить его как можно раньше, чтобы забрать у него душу до того, как он успеет слишком сильно замарать ее, чтобы иметь возможность просить искупления своих грехов.

Барнабас молча скрипел зубами. Я нервно ерзала на стуле. Забавно, как она представила смерть не такой уж ужасной вещью.

Чувство покаяния в моем затылке исчезло, я положила локти на стол, думая, что это было так же продуктивно, как время самостоятельных занятий, которые я сейчас прогуливала. Я готова была держать пари, что парень в футболке с изображением Харли, шагающий через торговый центр, и девушка, разговаривающая по телефону напротив него, не подходили. Мне нужно было найти кого-то с мягким пеналом для ручек — типичного зубрилу.

— Значит, хакер, — пробормотала я и, шурясь, уставилась на стеклянную крышу. Мне следовало бы быть благодарной за любую информацию от серафимов, но сейчас я была расстроена. Я уронила голову на стол, с глухим звуком мой лоб ударился о столешницу, и я вздрогнула от прикосновения к холодному пластику. Барнабас в утешении опустил руку мне на плечо.

— Мэдисон, все хорошо, — сказал он, и я почувствовала себя еще хуже. — Мы слишком рано взялись за поиски этого парня. А чем дальше от настоящего, тем сложнее читать потоки времени. Даже Рон не может дать описание внешнего вида, не просмотрев будущее, и обычно это происходит за считанные часы до того, как меченый сделает свой роковой выбор, или даже за целый день. Мы полагаемся на толкование будущих событий ангелами, так что расслабься.

Я подняла голову, не отрывая взгляда от стола. Светлый хранитель времени не был моим любимчиком в последнее время, но мне нравилось сознавать, что Рон, скорее всего, не знал о том, что мы здесь находились и пытались спасти этого парня. Если бы знал, это бы все только усложнило.

— Мэдисон, ты молодец! Это ты привела нас сюда, не так ли? — осведомился Барнабас, убирая руку. — Я тоже чувствую, что меченый где-то здесь. У тебя хорошая интуиция. Мы найдем его.

Я подняла глаза. На лице Барнабаса читалась надежда, на лице Накиты — сомнение. На столе сидела притихшая Грейс и внимательно слушала.

— Но успеем ли вовремя? — спросила я. — Прежде чем Рон посмотрит будущее и отправит кого-нибудь остановить нас? Я не думаю, что светлый жнец поверит в то, что я пытаюсь спасти этого парня, когда над душой стоит Накита, готовая в любой момент убить его, если у меня не получится убедить его изменить свое мнение. Ты бы поверил?

Барнабас покосился на Накиту, которая вцепилась в свою сумочку.

— Конечно, поверил бы, — сказал он, но это было ложью. — Мэдисон, не переживай. Мы найдем его. У тебя просто нервное перевозбуждение перед первым предотвращением скашивания.

— Это скашивание, — сказала Накита, бросив взгляд сначала на свои черные ногти, а затем на готов, — а не предотвращение.

— Это решает Мэдисон, — краснея, парировал Барнабас.

— Ну, мне пора! — прозвенела Грейс, распространяя мягкий свет от мелькающих крыльев и запах клубники. — Мне было сказано доставить вас сюда, а потом держаться в

стороне.

— Ты оставляешь нас? — взволнованно спросила я, но что-то в словах Грейс привлекло мое внимание. — Держаться в стороне? — повторила я, и ее свечение стало почти болезненно-зеленым, — Но не оставить нас? Черт побери, Грейс, ты шпионишь за нами?

Барнабас озабоченно выпрямился, а Грейс издала пронзительный стон.

— Не сердись! — воскликнула она. — Серафимы в смятении, и они хотят гарантий, что есть хоть какая-то вероятность изменения выбора меченого. Вот почему ты получила это скашивание, Мэдисон. В политике всегда происходят изменения, когда вступает в должность новый хранитель времени, но никто ещё не пытался добиться того, чего хочешь добиться ты. Они не считают, что жнец сможет продемонстрировать человеку возможность сделать иной выбор, не оказавшись при этом обнаруженным. Особенно, если за это возьмутся работающие вместе светлый и темный жнецы. Если Барнабас и Накита не смогут справиться с этим с твоей помощью, как они будут это делать без тебя?

Я помогаю Барнабасу и Наките? Растерявшись, я задумалась. Все о чем я думала — как спасти этого парня, а не как создать прецедент, которому смогут следовать другие. Но даже мне было понятно, что Рон не скашивает души собственноручно, а посылает за ними своих светлых жнецов, переходя к следующей душе.

— Вместе? — уточнила я, глядя на Барнабаса и Накиту — у обоих был больной вид. — Почему им нужно, чтобы они были вместе?

— Потому что, если светлый жнец не сможет должным образом повлиять на выбор, серафимы хотят, чтобы темный жнец немедленно скосил неудачника, — весело пропел ангел-хранитель. — И я не шпион! Я контролер!

— О да, существенная разница! — воскликнула я и сжалась на стуле, когда парень, читающий журнал, посмотрел на нас поверх страниц.

— Да, это не та работа, которую ты хотела, — отрезала Грейс. — Зачем серафимам поддерживать твои идеи, если ты собираешься отказаться от своей должности, как только получишь свое тело и снова станешь живой?

Лицо Накиты застыло, тень страха промелькнула в ее взгляде.

Вот дерьмо.

Шум крыльев Грейс, казалось, становился все громче. Накита не сводила с меня глаз. Это выглядело так, будто я уже оставила ее — я, человек, который поколебал ее прекрасную ангельскую мудрость своим человеческим пониманием смерти.

Она стала чужой среди своих темных собратьев, и я была единственной, кто мог бы помочь ей осознать почему, видя, как мои воспоминания и страхи изменили ее.

— Ну, может, если бы они больше ценили мои идеи, я могла бы остаться на этой работе после того, как найду свое тело, — произнесла я громким шепотом. Это был не первый раз, когда я допускала такую возможность, после обретения моего тела. В действительности, хранители времени не должны быть мертвыми — как правило. Я думаю, я была первой. Но я не останусь во главе системы, идеалов которой не разделяю. Либо они позволяют мне поступать, как я считаю нужным, либо я на них не работаю.

— Я не верю в судьбу, которую нельзя изменить, и не стану посылать темных жнецов скашивать души людей, которые не знают, что у них есть выбор, — сказала я, зная, что через нее мои слова будут услышаны.

— Если серафимы хоть немножко не пойдут мне на встречу, я не собираюсь это делать, живая или мертвая.

Я спорила с небесами, но мне было все равно. Грейс молчала, свечение вокруг нее стало ярче.

— В любом случае, я не понимаю, почему ты хочешь быть живой, — пробормотала она, вероятно, готовая уступить в этом. — Это ужасно. Я имею в виду — у тебя же жидкость выделяется из всех отверстий, и ты не сможешь постоянно бодрствовать.

— Ага, а еще мы едим, — кисло сказала я, — Знаешь ли ты, как много времени прошло с тех пор, как еда казалась вкусной?

Это конечно хорошо, что мне это не нужно, а то я бы давно померла с голоду.

Она издала крошечный вздох, новая обязанность окутала меня как вторая кожа. Прекрасно. Я не только должна была спасти этого парня, но еще и научить Барнабаса и Накиту сотрудничать в процессе этого? Великолепно. Просто долбанное великолепно.

— Ну, ты же не думала, что это будет так легко, да? — послышался с середины стола голосок Грейс, сияние вокруг нее усилилось, переливаясь всеми цветами радуги, она взметнулась вверх и исчезла в высоком окне, подобно падающей вверх звезде. Казалось, мы остались одни, но я готова была спорить, что она наблюдала за нами.

Все молчали. Я перевела взгляд с Барнабаса на Накиту, которая с мрачным выражением лица подчеркнуто игнорировала меня.

— Пойду, закажу коктейль, — неожиданно объявила я. Конечно, голода я не испытывала, но мне нужен был предлог отойти от них на минуту. — А вы, ребята, хотите что-нибудь?

Не дожидаясь ответа, я встала, запнулась и чуть не рухнула на отодвинутый кем-то стул. Восстановив равновесие, я замерла и аккуратно задвинула его под стол, стараясь, чтобы это выглядело так, будто именно это я и хотела сделать. Когда я подходила к сети ресторанов, клянусь, я думала, что слышу хихиканье Грейс.

Я вышла из школы с чувством, что делаю что-то важное, значимое, а сейчас испытывала нечто, похожее на разочарование. Это не были незнакомые эмоции, но это был первый раз, когда чья-то жизнь висела на волоске. Выбрав ресторан, около которого не было очереди, я опустила руки на стойку и стала разглядывать меню, не особо вчитываясь в него. Мой папа давал мне деньги на обед, но не то, чтобы я особо нуждалась в этом в последнее время. Дерьмо, нужно написать ему сообщение, что я могу задержаться после школы.

— Вы будете читать или что-то заказывать? — осведомился голос прямо передо мной, я отшатнулась и обнаружила в поле зрения парня примерно моего возраста в помятом фартуке с изображением курицы и самоуверенной надписью "В нашем курятнике только счастливое кудаханье". Бумажный колпак пытался удержать его светлые волосы песочного оттенка, но безуспешно. Он был симпатичным и улыбнулся, заметив мое смущение. На бейдже было его имя — Эйс. У меня промелькнула мысль о Джоше, и я испытала легкое чувство вины из-за того, что оставила его в школе.

— О, можно мне ванильный коктейль? Маленький, — добавила я, так как не собиралась на самом деле его пить. Он сделал отметку.

— Что-нибудь для ваших друзей?

Я обернулась и увидела Накиту, которая наблюдала за мной с потерянными выражением лица, положив одну руку на сумочку. Барнабас откинулся на стуле и глазел в потолок с таким видом, будто умирал от скуки. По крайней мере, они не спорили.

— Ты наблюдал за мной? — спросила я, наклонив голову, чтобы выглядеть мило. Глупо, но мило.



Эйс выбрал стакан большего размера, чем я заказывала, и улыбнулся.

— Твои танцы со стулом. Это выглядело почти так, будто ты этого и хотела.

Я закатила глаза, проклиная Грейс, подставившую мне этот стул.

— Ага, — сказала я, переминаясь с ноги на ногу и с ужасом осознавая, как выглядят мои волосы. Я никого здесь не видела с фиолетовыми волосами, за исключением богини с пирсингом работающей в Хот Топик.

Эйс молчал, повернувшись ко мне спиной и наполняя стакан. Еще один парень работал в заднем помещении — чистил печи. Было еще слишком рано для обеда.

— Итак, когда у тебя начинаются школьные занятия? — спросила я, ощущая необходимость что-то сказать.

Эйс обернулся, лукаво глядя на меня, и закрыл крышкой стакан с коктейлем.

— Завтра. Я не должен был работать сегодня, но меня вызвали. Я готов был прибить свою маму, — он протянул мне напиток. — У меня уже были планы на этот день. Зависнуть в Интернете, поедая сырные шарики. Но в последний момент я разрешил маме ответить на звонок по моему телефону.

— Я работаю неполный рабочий день в цветочном магазине, и я ненавижу, когда мой папа делает это.

Эйс поправил колпак и поморщился.

— Когда я на работе, она знает, где я, — кисло сказал он. — Она опекает меня, будто я ребенок. Она работает в больнице, и если узнаёт, что что-то произошло в приемной скорой помощи, то думает, что это меня доставили после какой-нибудь аварии.

Всплыли воспоминания о том, как я проснулась после аварии в местном морге. Сердце заколотилось. Хотя я не думаю, что от воспоминаний о моей смерти. Ощущение покалывания усилилось, когда я начала развивать эту мысль. Его мама работает в больнице? Не может быть, чтобы это было так просто? Может, именно это имел в виду Барнабас, говоря о моей хорошей интуиции?

— Ага, я слушаю, — проговорила я, бросая взгляд на Барнабаса и Накиту, но они смотрели в мою сторону, не проявляя никаких эмоций.

— Так что теперь все, что я рассчитывал сделать сегодня, откладывается до завтра, — произнес Эйс, пожимая плечами.

Я прокрутила в голове разговор с ним.

— Ты же сказал, что завтра у тебя начинаются занятия?

— Я сказал, что занятия завтра начинаются. Но не сказал, что я на них буду.

О, мы маленькие бунтари, ага? Я взяла соломинку, вскрыла зубами упаковку и засунула в стакан.

— Ты пропустишь свой первый день в школе? — спросила я, притворяясь, что делаю первый глоток.

— Что-то вроде этого, — сказал он, сверкая улыбкой, — У меня есть дела поважнее.

— Например, что? — улыбаясь, как меня учили популярные девчонки в старой школе, пока я не бросила их.

Эйс засмеялся, в какой-то степени польщенный.

— Музыка. Шу и я, мы занимаемся музыкой.

Он указал взглядом на черноволосого парня в подсобке, и я ощутила всплеск разочарования.

— У вас своя группа? — спросила я. Вот дерьмо, после всего — такой облом.

— Нет, мы не создаем музыку. Мы находим ее. Прежде чем, она выйдет.

Ударение, с которым он произнес это, заставило меня взбодриться.

— Вы крадёте ее? — спросила я, вытаращив глаза. Если он смог взломать музыкальный сайт, то проникнуть в компьютерную сеть больницы для него вообще раз плюнуть.

Я взволнованно подалась вперед. Это не осталось незамеченным Эйсом, он перегнулся через прилавок, ударил по кнопке проведения платежа и захлопнул кассу, прежде чем она успела открыться.

— На прошлой неделе, — прошептал он со сверкающими глазами. — Шу проник на главный музыкальный сайт и скачал трек Coldplay, который выйдет только следующей весной.

Я вздрогнула, моя интуиция просто вопила. Он взломал защищенный сайт.

— Правда? Дашь послушать?

Эйс отстранился, лукаво улыбаясь мне из-за прилавка с видом, будто он король мира.

— Мы с Шу не позволяем никому слушать. Только когда все будет готово. Мне нужно сделать обложку для диска. А потом ты сможешь купить его.

Дыхание с шумом вырвалось из меня. Я подбоченилась, изображая недоверие.

— Ладно, я все поняла, — скучающим голосом протянула я. — Ерунда все это.

Но Эйс рассмеялся.

— Ты не веришь мне? Шу! — проорал он в сторону подсобки. — Скажи ей название последнего альбома Coldplay.

Парень в подсобке вылез из печи, которую он чистил. На его плече красовалось жирное пятно, а сам он выглядел разъяренным.

— Эйс, что с тобой, черт побери? — воскликнул он. — Из-за тебя нас поймают!

— Чувак! — Эйс вскинул руки, будто сдаваясь. — Успокойся, дружище. Она нас не выдаст.

Шу кинул в Эйса тряпку, которой чистил печь, но не попал.

— Да ты даже не знаешь, кто она такая! — заорал он. С шумом распахнулась боковая дверь в кухню, и появился невысокий мужчина, одетый в рубашку на размер меньше его собственного. Менеджер. Я с уверенностью могла определить это даже до того, как увидела его поношенные коричневые ботинки с тонкими коричневыми шнурками.

— Митч, у нас проблема? — спросил он, и Шу повернулся к нему, он все еще был на взводе.

— Нет! — выкрикнул он, вновь возвращаясь к своей работе. Он резким движением вылил чистящее средство на поверхность следующей печи.

— Остынь, чувак! — произнес Эйс. — Это не такое уж большое дело! — он почти смеялся, что еще больше распаяло Шу — его движения стали резкими и порывистыми.

Менеджер тоже это заметил и подошел ближе.

— Расслабься, — сказал мужчина, делая вид, что его это волнует. — Я и так все лето терпел твой характер.

Шу обернулся.

— Да? Ну, тогда я ухожу! — выкрикнул он, отбрасывая чистящее средство. — Мне не нужно это дерьмо!

— Нет, ты уволен! — отчеканил мужчина, и Эйс начал смеяться, оглядывая фуд-корт в поисках наблюдателей. — Заканчивай здесь и не возвращайся. Я вышлю тебе твой чек по почте. И даже не думай просить взять тебя назад.

— Можете оставить себе свои паршивые деньги, — пробормотал Шу, я с тревогой наблюдала, как он снял свой фартук и с отвращением отбросил его.

Повернувшись к Эйсу, который определенно считал это большой шуткой, Шу сказал:

— Ты долбаный неудачник, Эйс. А знаешь почему? Ты настолько глуп, что даже не можешь держать язык за зубами. Это конец. Понял? Теперь ты сам по себе.

Эйс покраснел, гнев мгновенно искажил его лицо.

— Да? — громко выкрикнул он. — Отлично, можешь сбежать как крыса, мудака!

Меня поразила неожиданная вспышка гнева Эйса, и я крепче вцепилась в свой коктейль, пытаюсь понять, что здесь не так.

Открыв рот, я отступила на шаг. Все на фуд-корте на нас таращились.

— Убирайтесь! — проорал менеджер, его круглое лицо покраснело. — Оба!

— Я даже не собирался приходить сегодня на работу, ты, жиртрест, — пробурчал себе под нос Эйс, но я видела, что менеджер его услышал — он запыхтел так, будто ему не хватало воздуха.

Трясаясь от гнева, менеджер указал на двери торгового центра.

— Вон!

Я отпрянула, когда Эйс оперся руками на стойку и перемахнул через нее. Из подсобки донеслось хлопанье тяжелых дверей — Шу пинком захлопнул их. Сдернув с головы колпак, Эйс швырнул его на кафельный пол.

— Эта работа — отстой, — проинформировал он и пошел прочь, развязывая на ходу фартук и позволяя ему соскользнуть на пол.

— Ээ, сколько я вам должна? — неуверенно спросила я у кипящего менеджера.

Он посмотрел на меня так, будто только что заметил, он явно сейчас думал об Эйсе и Шу.

— Нисколько. Это бесплатно, — ответил он, — Сожалею, что Вам пришлось на это смотреть. Он все лето грубил мне. Мне следовало уволить его на третий день его пребывания здесь.

— Извините, — пробормотала я, не совсем понимая, за что извиняюсь. В смешанных чувствах я повернулась и пошла обратно к Наките и Барнабасу. Внимательно глядя под ноги, я проскользнула на свое место и сделала глоток коктейля.

Барнабас прочистил горло.

— Что это было?

Встряхнувшись, я оглянулась и с улыбкой посмотрела сначала на Барнабаса, затем на Накиту.

— Я нашла нашего меченного. Это Эйс.

Накита так вцепилась в свой амулет, будто хотела последовать за ним и скосить его прямо на стоянке. Я начинала понимать, почему серафимы были уверены, что светлый и темный жнецы не смогут работать вместе. Убедить Накиту подождать и дать Эйсу шанс изменить свой путь будет не так-то просто.

— Ты уверена? — спросила она, в глазах ее светились готовность и нетерпение.

Я кивнула, разделяя ее энтузиазм, но не его причину. Я могу это сделать. Нужно только расслабиться, как учил меня Барнабас, и позволить моей интуиции вести меня.

— Абсолютно уверена, — ответила я. — Эйс хорошо разбирается в компьютерах и не имеет ничего против нарушений закона. Он сказал, что его занятия начинаются завтра, но он будет прогуливать. Его мама работает в больнице и держит его на таком коротком поводке,

что он, вероятно, готов на все, чтобы досадить ей. — Я проследила взглядом, как Эйс пересекает стоянку, и подумала о своем папе и степени его контроля надо мной. Без фартука Эйс выглядел как обычный неряшливый подросток в линялых джинсах и черной футболке.

— Пошли, — сказала я, когда Эйс пнул первый попавшийся автомобиль. — Я должна поговорить с ним.

Мы встали, но Барнабас колебался.

— Я не знаю, — начал он, когда мы уставились на него. — Звучало так, будто это Шу компьютерщик.

Я повернулась к нему, сжимая в руке холодный коктейль.

— Ты слышал?

— Все это слышали, — заметила Накита, отбросив волосы назад. С сумочкой на плече, она пошла к двери походкой модели, вышагивающей по подиуму.

На меня нахлынули сомнения, и я сбавила темп.

— Шу первым вышел из себя, — начал Барнабас. — И если он тот, кто взломал систему, то он тот, кто способен создать вирус, а не парень, который рисует обложки для дисков.

Я нахмурилась, когда мы вышли из дверей под раннее послеполуденное солнце. За желтой линией, обозначающей границы парковки сотрудников, около спортивного автомобиля ссорились Эйс и Шу. Кусая губы, я задумалась, что значит моя интуиция по сравнению с более чем тысячелетним опытом Барнабаса. Вероятно, это действительно был Шу, но и Эйса мне тоже не хотелось упускать из поля зрения. Воспоминание о том, как быстро у него происходит смена настроения, не покидало меня. Что-то здесь было не так.

— Ну, хорошо, — нерешительно начала я, когда мы двинулись в их сторону. — Барнабас, раз ты думаешь, что это Шу, то ты пойдешь за ним. А мы с Накитой проследим за Эйсом и все разузнаем.

Ну, и еще благодаря этому вы будете порознь.

Накита издала радостный взглас, явно радуясь, что мы перешли к действиям.

— Я должна последовать за Шу, а не Барнабас, — жёстко сказала она. — Таким образом, если он попытается запустить вирус в компьютер, я смогу немедленно убить его.

Я остановилась, она по инерции прошла еще несколько шагов. Мой взгляд метнулся к Барнабасу. Он сделал беспомощное выражение лица, и произнес:

— Хм, Накита, я думал, ты пойдешь со мной.

Жнец обладала множеством черт, но глупость в их число не входила. Она слегка покраснела и замерла, черные ногти сверкали на солнце.

— Ты пытаешься держать меня подальше от Шу.

Я также пыталась держать ее подальше и от Барнабаса. Я набрала воздуха, чтобы протестовать, но передумала.

— Да, но в любом случае ты пойдешь со мной. Эйсу нравятся красивые девушки. Тебе он все расскажет.

Накита покосилась на меня, и я добавила:

— Давай. Помоги мне здесь. Рон не может знать, что мы уже не в "Трех Реках", так что у нас еще масса времени.

— Она твой босс, — проворчал Барнабас, и Накита нахмурилась.

— Хорошо, — сдалась она. — Но если с Шу ничего не выйдет, обещаю, что сообщу тебе, Барнабас.

— Ты хочешь, чтобы я сообщил тебе? — удивился Барнабас, засунув большие пальцы в

карманы джинсов. Ветер трепал его футболку. — Как? Ты темный жнец, а я светлый. Наши амулеты резонируют на разных частотах и не могут уловить сигналы друг друга.

Накита усмехнулась, превращая свой амулет из готического креста обратно в обычный плоский камень в серебряной оправе.

— Ты не такой светлый, как тебе кажется, жнец. Ты смотрел свою ауру в последнее время? Она нейтральна. Уверена, мы сможем общаться через наши амулеты, если попробуем. Ты становишься темным. Дружище.

На лице Барнабаса отразился ужас, и он уставился на свой амулет. Взяв за руку Накиту, я повела ее в сторону Эйса, пока он не уехал. Я знала, что Барнабас был не в восторге от утраты своего статуса светлого жнеца, но она не имела права мучить его этим. После того, как он ушел от Рона и светлых жнецов, его признали жнецом мрака — группа ангелов-наблюдателей, которых презирали и темные и светлые жнецы за их обыкновение убивать без причины. Если где-то произошло стихийное бедствие — жнецы мрака рядом. При катастрофах их можно было видеть бродящими по колена в телах, как если бы они были серферами. Война была ареной их игр. Барнабас останется им до тех пор, пока его амулет не приблизится по спектру к моему, и тогда он вернёт к себе уважение, но даже тогда он будет темным жнецом, который не верит в судьбу. По-настоящему он так и не вольтется. Небеса, вероятно тоже не примут его.

— Ребята, я куплю вам телефоны в следующий раз, когда буду в торговом центре, — кисло сказала я. Но если бы я знала, как использовать свой чертов амулет, чтобы беззвучно общаться с ними, в этом не было бы необходимости.

Наверх

## Глава 3

— Эйс! — крикнула я и побежала к его грузовичку, твердая мостовая под моими ногами отдавалась во всем теле. — Подожди!

Накита, очевидно, не видела причины бежать, она медленно следовала где-то позади меня, с сумочкой на плече и подходящих к ней босоножках, цокающих по асфальту. Барнабас направлялся в противоположную сторону, вероятно подыскивая тихое место, где можно переждать и потом выйти на позицию, чтобы следовать за Шу. Шу, ссутулившись, направился к одиноко стоящей в тени спортивной машине.

Услышав мой голос, Эйс облокотился о грузовичок и засунул большие пальцы рук в карманы. Я притормозила, даже не запыхавшись. Хорошо, может быть во всем этом "быть мертвой" и есть некоторые преимущества. Накита поравнялась со мною, и я еще больше притормозила.

— Он зол, — сказала она просто, когда мы зашагали вровень. — Ты уверена, что он нам хоть что-нибудь скажет?

— Да, конечно, ты можешь быть сердиться на своих друзей, — ответила я, вспоминая как я рассердилась на Венди — мою лучшую подругу во Флориде, где я жила прежде, чем переехала в Три Реки. Причиной большинства наших разногласий были мои попытки протащить нас в крутую компанию, но Венди была слишком независимой. Хотя, даже когда мы ссорились, мы оставались друзьями.

— Как можно одновременно на кого-то злиться и понимать, что он тебе нравится? — спросила Накита.

Я наблюдала, как Шу залез в машину, завел ее и дал газу.

— Вот так просто. Тебе нравится Барнабас, не так ли? Даже когда вы спорите?

— Нет, — ответила она немедленно, потом замялась. — Он умнее, чем я думала. Мысли о том, что он может быть прав, а я могу ошибаться, злят меня.

— У меня то же самое, — сказала я, показывая на Эйса, который оттолкнулся от машины и расправлял помятую футболку.

Она перебирала в руках свой амулет и спросила:

— Кто прав?

Я улыбнулась в направлении Эйса и сказала:

— Это неважно.

Она вздохнула.

— Я не понимаю.

— Это часть дружеских отношений, — улыбаясь шире, я остановилась, раскручивая на полную катушку шарм всеобщей любимицы. Обычно это помогало мне с незнакомцами, так что время, проведенное в попытках стать одной из клевых девчонок, было потрачено не зря. Во всяком случае, я так думаю.

Но моя улыбка угасла, когда Эйс почти гаркнул:

— Что вам нужно?

Накита потянулась за своим амулетом и я "нечаянно" наступила ей на ногу.

— Э-э, ничего, — сказала я, она оттолкнула меня от себя, но я и сама уже отступала. — Я хотела извиниться за то, что из-за меня тебя уволили. В этом вроде как моя вина.

Я сделала грустное, с широко раскрытыми глазами личико, и, конечно же,

раздраженное выражение его лица сменилось примирительным. Ах, сила хорошенького личика. Очень жаль, что он смотрел на Накиту, а не на меня. Но она ангел. И зачем я пытаюсь с ней соревноваться?

— В этом не было твоей вины, — сказал он, его голос смягчился. — Шу — задница. — Вспышка гнева окрасила его лицо, и он крикнул в след машины Шу: — Тупица!

— Можно мне соскочить и его тоже? Просто ради забавы? — спросила Накита, Эйс повернулся, шокированный.

— Прекрати, — пробормотала я, но он услышал.

— Что ты сказала?

Я облизала губы, подыскивая слова.

— Так ты любишь музыку? — выпалила я, и он повернулся обратно ко мне.

Пока он посматривал то на меня, то на Накиту, я почти могла видеть, как крутятся его мысли, прикидывая, есть ли у него шанс с нею. Конечно, вероятно. Нет.

— Ага, — ответил он, все еще смотря на нее, и она неожиданно улыбнулась ему в ответ и захихикала как Эми — мой земной заклятый враг из школы в дизайнерских босоножках. Услышать этот звук, исходящий от нее, было для меня шоком, и я не удивилась, когда Эйс добавил:

— Мне все равно нечем сейчас заняться. Хочешь послушать?

— Безусловно! — сказала я с энтузиазмом, он отступил от передней двери, попутно задевая плечом зеркало заднего вида и пытаюсь сохранить невозмутимый вид.

— Залазьте, — сказал он, открывая дверь. — Я живу в двадцати минутах отсюда. Вы сможете послушать новую музыку.

На секунду я посмотрела на длинное сидение, вспоминая последний раз, когда я села в машину к незнакомцу. Это кончилось тем, что я оказалась на дне придорожной канавы, мертвая. Ну ладно, вы не можете убить кого-то дважды, во всяком случае, я так думаю. К тому же, со мной была Накита. Ступая аккуратно, чтобы не наступить на диски, разбросанные повсюду, я забралась внутрь, протискиваясь вглубь к противоположной двери. Грузовичок был старым, с потрескавшимися виниловыми сиденьями и пыльной, выцветшей от солнца торпедой. Коробочки от дисков пускали солнечные зайчики, когда на них попадал свет, и я выдернула одну из-под Накиты, прежде чем она села на нее. Диск, очевидно, был записан дома и был снабжен полиграфией с одной стороны. У Джоша тоже был старый грузовичок, но он хотя бы держал его в чистоте. Я, было, подумала послать ему сообщение, чтобы узнать как у него дела, но слать сообщение парню под носом у Эйса, видимо было не лучшим способом убедить его показать мне его нелегально скачанную музыку.

— Это твоя работа? — спросила я Эйса, когда он забрался, захлопывая дверь дважды чтобы закрыть ее. Одного взгляда на их машины было достаточно, чтобы сказать, что между Эйсом и Шу была огромная разница, и я задумалась, не было ли это причиной его гнева. Возможно, зависть.

— Шу, — ответил он кратко.

— Нет, я имею в виду иллюстрации, — добавила я, его сжатая челюсть чуть расслабилась, он повернул ключ зажигания и завел мотор. — Мне нравится.

Загромыхала музыка — куча ударных, и певец так орет, что невозможно понять, что он поет.

— Спасибо, — сказал он, делая музыку тише, чтобы мы могли его слышать. — Моя мама считает, что я могу пойти учиться и получать стипендию, но какой смысл? Я не буду

бедствовать и продавая рисунки.

Я задумалась о своей собственной мечте — жить, продавая свои фотографии, и понимающе вздохнула.

— Может, — сказала я нерешительно. — Но легче найти способ зарабатывать на чем-то, что ты любишь, чем учиться любить то, на чем ты можешь заработать.

Он ничего не ответил, и я, чувствуя на себе взгляд Накиты, опустила окно. Черт возьми, оно опускалось с помощью ручки, и задало так, как если бы его не опускали целый год. Медленно, застойный воздух сменился свежим, и мы направились к выезду, тем же путем, что и Шу. Когда мы летели сюда, к востоку был небольшой городишко, прямо посреди кукурузных полей.

Эйс качал головой в такт музыке, посматривая на Накиту, чтобы видеть насколько ей нравится музыка.

Я переключила внимание на диск у меня в руках и положила его на приборную доску, провела пальцами по другому, с похожим рисунком. Это были узоры в контрастных, ярких цветах, что напомнило мне кельтские орнаменты.

— Отличная работа, — сказала я, смотря на несколько дисков передо мной. — Я имею в виду иллюстрации. Тебе стоит поговорить с твоим учителем по рисованию. Могу поспорить, она знает о дальнейшем обучении.

— Люди, подобные им, не помогают таким, как я, — сказал Эйс, и его настроение подпортилось. — К тому же колледж... это не для меня.

У меня брови полезли на лоб. Таким людям, как он?

— Это тоже мое, — сказал он, и я проследила за его пальцем, которым он указывал на переезд, под которым мы будем проезжать. Он был покрыт граффити с теми же узорами, что и на дисках. Оригинальные символы были вписаны в узоры, от чего это все выглядело как своего рода смесь между татуировкой и витражом.

— Вау, — сказала я, поворачиваясь и видя что противоположная сторона переезда тоже была разрисована. — Как красиво.

Эйс улыбнулся улыбкой плохого мальчика, постукивая пальцами в такт ударным.

— Меня почти поймали прошлой ночью, когда я работал над этим. Они поджидали меня. Обрати внимание на водонапорную башню.

У Накиты перехватило дыхание, и я проследила за ее взглядом к выпуклой громадине возвышающейся над кукурузными полями. Я таращилась на нее с открытым ртом.

— Нравится? — спросил Эйс, и я просто кивнула, слишком шокированная для чего-либо большего.

— Это напоминает черные крылья! — прошептала Накита, и я снова кивнула. По периметру водонапорной башни была нарисована черно-белая ворона, она выглядела, как если бы была вплавлена в капающую лужицу чего-то вязкого. Это точь-в-точь как черные крылья могли бы выглядеть для смертных — своего рода смесь сложного граффити и наскальных рисунков коренных американцев. Черные крылья были неразумными падальщиками мира духов, и появлялись во время жатвы в надежде ухватить кусочек оставленной без присмотра души. Я ненавидела их, и от них у меня были мурашки. И темные и светлые жнецы использовали их для поиска цели, как бы ненавистны они не были.

— Я сделал это моим торговым знаком, — сообщил Эйс, и я снова обратила свое внимание на него.

— Вороны? — спросила я, подавляя дрожь. — Откуда у тебя появилась идея их так



сплавить?

Он сжал челюсть.

— Шу.

Опять вернулись к Шу. Кажется, Барнабас был прав. Шу был нашей целью, не Эйс.

Эйс убрал одну руку с руля и посмотрел на Накиту.

— Ты не слишком разговорчива.

— Предпочитаю действия пустым разговорам. — ответила она сухо, ведя себя совершенно странно относительно того хихиканья ранее.

Кивая головой, как если бы она сказала что-то мудрое, Эйс сказал:

— Я тоже.

Мне нужно было вернуться к Шу. Барнабас был прав.

— Эй, мне жаль твоего друга, — сказала я нерешительно, пытаюсь перевести разговор на него.

Эйс хмыкнул.

— Он задница. Я знал его с третьего класса, и он всегда был задницей. Ничего нет достаточно хорошего для него. Он всегда тянулся к большим городам и "лучшей жизни". Что плохого в том чтобы просто остаться здесь и быть нормальным?

— Он хакер? — спросила я. — Ты делаешь оформление, а он обеспечивает музыку?

Эйс уставился прямо перед собой, не меняя скорости.

— Ага, — сказал он с сарказмом. — Я просто парень, который заставляет это прикольно выглядеть. Он идет в колледж в конце этого года. Между заполнением заявлений и подготовкой к экзаменам я вижу его только на работе.

Аххх, он завидует. Чувствует себя покинутым. Возможно это и не подходящее время, но рано или поздно мы проедем поля. Я не хочу провести день с Эйсом, когда Шу в опасности.

— Ммм, не мог бы ты подкинуть нас к дому Шу? — спросила я, и Эйс подался вперед, мимо Накиты, чтобы видеть меня.

— Ты, должно быть, шутишь, — сказал Эйс с отвращением. — Все это, только чтобы подобраться к нему, не так ли? Вы, девушки, все одинаковые. Видите красивую машину и думаете, что я просто отброс.

— Нет! — воскликнула я, у меня появился пульс. Чувствуя это, Накита посмотрела на меня. — Эйс, Шу в опасности, — сказала я и, видя его гнев, выпалила: — Я знаю все с вирусе, который он хочет выпустить в школе. И это повлечет смерти людей.

Грузовичок Эйса вильнул, и он уставился на меня, шокированный.

— Смотри на дорогу! — выкрикнула я, вспоминая, как съехала в кювет. Я ударила рукой по приборной доске. Но он не слушал меня.

— Компьютерные вирусы не убивают людей, — сказал он со злостью. — Как вы узнали о нем? Он сказал вам? Шу рассказал вам, а потом разозлился на меня за то, что я разболтал о краже какой-то галимой музыки?

Его голос резал мне уши, и я резко перевела взгляд с него на дорогу, радуясь, что она пуста.

— Он не говорил мне, — сказала я, — это моя работа — знать такие вещи.

Эйс засмеялся, но я вздохнула с облегчением, когда он снова начал смотреть на дорогу. Накита, замерев, сидела между нами, перебирая пальцами свой амулет и не вмешиваясь, но ее нахмуренность явно выражала мнение, что я делаю ошибку.

— Твоя работа, да? А кто же ты, молчаливая девочка? Ее громила?

Накита опустила руку, чтобы придержать свою небольшую сумочку на коленях.

— Да.

Он снова горько рассмеялся, и трясая головой, пробормотал:

— Я просто магнит для сумасшедших баб. Магнит для чокнутых, чудных баб.

Во мне вспыхнул гнев.

— Мне все равно веришь ты мне или нет, — сказала я резко, — но вирус покинет пределы школы и попадет в больницу. Погибнут люди. — Я сменила свой тон на умоляющий. — Ты просто должен помочь мне убедить Шу не делать этого. Он не будет меня слушать, но тебя — да, ты его друг.

Эйс смотрел на меня с безрассудным гневом в глазах.

— Да пошла ты, — сказал он неожиданно. — И Шу туда же. Какого черта он меня должен беспокоить?

Разочарованная я отпустила приборную доску. Шу собирался в колледж, Эйс — нет. Он боялся, что он недостаточно хорош, чтобы поспевать за Шу, и ему легче было ненавидеть Шу, чем попытаться соответствовать и, возможно, потерпеть неудачу.

— Мы не едем к Шу? — спросила Накита.

— Я скорее отправлюсь в ад, — сказал Эйс, и Накита пришла в движение.

— Эй! — выкрикнул Эйс, когда Накита внезапно повернулась на своем сидении и схватила его за футболку.

— Ты не отправишься в ад. Ты доставишь нас к дому Шу, — потребовала она, и грузовичок вильнул.

— Накита! Отпусти его! — крикнула я, когда мы пересекли желтую линию, потом вильнули обратно, колеса машины уходили с дороги.

— Отпусти, сумасшедшая! — крикнул Эйс, одна пара колес все еще была вне дороги, мы продолжали нестись на скорости шестьдесят миль в час. Медленно, он снова вырулил на асфальт, и только после того, как все четыре наших колеса оказались на дороге, он нажал на тормоза, и мы остановились.

— Выметайтесь! — кричал Эйс. — Вон из моей машины, придурки!

Я была более чем готова, распахнув дверь настежь и соскользнув на горячий асфальт. Меня трясло и подташнивало от воспоминаний автокатастрофы, в которой я погибла.

— Я сказала тебе доставить нас к Шу, — сказала Накита все еще внутри машины.

— А я сказал тебе выметаться! — Ее сумочка оказалась в воздухе и приземлилась у моих ног. — Я ни разу не бил женщину, но ты просто напрашиваешься, детка. И почему хорошенькие все чокнутые?

Детка? Он действительно назвал ее деткой?

Накита была на грани, я наклонилась к машине потянуть ее за руку.

— Давай, пошли.

Я выдернула ее из машины как раз в тот момент, когда Эйс вдавил газ, ускоряясь и визжа покрышками по асфальту. Даже не закрыв дверь.

— Чокнутые сучки! — крикнул он, оставляя след из маслянистого дыма и отдаляющегося звука мотора.

Накита стояла рядом со мной и просто-таки тряслась от гнева.

— Я не чокнутая, — сказала она и подняла свою пустую маленькую красную сумочку. Мысленно я согласилась с ней. Звук от машины Эйса быстро исчезал, и я окинула взглядом пустую дорогу, думая о том, где же Барнабас.

— Сработало не так, как я хотела, — сказала я, начиная идти в направлении, в котором исчез Эйс. Городок не мог быть слишком далеко.

Накита поправила босоножки, и последовала за мной — цок, цок, цок по раскаленному асфальту.

— Ты слишком много ему сказала. Меченые никогда не верят. Вот поэтому мы и скашиваем их.

В ее тоне слышалось молчаливое обвинение в том, что с моей стороны было глупостью даже попытаться изменить несколько тысяч лет традиций. Пока мы шли, я задумчиво наблюдала, как медленно раскачивались ровные ряды высокой кукурузы. Ну, хотя бы Барнабас следит за нужным человеком.

— Не нужно ли нам найти Барнабаса? — спросила Накита, выглядевшая неуверенно от моего затянувшегося молчания. — Я пыталась вызвать его из машины и не смогла дотянуться до него. Он еще недостаточно темен. Ты же, возможно, будешь способна засечь его.

— Я? — взвизгнула я, смущенная, хотя она и так уже знала о неделях неудач, когда мы с Барнабасом сидели у меня на крыше и пытались. — Наши амулеты всё также далеки друг от друга. Светлый жнец, темный хранитель времени... ну, ты знаешь, — сказала я, радуясь, что у меня есть мобильный. На худой конец, я позвоню отцу и скажу, что занята с Джошем. Он меня прикроет. Мне не стоило все это рассказывать Эйсу. Неудивительно, что он думает о нас, как о чокнутых. Я бы тоже так думала.

Накита зашагала бесшумно, когда мы вышли на середину дороги, следуя за потертой желтой линией.

— В прошлый раз, когда ты пробовала, резонанс амулета Барнабаса был красным, как у светлого жнеца, — сказала она, и я посмотрела на нее, думая "ну мы и парочка". — С того времени он уже изменил спектр в направлении зеленого, как у жнеца мрака. Я не могу дотянуться до него, но твой амулет хранителя времени более гибкий, чем мой, и Барнабас — тот, с кем ты тренировалась. Я слышу, как его амулет резонирует в небесах, так что он еще не закрыл себя щитом. Я, конечно, могу нести тебя в полете, но найти Барнабаса будет намного легче, если мы будем знать точно, где он находится.

Я вздохнула и потянулась рукой к амулету. Каждый раз, как я пыталась его использовать, или ничего не происходило, или я совершала ошибку.

— Что ты теряешь, если попытаешься? — упрасивала Накита. — Барнабасу нужно знать, что случилось. Несмотря на его "я всезнайка" позицию, он часть нашей ... команды.

Она произнесла последнее слово так, как если бы съела что-то кислое, и ее еле заметная улыбка скрасила мое настроение. Она старалась.

— Хорошо, — сказала я покорно, — но если у меня не получится дотянуться до него, мы найдем его с воздуха.

Она кивнула, и ощутила дрожь предвкушения. Будет замечательно, если у меня получится. С тех пор как я завладела им, мой амулет был все того же насыщенного, блестящего черного цвета, а вот амулет Барнабаса сместился вниз по спектру. Накита права — есть вероятность удачи.

Взволнованная, я повернулась к высоким полям кукурузы, потом к пустой дороге — слушая звук ветра. Или ничего не получится, или я заставлю его заработать. Не то, чтобы я не знала теорию вдоль и поперек после бесконечного числа ночей у меня на крыше, потраченных на бесплотные попытки. Остановившись, я села прямо на границе между

дорогой и обочиной, ерзая, пока мелкий щебень не коснулся моих лодыжек.

Накита понимающе посмотрела на меня.

— Я не очень в этом, — объяснила я, смущаясь. — Мне нужно сесть.

Закрывая глаза, я сделала три медленных вдоха — мой способ расслабиться. Мои плечи опустились, и я выдохнула.

В своем воображении я попыталась представить свою ауру. Это в действительности не была моя аура, поскольку я мертва, но резонанс амулета действовал подобным образом. Потому что у меня был амулет темного хранителя времени, моя аура была фиолетового цвета, такого темного, что он был почти за пределами видимого спектра и по существу являлся черным. С закрытыми глазами я потянулась и взяла в руку блестящий черный камень, оплетенный серебряной проволокой и висящий у меня на шее на простом шнурке. До тех пор, пока он на расстоянии двадцати футов от меня, у меня сохраняется иллюзия физического тела. Если я окажусь слишком далеко от него, черные крылья почуют меня и накинута всей стаей на мою душу — двадцать ничтожных футов между мною и окончательной смертью. Он выглядел во многом как амулет жнеца, но был более могущественным и, как сказала Накита, более гибким. Моя душа не превратилась в пыль, когда я отобрала его у моего предшественника, как было бы, если бы я попыталась завладеть амулетом жнеца. Большинство людей даже не видят его, пока им не указать на него. Я могла не носить его на шее, но снимать как-то не хотелось.

Серебряная проволока, обрамляющая камень, была теплой, а сам камень был еще теплее, как если бы держал в себе тепло солнца. В теории, все что мне нужно было сделать, так это представить, как мои мысли становятся того же цвета или и длины, что и моя аура — так, чтобы они смогли выскользнуть из меня. Затем я должна удерживать мои мысли, изменяя их цвет в соответствии с цветом ауры Барнабаса — так, чтобы они смогли проскользнуть сквозь его ауру, и он смог их услышать. Его резонанс сейчас был зеленого цвета. Так что это должно быть легче, чем пытаться сместить через весь спектр. Возможно, у меня получится. Возможно.

Я думала о Барнабасе, его улыбке, черном юморе, странных взглядах на мир, возрасте, читающим в его карих глазах, и как они серебрились, когда он касался будущего.

Барнабас, думала я, делая мои мысли как можно более фиолетовыми, так чтобы я могла протолкнуть их сквозь свою ауру. Мы с Накитой вроде как застряли тут посреди дороги.

По мне пробежала дрожь, когда я почувствовала, как мои мысли покинули меня и оттолкнулись от внутренней стороны сферы воздушной оболочки, которая окружает землю. Но потом, все мои мысли как будто взорвались ярким светом. Шокированная, я открыла глаза и моргнула.

— Я почувствовала, как они покинули твое тело, — сказала Накита, улыбаясь. — Но они распались, когда преломились о солнечный свет. Тебе нужно изменять свои мысли в соответствии с его аурой прежде, чем они отразятся от атмосферы, не позже.

Она почувствовала, думала я, подавляя дрожь предвкушения. Барнабас никогда во время наших занятий не говорил о том, что что-то чувствовал. Я поерзала неуклюже на асфальте, чтобы скрыть дрожь, думая о том, что это будет выглядеть глупо для любого проезжающего. Не то, чтобы мы видели кого-то на этой дороге. Так близко к получению результата я еще не подходила. Накита также смогла научить меня как искривлять свет вокруг моего амулета, чтобы делать его невидимым. Возможно Накита, несмотря на всю ее неуклюжесть и отсутствие навыков среди людей, была лучшим учителем. Не будет ли Барнабас просто-таки

счастлив, узнав это?

— Давай попробую снова, — прошептала я, закрывая глаза и успокаивая мысли, чтобы пробиться сквозь резонанс моей ауры, и подумала с четкой направленностью: "Барнабас, мы застряли посреди дороги. Можешь найти нас?"

— Сейчас! — выкрикнула Накита, и я изогнула свои мысли, делая волну шире, вероятно, более зеленую. Они ударили в изгиб атмосферы и отразились обратно, будучи притянуты к чему-то, как если бы принадлежали ему. Возможно, Барнабасу?

Напрягшись, я судорожно вздохнула, когда получила проблеск чувства, похожего на память, принадлежащую кому-то другому. Это было, как если бы я смотрела сквозь глаза Барнабаса, в то время как он сидел в кустах через улицу от хорошего дома. Он подпрыгнул, когда мои мысли появились у него в голове. Потом он исчез, а я была окружена песком и щурилась от солнца. Я была одета в белую рубашку, развивающуюся на угнетающе сухом ветру. Молодой человек с черными глазами сидел напротив меня, работая на ноутбуке, его были одежды такими же белыми и свободными, как мои. Кто-то выругался, когда мои мысли раздались в его голове, я открыла глаза и снова нашла себя на дороге посреди кукурузных полей.

Ох-ох-ох, это не к добру.

Накита склонилась передо мной, опустив руку на моё плечо. В её глазах светилась заботой, а черные волосы упали на лицо.

— Мэдисон? Ты в порядке?

Щурясь, я вытянула руку, и она взяла ее, подаваясь назад и помогая мне встать. Я посмотрела на свои кеды и расправила колготки. Во мне нарастало нехорошее предчувствие, когда Накита увидела выражение моего лица, и я прямо почувствовала, как ее беспокойство переходит в тревогу.

— Как быстро ты можешь лететь? — спросила я, и она уставилась на меня, как если бы я была не в себе.

— Зачем? — спросила она, и я подняла взгляд к небу, морщась.

— Потому что мне кажется, я только что сообщила Рону о нашей аванюре.

Накита стояла рядом со мной, в своих дизайнерских джинсах и модных босоножках, открывающих сверкавшие на солнце черные ногти. Ее глаза перебегали с неба на окружающее нас с двух сторон поле. Амулет жнеца сверкал фиолетовым цветом, посылая радужные отблески на стебли кукурузы. Снова подняв голову так, что волосы колыхнулись, она изучала небо.

— Барнабас, ты где? — спросила она, и я вздрогнула. Нерешительность и неловкость исчезли. Она была темным ангелом, и ничто ее не остановит. — Возможно, мы должны идти без него. Я скрываю резонанс твоего амулета, но если Барнабас сможет следовать за эхом твоих мыслей, то и Хронос сможет.

Я не двигалась, прислушиваясь, как ветер играет с листьями, и сканируя небо и свою ауру на любое покалывание энергии. Черт побери, если Рон узнает, что мы здесь, все станет еще труднее.

— Барнабас, — выдохнула Накита, высматривая что-то далеко в небе, недостижимое для человеческих глаз; у меня возникла мысль, что это, похоже, первый раз, когда она рада его видеть.

Мои плечи расслабились, но мне все еще было не по себе от воспоминания, что я была в голове Рона. Это, должно быть, был он. Если я могла попасть в его голову, то он может попасть в мою. А кто был тот парень с ним? Его замена? Мой будущий соперник?

Рон — или Хронос, как его звали на самом деле — был мерзким типом. Да, он верил в выбор, как и я. Да, он посылал светлых жнецов, чтобы помешать темным жнецам скосить душу прежде, чем подкинут монетку, и я считала это правильным. Если все было бы иначе, мы бы работали вместе. Но он лгал мне о том, кем я стала, когда меня убили. Он скрывал от меня, что я восходящий темный хранитель времени, пока не стало слишком поздно, и мое тело была спрятано Кайросом, что вынудило меня принять статус хранителя, назначенный серафимами, чтобы остаться в живых. Он предал меня и Барнабаса, как лгал и Небесам, в стремлении изменить баланс небесной власти на земле в свою пользу. И он, как предполагалось, был хорошим парнем.

Накита переступала с ноги на ногу, тревожная морщинка пересекла ее лоб.

— Как только Барнабас приземлится, мы улетаем. Никто из нас не сможет противостоять Хроносу, — сообщила она, явно расстроенная. — Он способен остановить время.

Я подошла к ней, жалея, что Барнабас еще не опустился. Пока он был лишь белым пятнышком на голубом небе.

— Все будет хорошо, — сказала я, пытаюсь убедить и себя также. — Даже если Рон заморозит время, он не сможет меня убить.

Она повернулась ко мне, ее глаза на мгновение замерцали серебром — она обратилась к божественному:

— А что, если он заберет тебя туда, куда я не смогу последовать?

Нервно сглотнув, я пожала плечами:

— Зачем ему это? Мы стоим на дороге, ничего не делаем. Возможно, он просто пошлет жнеца, проверить. — Но все было не так просто, и мы знали это. Как только Рон узнает, что мы обнаружили меченного, он просто приставит ангела-хранителя к Шу, и я бы проиграла.

Я подняла глаза, когда свет на мгновение затмился, сквозь ослепительное солнце наблюдая за парой белых крыльев. С порывом воздуха Барнабас приземлился прямо перед нами, его карие глаза восхищенно сияли.

— Мэдисон! У тебя получилось! — воскликнул он, его крылья сложились за спиной прежде, чем исчезнуть. Шагнув вперед, он продолжил: — Я знал, что ты сможешь! Когда твоя мысль проникла в мою... я так тобой горжусь!

Но затем он заметил наши кислые физиономии:

— Что случилось?

Накита снова уставилась на небо:

— Ее сообщение для тебя отозвалось эхом в мыслях Хроноса.

— Он, скорее всего, объявится, — добавила я несчастно.

— Как? — Барнабас выглядел запутанным. — Его резонанс отличается от моего.

Глаза Накиты перебегали по всему полю.

— Они оба — хранители времени, — сказала она. — Ты не думаешь, что серафимы создали их так, чтобы они могли говорить между собой, если захотят?

— Я смотрела его глазами, — сообщила я.

— Святые ветра! — выругался Барнабас. — Ты ее скрываешь?

— Конечно, я скрываю ее, ты, сломанное перо! — отрезала Накита. — Но я уверена, он ощутил проблеск нашего местонахождения, прежде чем я поставила щит. Ты же почувствовал?

Барнабас скривился. Взяв меня за локоть, он потянул нас с дороги, почти в заросли кукурузы.

— Отлично. Мы улетаем, — сообщил он Наките. — Давай покинем это место, прежде чем он объявится.

Накита кивнула, и ее амулет сверкнул, когда она пожала плечами, раскрыв появившиеся крылья. Я стояла между двумя ангелами, одного с белыми крыльями, другого с черными, оба были обеспокоенными.

— Почему у меня вечно все получается неправильно? — спросила я, не ожидая ответа — когда я напугана, я очень словоохотлива.

Барнабас снова раскрыл крылья — они доставали до краев дороги.

— Нет четкого понятия правильного или неправильного, — сказал он, обнимая меня и приподнимая в воздух. — У тебя получилось, и теперь ты должна научиться фокусироваться. Как говорится, первый блин всегда комом. Я бы хотел, чтобы ты потренировалась прямо сейчас, но мы должны держать щит и над амулетом, и над разумом.

Ничего не ответив, я прижалась еще крепче к нему, вдыхая аромат подсолнухов и перьев. Хотя он и сказал, что все нормально, все же это будет моей виной, если Рон узнает о наших действиях.

— У тебя получилось, — сказал он, его рука скользнула вокруг меня. — Ты упорно старалась над этим навыком и теперь должна чувствовать радость.

— Спасибо, — проговорила я, чувствуя себя немного лучше, когда встала ему на ноги.

Но он не двигался. На самом деле ничего не двигалось — ни Барнабас, ни ветер, ни кукурузные стебли — я вздрогнула, ощутив, как что-то туманное касается моего амулета и требует его ответа.

Инстинктивно, благодаря множеству часов практики, я открыла внутреннее зрение, перемещая свой амулет между сосредоточиями времен.

"Настоящим" являлись мерцающие линии, простирающиеся к бесконечности. Здесь была моя душа, отсылающая мысли в будущее, потянувшая меня за собой, закрепляя меня в будущем моменте прежде, чем он станет текущим. Позади себя во внутреннем взгляде я видела мое прошлое, переплетенное с Барнабасом, Накитой и даже яркие серебристые мысли об Эйсе. Но это были не просто мои мысли, существующие в настоящем времени до обращения к амулету, как это должно быть. Там были и чужие.

Рон, подумала я в панике, проводя рукой по сосредоточию времен, разрушая нити его амулета, тянущиеся к моему.

Я открыла глаза. Весь процесс занял меньше времени, чем лопается мыльный пузырь.

— Барнабас? — Я задрожала, видя его руку, по-прежнему обнимающую меня. Я выскользнула из неподвижного захвата. Паника зарождалась между моими мыслями и действиями. Рон остановил время. Сын щенка.

Сердце колотилось, я обернулась в абсолютной неподвижности остановленного времени. Там, прямо посреди дороги, стоял Рон.

Рон не был высоким мужчиной, не намного выше меня, что неудивительно, так как он родился тысячу лет назад. Я думаю, рост его беспокоил. Кудрявые седеющие волосы когда-то были черными, и цвет лица тоже был темным. В глазах мерцало явное недовольство, и я подумала, не мерцают ли мои глаза также. На нем была та же белая одежда, которую я видела несколько минут назад в своей голове, типа туники греческого типа. Вид его, стоящего на расстоянии десяти футов от меня с потрясенным выражением, доставил мне удовлетворение. Возможно, он не ожидал, что я сломаю его захват так легко.

— Остановись, — сказала я, схватив свой амулет. Вряд ли бы он попытался сдернуть мой амулет, так как не мог его использовать, но мне, все же, было сложно отпустить теплый камушек.

Рон покосился на дорогу за мной.

— Мои поздравления, — сказал он. — Как и по поводу разрывания нитей моего амулета, так и изучения, как мысленно говорить с ним. Я знаю, это не Барнабас научил тебя. У него воображение дождевого червя. Серафимы? Может быть, ты могла бы использовать свой внутренний голос в следующий раз? Ты кричала.

Сарказм так и веял он него, и я протянула руку в предупреждении, когда он шагнул вперед. Резко остановившись, он положил руку на бедро, смотря на меня как на твякающую собаку за забором.

— Что вы здесь делаете? Разве сегодня не школьный день?

— Это не твое дело, — ответила я, пятясь назад, поближе к Барнабасу и Наките. — Отпусти их.

Он улыбнулся. Я вспомнила, как верила в него.

— Ты не должна бояться меня, Мэдисон. Я не причиню тебе вреда. Серафимы убьют меня. Ты их будущая большая надежда. — Он покачал головой, почти насмехаясь надо мной. — Есть вещи похуже, чем боль.

Бьюсь об заклад, ты в курсе, что это за вещи, подумала я, всей душой желая, чтобы Барнабас и Накита меня поддержали. Черт побери, было странно видеть обоих в полном молчании. Внезапно меня осенило, я включила внутреннее видение, ища среди сосредоточия времен фиолетовое свечение Накиты и бриллиантовую зелень Барнабаса. Найдя их, я стерла все нити, связывающие их с амулетом Рона.

Почувствовав мое вмешательство, Рон выругался, и оба моих жнеца пришли в себя.



Волны возбуждения нахлынули на меня, и я зашаталась, с трудом удерживаясь на ногах, пытаюсь разделить свое внимание между настоящим и будущим. Как только я отпущу свой щит, они будут заморожены снова.

— Оставь ее в покое, Рон! — закричал Барнабас, поддерживая меня, и я ощутила покалывание на своей ауре. Накита стояла между нами, и мне захотелось заплакать. Я освободила их! Я не была совсем беспомощна, в конце концов, даже если Барнабас удерживал меня от падения.

— Дело не во мне, — мрачно сказал Рон, — просто она еще не слишком хорошо знает то, что пытается сделать.

Барнабас крепко держал меня, и я постепенно вернула баланс тела.

— Все нормально, — прошептала я, когда разделять мысли стало легче. Я практиковала стирание нитей и раньше, но я не занималась этим уже некоторое время. Да и нити я стирала от своего амулета, а не двух других. Это было... гораздо сложнее, и я не могла сконцентрироваться на всем сразу.

Накита медленно расслаблялась, выходя из боевой стойки, видя, что Рон не думает навредить нам. Он просто хотел знать, что мы делаем. Я не собиралась ему ничего рассказывать, и он выглядел недовольным, когда я неспешно приходила в себя, удерживая нити. Мы могли улететь прямо сейчас, и он останется с носом.

— Что ты хочешь? — спросила я, хотя все было очевидно. А кто был с тобой в пустыне? Для его обучения ты нашел время, да?

Рон развел руками, пытаюсь выглядеть рассудительным.

— Хочу знать, что вы делаете, — ответил он. — Это не жатва, я бы это увидел к настоящему моменту.

Накита шагнула вперед, встав между мной и Роном.

— Ну, тогда почему ты не можешь просто уйти, а?

Он проигнорировал ее, вместо этого впившись взглядом в Барнабаса.

— Убиваешь тех, кого ты поклялся защищать, — язвительно проговорил Рон, и я поняла, что они не разговаривали друг с другом с тех пор, как я стала темным хранителем времени, и Барнабас его оставил. — Я дал тебе амулет. Ты был моим лучшим жнецом, Барнабас, но я не принял бы тебя обратно, даже если бы ты занимался самоуничижением на скале в течение тысячи лет. Теперь ты в одной команде со жнецом, против которого боролся? Посмотри на нее — черные ногти и яркая сумочка. Она не воин. Ты сам навешал на себя ярмо пустоголового и безрассудного. Ты действительно пал, ангел.

— Не ты дал мне амулет, — глухо сказал Барнабас. — Это сделал предшественник твоего предшественника. — Он проявил свой амулет, чтобы показать чистоту нейтрального зеленого сияния. Накита и я обменялись заинтересованным взглядом. И как давно амулет Барнабаса стал таким? — Я все еще верю в выбор, — продолжал он гордо. — Времена изменились. А ты нет. Я ничего тебе не должен. Ты лгал мне, — закончил Барнабас голосом, наполненным горечью.

— Ты подвел меня, — сказал Рон, будто это имело значение. — Я велел тебе держать язык за зубами. Если бы ты послушался, то вся ситуация была бы другой. Светлые жнецы стали бы сильнее.

— Я верил, что ты делаешь то, что является правильным, — сказал Барнабас мягко. — Теперь я доверяю Мэдисон.

Рон усмехнулся.

— И так легко перешел на убийство невинных.

Светлый хранитель времени смеялся над ним, стараясь незаметно отступить назад.

— Я не... — начал Барнабас, но Накита пихнула его.

— Меченный не является невинным, — горячо заспорила она, кровь прилила к ее щекам. — Он сознательно планирует убийство людей своими действиями, а затем продолжит делать это!

Встревоженная, я обожгла ее взглядом:

— Замолчи! — Воскликнула я. Она все испортит!

Но Рон уже все понял, его глаза загорелись.

— Это — жатва, — сказал он. — Но я не обращался к будущему.

Накита горделиво заявила:

— Серафимы видят дальше тебя.

— Да заткнешься ты, наконец? — закричал Барнабас.

— И можешь не беспокоиться, Хронос, — хвасталась Накита, не обращая внимания на нас. — Я убью его прежде, чем ты приставишь к нему ангела-хранителя. На сей раз ты не запятнаешь прекрасное видение серафимов!

Отлично! Просто супер! Стоя посередине пустой дороги, я всматривалась в замороженные поля и небо с остановившимся солнцем.

— Рон, давай ты просто уйдешь? — предложила я, зная, что все без толку. — Верить или нет, но я пытаюсь кое-кого спасти.

Барнабас фыркнул, и я повернулась к нему.

— Нам уже нечего скрывать, — кисло заметила я. — Накита хорошо постаралась.

Накита поморщилась от огорчения, только теперь поняв, что она наделала.

— Ты, — сказал Рон, указывая на меня пальцем, — убийца, кто посылает темного ангела омыwać кровью невинных свою косу. Я старался спасти тебя от этого, но ты отбросила единственный шанс не смешаться с грязью!

Мои глаза сузились, и я шагнула вперед, пока прикосновение Барнабаса не остановило меня.

— Ну, возможно, если бы ты не лгал мне, я смотрела бы на вещи иначе! — воскликнула я, стряхивая руку Барнабаса. Да, я работала на темных жнецов, но я пыталась что-то изменить, объединить свою веру и желания серафимов во благо. Рон, конечно, меня не поймет. — Мне все равно, веришь ты или нет, — продолжила я. — Я пытаюсь спасти чью-то жизнь. Почему бы тебе не покинуть нас?

Улыбаясь, он скользнул взглядом по Наките. Она должна будет убить Шу, если я потерплю неудачу, и понимающее выражение отразилось в его глазах. Не зависимо от того, кем я хотела быть, он всегда будет видеть во мне только плохое, потому что другого он никогда не знал.

— Ты пытаешься кое-кого спасти, — повторил он, издеваясь. — Со светлым жнецом-предателем, который перешел во тьму, и темным жнецом у твоей руки, на случай, если ты потерпишь неудачу.

— Я не предавал то, во что верю! — сказал Барнабас, и я задрала подбородок.

— Мы найдем его первыми, — заявила я. Рон хмыкнул, медленно, маленькими шажочками отступая назад.

— Посмотрим, — ответил он. — Ты не знаешь, кого ищешь. Ты не заглядывала в будущее. Я точно знаю. Ты слишком самоуверенна. Серафимы снабжают вас информацией?

Удачи вам! Они настолько дальновидны, что не замечают происходящего под самым их высокомерным носом. Ты не имеешь ни малейшего понятия, что собираешься сделать.

— Правда? — Я выстрелила в него взглядом. — И кто же в этом виноват?

Широкая улыбка расплылась по его лицу.

— Я, — проговорил он, и по-прежнему глядя на меня, исчез.

Мир вспыхнул в движении и в звуках, и меня потряс внезапный взрыв нового света и шума. Внимание снова раздвоилось, я все еще цеплялась за ниточки чужого амулета, которого уже не было. Я видела, как он исчез, скрывшись в ярком беззвучном хлопке. Я никогда не научусь такому.

— Бог тебе в помощь, Накита, — сказал Барнабас, шагнув на середину дороги. — Почему ты просто не сказала ему, кого мы собираемся спасти?

Накита развернулась на каблуках.

— Ты все еще наивно считаешь, что я планирую спасти Шу? — спросила она, указывая на сумочку, будто она была оружием. — Если я замечу черные крылья, светлого жнеца или ангела-хранителя кроме Грейс, я его убью. Я не хочу, чтобы какой-то кретин, хранитель времени приставил ангела-хранителя к такому, как Шу!

— Рон не кретин! — закричал Барнабас, сохранивший, по-видимому, капельку лояльности к своему прежнему шефу.

— Кретин!

Я вздохнула, усевшись на теплый асфальт спиной к ним, ожидая, когда они перестанут собачиться. По крайней мере, Рон думает, что мы не знаем, кто был помечен.

— Ты не убьешь Шу, — заявил Барнабас. — Я тебе не позволю!

— Осторожно, Барнабас, — передразнила Накита. — Твоя мрачность проявляется.

Это было низко, и я обернулась, чтобы увидеть как она, положив руку на бедро, почти нос к носу уставилась на Барнабаса. Он нахмурился, чувствуя стыд от унижительного термина. Барнабас не был мрачным. Ну да, он покинул Рона, но он не был линчевателем, который жил только ради убийства.

— Я не позволю, чтобы к Шу прикрепили ангела-хранителя, — сказала она, неопределенно указывая в сторону невидимого города. — С того момента, как он решится на убийство, он будет вызывать только боль для всего мира. Нет никакого милосердия для такой жизни!

— Забавно, а это не то, чем ты занимаешься? Убиваешь людей? — огрызнулся он, и темный жнец разочарованно взвыла.

— Заткни свою пасть! — прошипела она Барнабасу. — Все споры ни к чему не приведут, кроме нависшей беды над Мэдисон. Серафимы наблюдают.

— Тогда сама заткнись, — раздраженно ответил он, но я почувствовала новый виток беспокойства. Я забыла. Забыла, что серафимы наблюдали, и если я не смогу заставить светлого и темного жнеца сотрудничать, тогда все пропадет пропадом.

— Барнабас, — перебила я его, не отрывая взгляда от кукурузного поля. — Может ли Рон что-нибудь предпринять, основываясь на том, что узнал от нас?

Наконец, спор прекратился. Шаги Барнабаса были бесшумны в мягких ботинках, когда он подошел ко мне. Его крылья исчезли, на лице обеспокоенное выражение. Очевидно, Рон его потряс.

— Пока Рон не сможет идентифицировать меченного, думаю, ничего не изменится, — сказал Барнабас, и Накита фыркнула. — Мы должны быть более осмотрительными, чтобы

препятствовать ему следовать за нами. Один из нас должен остаться с тобой и скрывать резонанс твоего амулета. — Он окинул пристальным взглядом Накиту, стоящую позади меня. — Было бы намного легче, если ты просто согласишься не убивать Шу.

— Я не убью его! — протестовала она, шагнув вперед. — Но я это сделаю, прежде чем позволю Хроносу отправить своего жнеца или ангела-хранителя, защищая его от судьбы. Под опекой ангела и бессмысленной защитой небес до конца дней своих он может натворить немало бед!

Я задумалась, как много диктаторов в мировой истории были под крылышками нежной заботы Рона, отстаивающего право души на выбор. Поднявшись на ноги, я вздохнула.

— Это на самом деле странно, — сказала я, отряхивая черные трико. — Я люблю вас обоих, и понятия не имею почему.

Накита моргнула, переводя внимания с Барнабаса на меня.

— Потому что ты темный хранитель времени, — сказала она таким тоном, будто все и так очевидно.

Вздохнув, я посмотрела вверх и вниз по дороге, желая быть где-то в другом месте. Где-нибудь еще.

— Как ты думаешь, что он будет делать? — спросила я Барнабаса. — Я имею в виду Рона. Ты знаешь его лучше.

Барнабас посмотрел туда, где стоял Рон перед тем, как исчезнуть.

— Вероятно, будет искать линии местного времени, пока он не узнает, где мы были, потом постарается определить, с кем мы контактировали. Но он не может реально действовать, пока не обратится к будущему и не увидит меченного. Вот тогда он отправит жнеца. Иногда первым успевают темный хранитель времени, иногда светлый. Кто увидит более четкие картины будущего, тот первым и действует, я полагаю, так происходит баланс между силами.

Я кивнула, думая, что это имело смысл. Чем ближе по времени от поворотного момента вспыхивает видение, тем яснее восприятие хранителя времени. Поморщившись, я взглянула на часы. Было уже поздно, и еще требовалось время, чтобы вернуться домой, даже на крыльях.

— Я должна вернуться в школу, — сказала я обеспокоенно. — Отметиться у папы. Забрать домашнее задание у Джоша.

— Я останусь здесь, — сразу заявил Барнабас, а Накита, естественно, ошетибилась.

— Почему? — спросила она воинственно, расставив ноги на ширине плеч. Я встретила глазами с Барнабасом, без слов соглашаясь с ним. Она уже бесилась от одного его вида.

— Потому что Барнабас не убьет Шу, если Рон отправит кого-нибудь следить за нами.

Накита начала было протестовать, и я рассердилась.

— Посмотри, — сказала я, не скрывая свое негодование. — Черных крыльев в поле зрения не наблюдается. Я не обращалась к будущему, значит и Рон тоже. Барнабас, ты сможешь передать мне мысленное сообщение на таком расстоянии?

— Не тогда, когда ты под щитом, — угрюмо сообщил он.

— Не проблема, — ответила я, проводя рукой по волосам, сглаживая прическу. — Я не нуждаюсь в защите у себя дома. Рон знает, где я живу, и если он увидит что я там, он может перестать следить. Накита сможет прилететь домой и обратно, когда папа ляжет спать. А ты тем временем сможешь сообщить нам, если что-то произойдет.

На мой взгляд, план был хорошим, но Барнабас и Накита не отнеслись к нему с видимым энтузиазмом.

— Я сообщу, если что-нибудь изменится, — согласился он, его взгляд был удрученным, и я поняла, что его беспокоит резонанс амулета, перемещенный вниз по спектру. Больше он не мог относить себя к светлым жнецам, независимо от своей веры. Его связь со мной изменила его также, как изменила Накиту.

— Хорошо, — сказал он покорно, не желая показывать свою депрессию. Он был светлым жнецом в течение долгого времени. Он никогда не станет темным жнецом, даже если его амулет станет черным, как у меня. Он будет одиноким и обособленным всю свою жизнь.

Я пододвинулась к Наките; никогда не летала с ней раньше, но думаю, раз Барнабас мог меня нести, то и она сможет. На мгновение показалось, будто она собирается запротестовать, но заметив несчастное выражение Барнабаса, она просто раскрыла крылья, касаясь кончиками высоко над головой. Я смотрела на них, думая, что они прекрасны, даже если совсем не подходили к ее яркой одежде и сандалиям. Я бросила взгляд на Барнабаса, очень не желая оставлять его в таком состоянии.

— Ты в самом деле можешь лететь с другим человеком? — спросила я ее, и Накита перевела взгляд с Барнабаса на меня.

— Через минуту мы узнаем, — сообщила она, и я порадовалась, что умереть дважды невозможно.

Наблюдая за нашими приготовлениями, Барнабас состряпал улыбку на лице.

— Летите, — сказал он. — Я найду какое-нибудь укромное место, где смогу незаметно наблюдать за Шу. Думаю, что у нас есть время до полуночи, пока Рон не выделит резонанс Шу в линиях местного времени.

Я не знала, верить ему или нет. Вздохнув, я откинулась назад, к Наките. Ее рука нерешительно обернулась вокруг моей талии, и споткнулась, когда ее крылья открылись, подняв нас на дюйм вверх и снова опустив. Мое сердце заколотилось, она переместила свой вес.

— Мне жаль, что ты изменился, — сказала она Барнабасу. Слова были сказаны очень тихо, но я знала, что он услышал. — Она изменяет людей, — добавила она, будто меня здесь не было. — Может быть, это ее цель.

— Возможно, — сказал Барнабас, потом чуть поднялся от земли, как Накита, раскрыв крылья.

Я ахнула, когда кукурузное поле внезапно оказалось под нами, а мы парили в воздухе. От изменения атмосферного давления я вздрогнула, — не говоря уж о шатком подъеме Накиты, — и посмотрела вниз, где Барнабас наблюдал за нами. Он стоял посреди пустынной дороги, и тень от крыльев Накиты походила на созревший урожай вокруг него. Мой желудок сжался, и я схватила руку темного жнеца, держащую меня. Она не так хорошо как Барнабас удерживала мой вес, но она могла это сделать, и я расслабилась, услышав ее вздох облегчения.

Пока она транспортировала меня назад к Трем Рекам, мой мозг продолжал обрабатывать тот факт, что Накита сочувствовала горю Барнабаса, когда совсем недавно она чувствовала только презрение. Я изменила и ее тоже.

Посвятить свою жизнь человеку, который случайно погрузил внутрь тебя черные

крылья, пожирающие воспоминания и преподавшие урок осмысления смерти — к этому нелегко прийти.

Макаронный соус благоухал пряностями, прям как я люблю. Или как любила. Я повертела вилку и накрутила на нее макаронный шарик, который собиралась передать Джошу, как только отвернется отец. Быть мертвой — полный отстой. Я никогда не осознавала, как наслаждаюсь едой, пока не лишилась этого. Накита, сидящая напротив за кухонным столом, также отодвинула свою порцию. Джош не помогал ей с поеданием спагетти, и мой отец потихоньку начинал волноваться по поводу ее полной тарелки.

— Переборщил с душицей? — спросил он, подталкивая очки обратно на переносицу.

— Все просто великолепно, мистер Эй, — с полным ртом бодро заявил Джош.

Несмотря на его заверение, папа перевел взгляд на меня, и я улыбнулась, заставив себя отправить полную вилку еды в рот и пережевать. Просто это все не то. Плотная иллюзия моего тела брала все необходимое из амулета. Мне не нужна энергия от пищи, чтобы существовать, и я уже не чувствую голода. Я все еще могу есть, но вся еда словно безвкусная рисовая лепешка.

— Высший класс, пап, — сказала я, но судя по его подозрительному "хम्म", он мне не поверил. — Я просто перекусила, когда пришла домой после школы, — продолжила я и мысленно добавила, пытаясь таким жалким образом избежать прямой лжи: "В прошлом году, когда еще училась в средних классах".

— Ладно, только не перекусывай хотя бы завтра, договорились? — попросил он, вытерев руки о салфетку прежде чем отпить из стакана. — Я устал готовить еду, лишь затем чтобы она оседала на твоей тарелке.

Папа поднялся и подошел открыть окно над раковиной. Песни ранних сверчков и затихающий гул проезжающей по нашей жилой улице машины просочились внутрь на пару с золотистым свечением заходящего солнца. Я быстренько обменялась с Джошем вилками, а Накита нахмурилась. Ей придется избавляться от своей еды как-то иначе. Джош был достаточно вместительным, но не настолько.

Мы с Накитой вернулись примерно в три с половиной часа и нашли Джоша на ступеньках моего дома. Он выглядел довольно мило, сидя с охалкой новеньких учебников. Я была должна ему по-крупному. Должна гораздо больше, чем просто один ужин в моем доме. Я согласовала все с папой по телефону, а затем мы обосновались на заднем дворе и пока Джош поедал чипсы, я рассказывала ему произошедшее. Он выслушал меня и явно разочаровался, что сам не присутствовал там.

Сейчас было уже около семи, и я нехило тревожилась по поводу Шу. К этому времени Рон уже должен был что-то нарыть, но Барнабас молчал, и это подразумевало, что статус-кво не изменился. Вздохнув, я намотала на вилку еще один макаронный шарик и передала ее Джошу. Он с энтузиазмом принял вилку, кивнув головой и все еще пережевывая предыдущую порцию. Туфли отца закричали по выцветшему линолеуму, когда он обернулся и подошел к столу, а я вдохнула запах масла и чернил, приставший к нему с работы. Мысли отца определенно не витали вокруг ужина. Скорее, вокруг меня.

Мой отец был классической лабораторной крысой, из подвида высоких и худых, может даже немного чужковатых, когда был моложе, которым уютнее в лабораторных халатах, нежели в обтягивающих фирменных рубашках. Он выглядел в точности как тогда, десять лет назад, когда развелся с моей мамой, не считая разве что проблесков седины в волосах и еле

заметных "улыбчивых" морщинок вокруг глаз.

Моя мама переехала во Флориду с довеском в виде меня. Она была экспертом по приобретению фондов, что дословно значило, что она являлась киллером для разного рода солидных благотворительных учреждений. Ее специальностью было вытягивать деньги у пожилых женщин — то, в чем она была действительно хороша, и что являлось постоянным камнем преткновения между нами, так как я ненавидела надевать белые перчатки и служить опорой для ее агитаций. А мой отец остался здесь.

Слабый грохот надвигающегося грома все нарастал, и золотистое солнечное свечение из окна постепенно затухало, подавляемое тяжелыми облаками. И вот уже снаружи воцарились ранние сумерки. Я покатила очередной макаронный шарик по тарелке и, встретившись взглядом с Накитой, поежилась. Ее тарелка была полной. Я кивнула ей на Джоша, чтобы она, по крайней мере, передала ему одну вилку с едой, и она поджала губы, обдумывая это.

Папа сел обратно и откинулся на стуле, прожевывая еду и изучая меня.

— Вы, девушки, не выглядите слишком тощими, — сказал он, в его коричневых глазах все еще виднелся отголосок обиды.

— Чего? — заикнулась я, оглядывая себя.

— Должно быть, все дело в женско-подростковом периоде, — добавил он, улыбнувшись Наките. — А знаете что? Мэдисон, как насчет того чтобы помочь мне завтра приготовить ужин? Все что захочешь.

Джош фыркнул, склонившись над своей тарелкой, а я вздрогнула, вспоминая, как готовила с отцом ужин, когда мне было пять. Дошкольный горошек был не слишком аппетитным, но мои родители просто тоннами поглощали овощи, запеченные с соусом, и для моего пятилетнего возраста не было ничего вкуснее. Тот вечер барбекю прошел в шутках и смехе. Может нам стоит готовить горох на барбекю почаще.

— Ладно, — ответила я и отвела взгляд, вспоминая.

И вновь отец издал свое "хम्म", словно заглядывал в будущее. А может в прошлое. Мною завладела какая-то меланхоличная грусть, и я заставила себя проглотить макаронную пасту, стараясь насладиться вкусом томата и мускусной сладостью душицы.

Меня сослали сюда почти шесть месяцев назад, прямо по окончанию средних классов. Я пропустила как выпускной вечер, так и все остальное. Что послужило той каплей, переполнившей чашу терпения моей мамы, было все еще загадкой. Может быть копы, притащившие меня домой, когда я прогуливалась в неурочное время, а мама думала, что ее ребенок наверху торчит в интернете. Или когда я пошла на пляжную вечеринку, когда пообещала этого не делать, или мой круиз в сумерках с приятелями, когда мы плавали за дальними буйками, что уж точно не было моей виной. Я звонила матери и сказала, где нахожусь. У нее чуть глаза из орбит не повылазили.

Но в любом случае, мама решила отправить меня обратно на север, и я была этому рада, улыбаясь и разглядывая уродливые постеры с желтыми розами, которые я еле помнила из своего детства. Я думала, что переезд станет просто передачей от одного несправедливого тюремщика к другому, но вновь узнать своего отца стало приятным сюрпризом, особенно учитывая, что он реально прислушивался к моим объяснениям, почему я предпочла одни сандалии другим. У мамы же вообще не было никакого чувства стиля. У отца, кстати, тоже, но по крайней мере, он пытался.

Я серьезно старалась быть послушной девочкой. И даже не сбегала из дому почти неделю, не считая того случая когда пыталась скрыть Джоша от черных крыльев. Я звонила,



когда знала, что опаздываю, и никогда не пропускала семейные ужины, по крайней мере, когда не притворялась, что ем у Джоша. Хотя, это и стало более трудным, с тех пор как я стала темным хранителем времени и пыталась спасти души.

— Вы все необычайно тихие, — внезапно послышался голос отца, и я вскинула голову. — В школе все в порядке?

Черт, он хочет поговорить о школе?

— Я учусь домоводству, — с сомнением предложила свой выход из ситуации Накита, увидев, что я на грани паники.

На лице папы появилась едва заметная гримаса, но он расслабился, положив локти на стол.

— Я ненавижу этот предмет. Они и в этом году заставляют шить сумки для книг?

Накита стряхнула макаронный шарик со своей вилки, а затем начала наматывать еще один.

— Зачем это книге сумка?

— Эээ, мы с Накитой вместе ходим в фотографический класс, — вмешалась я, пытаюсь отвлечь папу от ее растерянного выражения лица. Из того, что знал мой отец, Накита была родом из Новой Шотландии и ее родным языком был французский. В школе знали, что она проживает у меня, и тут, увы, не обошлось без ангельского вмешательства. Зато никто не озаботился проверить, откуда она действительно появилась. Хотя, если задуматься, даже я не знала, куда она ходит без меня.

Джош откусил немного хлеба.

— Мы вместе ходим на физику, — с набитым ртом сказал он. — Ура.

Я улыбнулась от его нехитрого восклицания.

— Было приятно вернуться и повидаться со всеми, — сказала я, накручивая на вилку макароны.

Папа понимающе улыбнулся.

— Этот год будет лучше предыдущего. Сама увидишь, — предсказал он, взяв ломтик хлеба из каравая и обмакнув его в оливково-уксусном масле. — А потом колледж...

— Можно я вначале разберусь с физикой? — со стоном поинтересовалась я. — По крайней мере, у меня есть мой фотографический класс, хоть немного веселья в этом году.

Папа коротко кивнул.

— Кстати, это мне кое о чем напомнило, — сказал он, всматриваясь на доску для напоминаний на стене возле телефона за моим плечом. — Мне сегодня звонила твоя учительница по фотографическому классу и отправила список с перечнем необходимого для этого года. Почему, во имя всего святого, она просто не отдала тебе его в школе?

— Мисс Картрайт? — спросила я, чувствуя нарастающую тревогу, и папа кивнул. — Мм, может, она его просто поздно составила? — предложила свою версию, стараясь не врать прямо. — Просто прекрасно, — подумала я, покосившись на Джоша, который лишь пожал плечами.

— Тебе сегодня нужно в торговый центр? — спросил папа, задержавшись взглядом на черных ногтях Накиты.

— Я могу подбросить, — предложил Джош, определенно уловив в этом свой шанс поучаствовать в предотвращении схода, но мой первый импульс согласиться исчез. Это будет неплохим способ исчезнуть с папиного радара на пару часиков, но я не могла уйти, пока он не будет считать, что я мирно сплю в постели.

— Э, не нужно, — с запинкой ответила я, и Джош еле сдержал разочарование. — Скорее всего, все нужное уже имеется наверху, в моей комнате. — Я не видела списка, но сохранила все вещи с прошлого года.

— Мне нужна камера, — взволнованным голосом внезапно сказала Накита.

— У меня есть запасная, которую я могу одолжить, — быстро перебила я. — Накита, не волнуйся об этом.

Она промокнула губы салфеткой.

— Я прежде никогда ею не пользовалась. Не хочу сломать.

Накита казалась искренне убежденной в том, что говорит, и отец рассмеялся.

— Я так думаю, это одна из тех вещей, в которых ты ошибаешься. — Он оперся локтем о стол и подался вперед. — Мэдисон когда-то была очень небрежной со своими камерами, но не вини ее. Просто она занимается фотографированием аж с четырех лет. А ты сколько уже по ту сторону линзы?

Накита моргнула, явно удивленная, впрочем, как и всегда, когда папа пытался включить ее в разговор. Она нравилась папе, хоть мне и было спокойнее, когда она строила из себя тихое воплощение прилежности. Скорее всего, я вполне могла привести в дом даже байкершу, и папа все равно попросит ее остаться на ужин, лишь бы я не хандрела одна в своей комнате или избегала людей, как когда я только переехала. А то, что я сегодня привела на ужин аж двух друзей, видимо просто ошастливило отца на целую неделю.

— Не очень долго, — сказала она тоном, говорившим "никогда", а затем добавила: — Я не слишком творческая личность. Я пошла на фотографические уроки лишь потому, что Мэдисон считает, будто это поможет мне освоиться...

— В новой школе, — поспешно выпалила я.

— Мне никогда не удастся сделать такие снимки, какие делает Мэдисон, — сказала Накита.

— Это точно, — заявил Джош, промокнув последние остатки соуса ломтиком хлеба. — Мэдисон делает просто отличные снимки.

— Ох! — воскликнул папа, заставив меня подпрыгнуть. — Все без исключения творческие личности. Тебе лишь нужно войти во вкус. Мэдисон уже этим занимается довольно давно, — продолжил он, вновь погружаясь в воспоминания. — Она, скорее всего даже не помнит, но я брал ее с собой, когда выезжал на отдаленные участки для образцов. Ее мать тогда давала ей камеру, чтобы хоть как-то занять.

— Я помню, — сказала я, раздумывая, заметит ли папа, если я обменяюсь тарелками с Джошем. Почти три года назад я попыталась выбросить фотоальбомы со снимками разных участков и облачков, но мама спасла их из мусора и где-то спрятала. — Моя старая камера как раз наверху. — Увидев в этом возможность выбраться из-за стола, я встала и взяла свою почти полную тарелку.

— Как, вы уже закончили? — воскликнул папа, смотря на меня потерянным взглядом, когда Накита поднялась следом за мной. Джош моргнул, взглянув на нас, а затем быстренько доел последний кусочек хлеба и также встал из-за стола.

И вновь меня затопила вина, даже несмотря на то что я честно открыла кран дабы помыть тарелку. Папа действительно держался молодцом с тех пор, как я переехала, давая мне возможность почувствовать себя нужной, и все же предоставляя мне ту свободу, которая была мне необходима. Смерть и вынужденное молчание, по-видимому, создали ту стену между нами, которую не могли выстроить даже сотни миль разлуки.

Но я не могла избавиться от чувства, что папа, все же, вспомнил ту ночь, когда я умерла. Он ничего не сказал, но у него явно появились некие сомнения, которых не было раньше. Барнабас все исправил так, чтобы папа не помнил, но я думаю, что память вернулась, по крайней мере, какими-то отрывками. И я не хотела оставаться с отцом наедине, опасаясь, что он поднимет эту тему.

Накита молчала, пока очищала тарелку от еды. Позади нее, Джош вымыл свою.

— Мне, наверное, следует вернуться домой, — сказал он, явно разочарованный. Я была бы рада, если бы он смог полететь со мной в Форт Бэнкс, но Накита сможет унести лишь одного. — Хотя у меня все же есть немного времени, чтобы помочь с посудой, — добавил он.

— Все в порядке, мы с Накитой справимся, — быстро сказала я. Я вроде как должна тебе, — мысленно добавила, но не сказала вслух. — Тебе следует вернуться, прежде чем начнется дождь.

— Я могу водить под дождем, — с ухмылкой сказал Джош.

Папа отодвинул стул и присоединился к нам у раковины.

— Спасибо, что пришел, Джош, — радушно сказал он. — Мне нравится, когда в доме шумно и когда я могу готовить больше чем на одного человека.

— Пап, — недовольно начала я, — я просто не голодна.

Отец ничего не ответил, лишь приподнял брови. Джош вытер руки о джинсы, отойдя от раковины, и посмотрел на меня, явно желая что-то сказать.

— Пойду заберу свои вещи, — наконец промолвил он и быстро вышел из кухни, оставив после себя неуютную тишину.

Накита поднесла тарелку с хлебом и засомневалась лишь на секунду, прежде чем все же положить его в кулек.

— А можно мы потом домоем? — спросила я папу. — Я хочу... — Хочу что? — в панике подумала я. Ну не могу я признаться, что хочу поговорить с Джошем, отец подумает, что мы встречаемся или нечто в этом роде. То-есть, мы вроде как встречаемся, но пока даже не целовались. Пока.

— Давай, иди быстрее, — сказал он, демонстрируя, будто прогоняет меня. — Я уберу. А тебе следует поговорить с Джошем.

Накита нахмурилась. Джош ей не слишком сильно нравился. Несмотря на это, я была довольной и поспешно обернулась, чтобы вытереть руки о кухонное полотенце.

— Спасибо, пап!

— Мне все равно следует перезвонить офицеру Леви, — добавил он, взглянув на часы в печке.

Офицеру Леви? Вот блин.

Я резко остановилась, обменявшись взглядами с Накитой. В моем взгляде сквозила тревога, а вот ее был раздраженным, скорее всего из-за того, что Барнабас помешал ей скосить эту женщину. Однако папа вовсе не выглядел встревоженным, когда выпрямился в полный рост.

— Пап, я могу объяснить, — начала я. Ну и как я это объясню? — подумала я, мысленно проклиная Барнабаса. Это был уже второй раз, когда он менял людям воспоминания лишь затем, чтобы последние вернулись ровно настолько, чтобы осложнить мне жизнь. Наверное, старая привычка в стиле "спаси человека и слиняй". Он никогда не сталкивался с людьми, которые помнят ту ложь, в которую он заставил их поверить.

Но мой папа отнюдь не выглядел расстроенным, домывая за собой стакан.

— Она звонила с работы. Хотела удостовериться, что у тебя есть разрешение парковаться на школьной стоянке, — сказал он с явным удивлением, открывая все краны. — Я сказал ей, что у тебя даже машины-то нет, и она слегка запуталась. Но в любом случае, она хотела поговорить еще и о пожертвовании в какой-то там фонд.

— О, — сказала я, расслабляясь. Позади отца стояла Накита и ее глаза были неизменно синими. Если бы они стали серебряными, это бы значило, что ее самоконтроль терпит урон. Что бы ни сделал Барнабас, оно, оказывается, возымело действие.

— Ну, полагаю, нам не стоит волноваться насчет машины, не так ли? — кисло спросила я, и отец вздохнул. Я ныла по поводу оставленной во Флориде машины с тех пор, как переехала, но ответ отца оставался неизменным: "Пока нет".

Но на этот раз вместо своего заготовленного ответа, папа обернулся ко мне, смотря взволнованным взглядом, и спросил:

— Мэдисон, с тобой все в порядке?

Я услышала, как Джош с топотом спускается вниз по лестнице и кивнула, а затем отпихнула от себя подальше полотенце, когда поняла, что неосознанно накручиваю его на руку.

— Поверь мне, пап, — сказала я с, надеясь, правильной дозировкой раздражения и искренности, направившись в прихожую и поймав по пути Накиту. — Мне здесь нравится, и я не собираюсь это портить. Теперь у меня есть друзья и все остальное, даже несмотря на отсутствие машины.

Его внимание переключилось на Накиту и, улыбнувшись, он сказал:

— Только пообещай, что обратишься ко мне, когда тебе понадобится поговорить. Я не смогу помочь, если не буду знать, в чем суть.

Это было слишком близко к тому, что я в действительности хотела — прийти и на чистоту попросить совета. Но вместо этого я лишь сдернула с холодильника список с необходимым к фотографическому классу и пробормотала:

— Это лишь обычные подростковые разборки.

— "Обычные" и "подростковые" вместе не совмещаются, — сказал он, но я уже подошла к проходу в гостиную. — Позвони своей маме сегодня, ладно? — добавил он, когда Накита проскользнула передо мной. — Она звонила сегодня днем и хотела поговорить с тобой. Как раз когда ты была на занятиях. Я, конечно же, успокоил ее и сказал, что ты не можешь говорить по телефону, когда занимаешься, но полагаю, ты знаешь свою мать.

В его голосе явственно слышалась давняя тоска, и я остановилась посреди прохода, смотря, как отец вновь переживает прошлое. Впрочем, лично я была гораздо больше обеспокоена настоящим. Мама находилась за тысячу миль отсюда, однако ее внутренний радар неприятностей все еще работал.

— Я перезвоню ей. И спасибо, что разрешил Наките заночевать.

— Даже не знаю, как тебе удалось уговорить меня на это, — проворчал отец, отвернувшись к мойке и засучив рукава. — Мне никогда не разрешали приглашать кого-то переночевать, особенно перед учебным днем.

Улыбнувшись, я тихонько подкралась к нему и поцеловала в щеку. Она была колючей, а отец пах... как отец.

— Это все потому, что я твоя любимица, — сказала я, вспомнив семейную шутку десятилетней давности.

Папа улыбнулся, разом смахнув все мои дурные предчувствия.

— Единственная и неповторимая, — сказал он, неуклюже меня обняв и стараясь не запачкать мыльной пеной. — И чтобы свет погас в десять. Я серьезно!

Итак, между мной и отцом все нормализовалось, так что я с легким сердцем вышла в коридор и застала Джоша с закинутым на плечо портфелем, стоящего рядом с Накитой. Увидев меня, он снял сумку и опустил ее на пол. Из кухни послышался постепенно смолкающий шум воды.

Джош покосился в сторону кухни, а я подошла ближе.

— Увидимся завтра? — предположил он, и я кивнула. Увидимся мы или нет, все решится с рассветом.

— Спасибо за все, — сказала я, смотря на его портфель, а затем нахмурилась. — Джош, прости. Я понимаю, что ты бы предпочел отправиться с нами...

Его взгляд обосновался где-то на потолке.

— Может в следующий раз, — промолвил он, заставив меня почувствовать себя еще хуже.

Накита скрестила руки на груди, переступив с одной ноги на другую. Взгляд Джоша обратился к ней, и он нахмурился.

— Ты не против, если я поговорю с Мэдисон наедине? — спросил он.

Та лишь вздохнула, закатив глаза. Фыркнув, Накита крутанулась на пятках и потопала наверх. Клянусь, некоторые "маскировочные" приемы она учила даже слишком быстро.

Я все еще улыбалась, когда перевела взгляд на Джоша. Но увидев, как его глаза словно наполнились внутренним светом, когда я посмотрела на него, почувствовала толику нервозности. Он хочет побыть наедине со мной?

— У тебя есть все необходимое? — спросил он, взглянув на список в моей руке.

— Да, благодаря тебе, — ответила я, запихнув лист в карман. — Я действительно хотела, чтобы ты присоединился, но Накита не сможет унести больше чем одного человека.

Он взглянул на открытый проход в кухню.

— Не страшно, — сказал он, сделав шаг по направлению к двери. — Только не превращай меня в ботана, который всегда добывает для тебя информацию, но сам пропускает все интересное. — Он улыбнулся. — Ужин, кстати, был прекрасным.

— Ловлю тебя на слове.

Джош достал из кармана ключи от грузовика и нащупал дверную ручку позади себя.

— Ну, увидимся завтра, — сказал он, закинув портфель на плечо.

Во мне заворочалось разочарование, но чего я ожидала? Мы не то, чтобы встречались — не считая прошлогоднего бала, обернувшегося катастрофой. Приблизившись, я дотронулась до его руки. Джош застыл, а дверь распахнулась.

— Спасибо, — прошептала я. — Джош, я действительно благодарна.

Он взглянул на наши руки, а затем в сторону кухни, где папа шумно распределял тарелки в посудомойку.

— Как ты думаешь, если я поцелую тебя на прощанье, твой отец слетит с нарезки? — спросил он.

Я моргнула, а сердце на секунду подскочило к горлу.

— Возможно, — сказала я, забыв как дышать. Я целовалась прежде — будь я святой, мама не наказывала бы меня, но в последнее время не занималась этим, так как быть мертвой немного рассредоточивает. Знание, что Джош хочет меня поцеловать, вызвало

трепет во всем теле.

Джош крепче сжал мою руку. Из кухни раздался грохот кастрюль в мойке. Я задержала дыхание, чувствуя, как память о моем сердце застучала сильнее.

— Не забудешь обо мне? — прошептал Джош. Его лицо было близко, еще не целуя, но уже намекая.

Запах спагетти, хлеба и шампуня поселял во мне чувство безопасности.

— Никогда, — ответила я, имея в виду именно это. Запрокинув голову, я прикрыла глаза. Как я и надеялась, наши губы соприкоснулись. Я лишь успела почувствовать их тепло, прежде чем Джош отстранился. По телу пробежала дрожь, и я распахнула глаза, встречаясь с ним взглядом. Джош мягко улыбнулся. Это произошло слишком быстро, но я услышала звон столового серебра, и парень кивнул. Я почувствовала тепло смущения. Возбуждение и спокойствие одновременно.

— Мне пора уходить, — сказал Джош, вновь натянув сумку на плечо.

— Ага, — согласилась я, задумавшись, как такая простая вещь как поцелуй изменяет мировоззрение.

— Увидимся завтра, Мэдисон, — добавил он, взглянув в сторону кухни.

— Пока. — Я честно не хотела, чтобы он уходил.

Джош сжал мою ладонь, и после того, как она выскользнула из его руки, вышел и закрыл за собой дверь.

Я, наконец, позволила себе выдохнуть (уже и не помню, когда задерживала дыхание) и мой взгляд обратился в сторону кухни, когда папа прокричал через окно:

— Пока, Джош! Веди осторожно!

— Непременно, мистер Эй, — донесся едва слышимый ответ, и я обернулась в сторону лестничного пролета, подскочив, когда увидела стоящую и ожидающую меня наверху Накиту. Джош никак не показывал, что видел ее, но по ее обеспокоенному выражению лица я догадалась, что она видела все от начала и до конца.

— Он тебя поцеловал, — сказала она, когда я была уже на полпути к ней.

— Хочешь повторить это погромче? — кисло заметила я. — Мой отец, может, еще не услышал.

Когда я приблизилась, она отступила, выглядя скованной.

— Это заставило твое сердце биться, — сказала она, следуя хвостиком за мной.

— Угу, — подтвердила я, улыбнувшись. Даже отсюда я слышала, как заревел грузовик Джоша. Мои мысли все еще витали вокруг него, когда я плюхнулась на кровать. Он действительно был хорошим парнем.

Накита закрыла за собой дверь.

— Как ты думаешь, может мне следует покрасить ногти?

Смена темы отвлекла меня от разглядывания потолка, и я привстала на локте.

— Заметила, как отец на них смотрел? — поинтересовалась я, и Накита кивнула. На ее прекрасном лице было почти смешное количество тревоги. — Если хочешь.

— Хочу, — с облегчением подтвердила она. — И на ногах тоже.

— Мне они нравятся такими, какие они есть, — заметила я и перекатилась на живот, чтобы дотянуться до прикроватного столика. Порывшись в ящике, я отыскала ярко красный лак, подходящий к ее сумочке, которая, кстати говоря, обосновалась в шкафу прямо за учебниками. Джош и их притащил. Черт, я реально ему должна.

— Подойдет? — спросила я, протягивая ей лак.

Она взяла его с бесстрастным выражением лица.

— А у тебя нет менее яркого оттенка?

Я вдруг поняла, что она просто старается выглядеть обычной, вписаться, и вновь перекадилась на живот, находя искомое.

— У меня есть розовый, — сообщила я, и Накита ощутимо расслабилась.

— Спасибо.

Она снова улыбалась. Подумав, что кто-либо другой будет выбит из колеи моим биполярным беспорядком, я захлопнула ящик и порылась в кармане, чтобы выудить на свет смятый список необходимого к фотографическому классу и мысленно сравнить с содержимым своего шкафа.

— Ну, большая часть у меня имеется, — сказала я, перевернувшись на спину и поджав под себя ноги. — Которую из моих камер ты хочешь — красную или черную?

— Черную. Нет, красную, — сразу же поправилась она, но затем вновь заколебалась. — Какую бы выбрала ты?

Я открыла шкаф и, положив руки на бедра, принялась вспоминать, в какую именно коробку запрятала их. Джош упомянул, что я делаю просто замечательные снимки. Отец сказал то же самое, но, мимоходом услышав это от Джоша, я сейчас чувствовала приятное тепло — то тепло, которое не ощущала месяцами.

— Вот она, — тихо проговорила я, отбросив в сторону юбки, топики и джинсы, и наконец добралась до коробки. Она была из бакалейной лавки моей матери, и я почувствовала приступ ностальгии по дому, поставив ее на стол. Перезвони матери, не забудь.

Когда я ее открыла, наружу просочился безошибочный запах электронных приборов, пробуждая воспоминания.

— Красная будет поновей, но черная более универсальная, — сказала я и когда Накита лишь рассеянно моргнула, протянула ей черную. — На ней снимки получаются лучше. Она не фокусируется автоматически, так что ты сама сможешь выбрать фокус. Иногда расплывчатые фотографии облегчают увидеть то, что ты захочешь показать.

Ладно, это не звучало вполне логично, но Накита взяла старую камеру, аккуратно расстегнув чехол и не вытаскивая ее, перевернула кверху. Клянусь, что увидела, как она улыбнулась, словно бы в доселе бесполезной вещи неожиданно появился смысл. Это было единственной важной вещью.

— Можешь также оставить себе лак для ногтей, — предложила я, подумав, что в дамской сумочке обязательно должно быть больше одной вещи.

— Спасибо, — серьезно сказала она, разместив камеру позади своих книг, и как обычный подросток, скинув сандалии. Но даже эта обычность вышла странно — туфли аккуратно приземлились под моим широким окном, словно бы кто-то их туда положил.

— Я никогда не буду в этом так хороша, как ты, — с легкой завистью сказала она.

Я взглянула на ее идеальные ноги, а затем перевела взгляд в сторону. Боже, не удивительно, что парни толпились вокруг нее, только чтобы поговорить. Даже ее щиколотки были прекрасными.

— Быть такой же "хорошей", как кто-то другой, не должно быть твоей целью, — сказала я, падая обратно на кровать и уставившись в потолок. Позвоню маме попозже. — Найди что-то, что заставит испытывать эмоции. Нет ничего плохого в фотографировании. Если это пробуждает в тебе хоть какие-то чувства, то ты все сделала правильно.

Кровать прогнулась, когда она присела на краешек, и я устроилась поудобнее.

— Думаешь, твоему отцу понравятся? — спросила она. — В смысле, мои фотографии.

Накита была такой уверенной, когда косила души, что было довольно странно видеть ее неопределенной.

— Уверена, что понравятся. — Я слегка улыбнулась, представляя, как она будет показывать их моему отцу. Папа обожал мои снимки. Он присвоил целую стену в официальной столовой и посвятил ее моим фотографиям, даже перестроил свет так, чтобы он падал на его любимые. Он был первым, кто показал мне, как фиксировать что-то, что вселяет в тебя определенные эмоции, и как я думаю, отец пытался разгадать, что творится в моей голове посредством того, что выходит из-под моего принтера.

Терпкий запах лака был сильным. Само ожидание было тягостным, но мы не могли уйти пока папа не уснет. Я перевела взгляд на зеркало, к которому было прицеплено фото Вэнди и моего экс-парня Теда. Они стояли на пляже во время заката и выглядели счастливыми. Я перекатилась так, чтобы видеть фото моих старых друзей не в горизонтальной позиции. Последние мечты о Тедде в моей жизни испарились сразу, как только я переехала. Парни иногда бывают прямо как щенки — верными, но легко отвлекающимися, и я знала, что как только уеду, он быстренько найдет, вокруг кого вертеться. То, что этим человеком оказалась Вэнди, моя лучшая подруга, не слишком удивляло. Прищурившись, я задумалась, а вправду ли я вижу голубую дымку вокруг Вэнди, смешивающуюся с желтой вокруг Теда. Их ауры? Мои мысли тут же перешли к Джошу и нашему первому поцелую. Я улыбнулась.

— Как ты думаешь, у Барнабаса все нормально? — спросила я Накиту.

— Не знаю, не могу до него дотянуться, — немного коварно ответила она.

Боже, да что с ней сегодня? Я обернулась и увидела, как она склонилась под острым углом, чтобы получше рассмотреть пальцы на ногах. Ее волосы были перекинута через плечо, обрамляя острые скулы и подчеркивая идеальное телосложение. Пока она красила свои ногти в розовый, скрывая свою натуру, ее амулет медленно покачивался. Прямо говоря, выглядела она как модель. Я, в свою очередь, была слишком плоскогрудой и, учитывая то, что теперь являлась мертвой, могла ждать "грудную" фею до окончания своих дней. Ну не мило ли...?

Накита знала, что я не могу контактировать с Барнабасом, но это не значило, что я собираюсь попусту тратить следующие два часа. Мое тело находилось где-то между настоящим и будущим, судя по словам серафима, который засвидетельствовал мою кандидатуру на роль темного хранителя времени. Если я сумею найти его, то смогу вновь по-настоящему жить и перестать быть начальником системы, с которой не согласна. Смогу забыть все о хранителях, амулетах, жнецах и черных крыльях. Смогу вновь стать собой. Даже если это значит все позабыть.

Взглянув на Накиту, я задумалась, а все ли еще хочу этого.

Конечно же, хочу, — сказала я сама себе, а затем перевела взгляд в потолок, гадая, как же отыскать пространство между настоящим и будущим.

Тишина заполнила мою душу, и я закрыла глаза. Я даже не знала, где именно искать. Но где бы это ни было, скорее всего, я смогу отыскать его лишь с помощью сердца, а не глаз. Три раза медленно вздохнув, я задержала четвертый вздох и неспешно выпустила его, пока легкие не оказались пустыми. Это был первый шаг в уроках Барнабаса под названием "сконцентрируй себя".



— Что ты делаешь? — спросила Накита, и эти слова, сказанные пусть даже тихим голосом, испугнули меня.

Я перевела дыхание.

— Кроме того, что жду, когда уснет отец? Пытаюсь узнать, смогу ли отыскать межпространство настоящего и будущего. — Либо это, либо перезвонить матери.

Я услышала, как она сменила позицию и приступила ко второй ноге.

— Ни пуха, ни пера.

Мои брови поползли вверх. Современная фраза из ее уст слышалась донельзя странно. Она злилась.

— Ты хорошо вписываешься, Накита, — заметила я, открыв глаза, и уселась, скрестив ноги. — Сейчас ты была похожа на настоящего подростка.

— Ты не хочешь быть хранителем времени, — обвинила она меня, ее синие глаза на секунду полыхнули, а затем она угрюмо исправилась: — Ты не хочешь быть темным хранителем времени. Думаю, если бы у тебя была возможность, ты бы приставила ангела-хранителя к Шу.

Так вот что ей не давало покоя...

— Я не собираюсь пристраивать ангела-хранителя к Шу, — сказала я. — Ангел-хранитель не исправит ровным счетом ничего. — Я схватила красный лак и начала перекидывать из руки в руку, чтобы перемешать, но не допустить проникновения воздуха.

Накита следила за моими действиями, и я почти могла видеть, как она переваривает информацию. Нахмурившись, она взглянула на меня и поджала губы.

— Ты не веришь в Судьбу. Как только тебе не будет нужен амулет, чтобы остаться в живых, ты откажешься от него. А затем все забудешь. Я была там и слышала, что ты говорила серафиму.

— Накита... — начала я.

— Ничего страшного, — сухо сказала она и обмакнула кисточку в бутылочку, ненадежно балансирующую на ее согнутом колене. — Я темный жнец. Моя работа убивать людей. Я не ожидаю, что понравлюсь тебе.

Итак, становилось все хуже и хуже. Вздохнув, я поставила лак на стол и осторожно открыла его.

— Ты мне нравишься, — сказала я, не в силах на нее посмотреть и сделала первый мазок по моим черным ногтям. — Я думаю, что ты замечательная. Боже, Накита, ты умеешь летать! — Я взглянула на нее. — Но я скучаю по сну. Я любила ощущать голод, а после еды приятную насыщенность. Я чувствую себя ужасно, когда вру отцу и позволяю изменять его воспоминания. И я не могу быть начальником системы, в которую не верю. Если я не смогу изменять вещи, то я откажусь от всего, как только верну тело.

Она вздохнула, а затем заговорила. Ее глаза смотрели прямо в мои, и я не могла отвести взгляд.

— Но у тебя хорошо получается, — мягко сказала она.

Хорошо получается? Шокированная до глубины души я уставилась на нее и красная капля упала на мое пуховое одеяло.

— Как же так? — поинтересовалась я, погрузив кисточку обратно в бутылочку и потянувшись за мокрой салфеткой. — Ты довольно ясно показала, что я действую неправильно. Как я смогу убедить серафимов, если даже не могу переубедить тебя?

Прекрасно. Папа теперь разозлится из-за одеяла, — взволнованно подумала я, пытаюсь

стереть большую часть, но когда взглянула на Накиту, в ее глазах было замешательство.

— Я не знаю, — сказала она, — но ты веришь в то, что делаешь. Хранители меняются не без причины. Ты с искренним... энтузиазмом хочешь помогать людям, даже несмотря на то, что я не вижу в этом смысла. Ошибки не важны. А важны твои действия, после того как ты ошиблась.

Я взглянула на ее растерянное выражение лица. Я вроде как поняла то, о чем она пыталась сказать, но не могла иметь и то, и другое.

— Кроме того, — тихо добавила она, вновь вернувшись к своим ногтям, — я буду скучать по тебе, если ты исчезнешь.

Я села на кровати, два моих ногтя были выкрашены в красный, а все остальные совершенно черные, и даже не знала что сказать. Шторы вздыбились с порывом ветра, и последующий звук грома придал ее словам весомости. Скорее всего, солнце еще не село, но его невозможно было разглядеть за темными тучами.

Вздых Накиты смешался с первым звуком ударяющихся о крышу дождевых капель. Я должна была что-то ответить, но мои мысли были блаженно пусты, пока на улице нерегулярно слышались всплески дождя, а в комнату на пару со сквозняком вривался запах мокрой гальки. Все еще придумывая то, что ее утешит, но и одновременно прояснит мои намерения, я встала, чтобы закрыть окно.

— Накита, — начала я, наблюдая за ранними сумерками и беспроглядным серым небом.

Но тихий и знакомый голос врезался в мое сознание, словно нож. Это был звук кроссовок приземлившихся на крыше. А затем послышался тихий перелив песенки Грейс:

— Однажды по крыше надменный парень гулял. Как улитка он полз, но все же звучно упал. Потому как был редкостным болваном...

Неужто Барнабас вернулся?

— Барнабас? — громко позвала я, выглядывая из окна.

Накита также взглянула в окно, закончив с ногтями. Но неожиданный скрежет с крыши сверху заставил меня шокировано остановиться. Я дотянулась до оконной сетки и оттолкнула ее. Встревоженный вскрик с крыши заставил Накиту подскочить, и под звук соскальзывающей кирпичной крошки, прямо перед окном пронеслась белая тень. Размахивая ногами и руками, кто-то упал с крыши. Гулкий звук удара перемешавшийся с громким стоном, заглушился далеким раскатом грома.

Я обернулась к Наките.

— Не думаю, что это был Барнабас. — сказала я.

Ее лицо было спокойное, но вот глаза серебряными.

— Не могу сказать. Кто бы это ни был, он скрывает свою ауру. — Явно жаждая все узнать, она протянула мне свой лак. — Скоро вернусь.

Мои глаза расширились.

— Накита! — зашипела я, но она уже сжала в ладони свой амулет. Волна мерцающего фиолетового света пробежала по ней, а затем в свободной руке появился меч. — Накита, стой! — потребовала я, положив лак в сторону, но она была уже на полпути между моим окном и крышей.

— Подарочек щенка на коврике, — тихо выругалась я, следя за тем, как она пристроилась на краю крыши и сейчас смотрит вниз, положив руку на бедро. Завыл ветер и дождь участился, хорошо хоть ветви дерева над моей комнатой блокировали большую его

часть.

— Кто ты? — громко позвала Накита, смотря вниз, а затем исчезла из поля зрения.

— Грейс! — вскрикнула я. Ладно, значит, нас подслушивал не Барнабас, но все-таки кто-то это был, и Грейс столкнула его на землю.

В комнату стремительно влетел посыльный ангел, принося с собой запах озона и дождя, выглядя разочарованным, если световой шарик вообще может выглядеть разочарованно.

— Черт возьми, Мэдисон! Я не хотела, чтобы ты заметила меня, — расстроено сказала она. — Я следила за тобой. Я ведь обещала! Это был тот парень, восходящий хранитель времени. Пол нехорошо себя вел, так что я его столкнула. Ты не должна была меня заметить!

— Иди и приведи Барнабаса, — держась за подоконник, сказала я.

— Ты не злишься? — сияние, которое было единственным подтверждением ее присутствия, исчезло, когда она перестала махать крылышками.

— Нет, но рассержусь, если ты не приведешь Барнабаса. Он закрылся, и я не могу до него достучаться. — Вообще-то я таки злилась, но была больше обеспокоена Накитой и тем, кто упал с крыши.

— Вернись в мгновение ока, — облегченно пропела она и стремительно вылетела из окна.

Переведя дыхание, я вновь выглянула на улицу. Слабый удивленный вскрик донесся со стороны дворика под моим окном, за которым последовал свист. Он больше являлся ощущением, чем звуком, и волна фиолетового окрасила нижние листья дуба, добравшись до моей комнаты.

Это выглядело нехорошо. Отодвинув занавески, я спрыгнула на теплую влажную крышу, а затем исчезла в темноте ночи.

Мои кроссовки заскользили по мокрому карнизу, и я поспешила сесть, чтобы не свалиться на землю. Ночь казалась темнее из-за нависших над домом ветвей, и я сползла на край карниза, соблюдая максимальную осторожность. Я глянула вниз и обнаружила Накиту, нависающую над кем-то. Она держала два меча, по одному в каждой руке. Мой рот сам собой открылся, когда я узнала парня, лежащего в данный момент на спине у меня во дворе. Я видела его в пустыне глазами Рона. Амулет парня пылал насыщенным, землисто-зеленым светом. Один из мечей, которые держала Накита, был такого же глубокого зеленого цвета. Очевидно, меч принадлежал ему. Грейс называла его Полом.

— Кто ты, говори! — допытывалась Накита.

Вздыхнув, я свесила ноги с карниза и сильнее оттолкнулась, чтобы не зацепиться колготками за водосточную трубу. Почувствовав сильный удар о землю, я поспешно поправила задравшуюся юбку.

— Накита! Успокойся! — громко прошептала я, шокированная прошедшей сквозь меня дрожью от столкновения с землей.

Она повернулась ко мне, и я добавила:

— Я думаю, это ученик-последователь Рона, его зовут Пол.

— Хроноса... — начала она, затем вскрикнула и отскочила, когда парень попытался ее пнуть.

Сэнди, золотистый ретривер нашего соседа, разразилась лаем и принялась бросаться на проволочное ограждение.

Парень вскочил на ноги и подался назад, одергивая одежду, и остановился, как он считал, вне зоны досягаемости Накиты. Наивный смертный.

— Верни мою косу, — потребовал он, но Накита его не слушала. Также, как и Сэнди, которой я приказала заткнуться. Дождь усиливался, и все, что не находилось под защитой дерева, промокало.

— Ты ведь восходящий хранитель времени? — спросила она. Лицо ее трудно было разглядеть, но голос звучал ясно. — Ты вряд ли достаточно опытен для этого звания.

Он стиснул зубы. Я состроила сочувственную гримасу и протянула ему руку.

— Просто отдай мне мою косу, ладно? — в его словах явственно слышался акцент американца со Среднего Запада, несмотря на его нелепую одежду, как будто предназначенную для занятий боевыми искусствами (нечто вроде измятых брюк и рубашки, которые я видела на нем глазами Рона сегодня утром). Предоставим Рону выбирать для него забавную одежду.

Накита встала в агрессивную позу и вздернула подбородок.

— А зачем? Ты шпионил за нами!

— Потому что отдать ему меч будет очень мило с твоей стороны, — произнесла я, удивляясь, насколько сильно повлияло на нее присутствие Пола. Великолепно. Рону нужно было дать мне знать, что она так переживает из-за того, что я предам её.

Сэнди, наконец, захлопнула пасть, и я встала плечом к плечу с Накитой. Приятно было ощущать контроль над ситуацией, и я пристально уставилась на Пола, в то время как он поднял на меня взгляд только один раз.

— Идите вы к черту, — просто сказал он.

О, как мило.

— Новый план. Не отдавай ему меч, — произнесла я, и он отступил в тень гаража, оказавшись ближе к Сэнди. Дружелюбный пес принялся рыть лапами землю у забора.

— Видишь? Он грубиян, — заметила Накита, протягивая мне его меч. Пол застыл.

Меч Пола ощущался в моей руке как нечто тяжелое и будто бы звенящее, и у меня не было других идей, кроме как просто качать его на ладони и признаться Полу, что я не имею понятия как его использовать. Я никогда не видела такого красивого камня. Глубокий зеленый цвет амулета в рукояти потрясающе гармонировал с цветом меча, а золотистые искорки, пробегающие по лезвию, вызывали воспоминания о кошачьих глазах.

Парень взял себя в руки, ему явно не нравилось, что я держу его меч.

— Я не единственный, кто убивает людей за выбор, который они делают, и избавляется от них прежде, чем они успеют этот выбор сделать.

— Ты на кого намекаешь — на меня или на неё? — осведомилась Накита.

Я коротко глянула на открытое окно в моей комнате.

— Вы собираетесь выяснять это здесь? В доме мой папа, — заметила я, но меня никто не слушал. Взгляд Пола по-прежнему был устремлен на меч. О да. Он очень сильно хотел его.

— Где Рон? — спросила я, пораженная внезапно возникшей мыслью. Лицо его утратило всякое выражение. Было темно, но я еще могла разглядеть его лицо в слабом свете с крыльца. Шум дождя становился все громче, свет фонаря на крыльце казался туманной дымкой из-за хлещущих на нас сквозь листву струй.

Рядом со мной довольно заурчала Накита.

— Он боится, — сказала она, подняв кончик меча. — Я знаю, что такое страх. Я знаю это лучше любого жнеца, только что обретшего крылья. Хранитель не знает, что ты здесь, и ты боишься.

Скривив губы, она посмотрела на меня.

— Он напоминает мне тебя. Такой же импульсивный.

Вот спасибо, подумала я. Ученик Рона застыл.

— Я не такой, как ты! — выкрикнул он и уставился вверх, услышав шум крыльев.

Это был Барнабас — и Грейс — и мои плечи расслабились. Запах подсолнухов неожиданно заполнил тяжелый воздух. Яркая вспышка осветила ночь, и нас оглушил удар грома. Молния. Да, это поможет нам красиво закончить.

— Все в порядке! Ничего страшного! — громко сказала я, тревожно глядя на светящийся квадрат окна моей комнаты на втором этаже. Последнее, что мне было нужно, так это то, чтобы еще кто-нибудь вытащил меч.

Грейс сделала вокруг нас с Накитой три круга, прежде чем скрыться в листве дерева. Пол даже не взглянул на нее. Любопытно...

Барнабас опустился на землю, и Накита крепче сжала свой меч. Его крылья исчезли, он пошел к нам по лужайке и выглядел при этом как абсолютно обыкновенный парень в линялых мятых джинсах и сером пыльнике, который он иногда надевал. Сэнди пронзительно залаяла, ее хвост подметал землю, как сумасшедший — она тяжело переносила перемещения Пола.

— Я знаю, кто ты, — сказал Барнабасу Пол. Он пятился к забору, пока собака не бросилась на него, звеня цепью. — Ты павший жнец — жнец мрака. Грязный перебежчик. Ты даже хуже, чем они.

— Грубиян! — прозвенела Грейс. — Вот почему я сделала так, чтобы он с громким воплем свалился с крыши.

Я знала, обвинения Пола беспокоили Барнабаса, но он выглядел безучастным, подошел к нам, ни разу не сбившись с шага... а потом продолжил идти вперед. Пол побледнел. Испуганный, он начал пятиться вдоль забора, но Барнабас подошел к собаке, которая радостно облизала его, когда жнец почесал ее под ошейником, прошептав тихое приветствие.

— Ну, хорошо-хорошо, — мягко произнес он, вытирая пальцы о футболку, и потянулся к незнакомому мечу в моей руке. Легкое покалывание прошло сквозь меня, когда он взял меч, и я вздрогнула.

— Смотрите, кто сорвался с поводка, — добавил он, изучая зеленый камень. — Ты замена Рона, не так ли? Восходящий хранитель времени?

Пол упорно молчал, но было очевидно, что он им являлся.

— Я сказала вам, кто он, — радостно выпалила Грэйс. — Серафимы оставили его наблюдателем и послали меня присматривать за ним. Я не шпионила за Мэдисон. Я знала, Мэдисон будет в порядке с Накитой, — Ангел-хранитель облетела вокруг меня. — Правда, Мэдисон. Я не шпионила.

— Я верю тебе, — сказала я, и, клянусь, её крылья засветились настолько ярко, что для Пола было просто невозможно не заметить ее.

Но он её не видел, судя по направлению его взгляда, он по-прежнему думал, что я разговариваю с Барнабасом.

— Он свалился с крыши, — заметила Накита. — Он такой же неуклюжий, как и Мэдисон. Пройдут сотни сложных лет, пока они, наконец, поймут, что делают.

Пол нахмурился. Мне тоже было не особенно приятно.

Грейс вспыхнула.

— Ах! — воскликнула она, осознав, наконец, что Пол понятия не имел, что она тут. — Он не видит меня? Почему? — она спустилась вниз и принялась парить над его амулетом:

На свете жил хранитель Рон  
С совсем малюсеньким умом,  
Был у хранителя студент,  
Кому он сделал амулет.  
И вот спустя немного лет  
Увидев сей презент  
Узнали мы, что в амулете  
Ни грамма силы нет.

Рон дал Полу неполноценный амулет? И почему меня это не удивляет?

Накита засмеялась, даже Барнабас усмехнулся.

— Как ты оказался на моей крыше? — спросила я, любуясь сверкающим драгоценным камнем — Барнабас повернул лезвие так, чтобы на него падал тусклый свет с крыльца.

— Вот и мне хотелось бы это знать, — произнес Барнабас. И начал вращать мечом, проверяя баланс клинка серией настолько быстрых и сложных выпадов, что во время движений плащ закрутился вокруг его тела. Я привыкла наблюдать ловкость Барнабаса, а

Пол таращился, открыв от изумления рот. Меч был создан из амулета Пола, и до тех пор, пока Пол не вернет энергию обратно в камень, амулет будет истощаться. Когда-то я также взяла под контроль амулет Накиты, завладев ее мечом. Пол имел полное право на беспокойство.

— Верни мой меч! — потребовал Пол. Барнабас прекратил махать мечом и смерил Пола презрительным взглядом. Гнев во взгляде Барнабаса был нов, и мне это совсем не понравилось.

— Как ты оказался на крыше дома темного хранителя времени? — требовательно спросил Барнабас, и я уловила его беспокойство. Меня тоже это беспокоило, и стоя бок о бок с Накитой, мы пригвоздили Пола к забору. По другую его сторону скулила Сэнди. Дождь перешел в серьезный ливень, и, клянусь, я чувствовала запах мокрых крыльев.

Пол стиснул зубы и вздернул подбородок, его глаза поблескивали в свете уличного фонаря. Я положила руку на бедро, почти готовая предоставить Наките свободу действий, как вдруг до моего слуха донесся слабый окрик:

— Мэдисон?

Дерьмо, это был мой папа. Я поморщилась и посмотрела в сторону освещенного окна моей комнаты. Голос звучал так, будто папа находился на первом этаже, но это могло очень быстро измениться.

— Я позабочусь об этом, — сказал Барнабас, возвращая мне меч Пола. Клинок был теплым и мокрым от дождя, и я в очередной раз поразилась, насколько неправильно он ощущался в моих руках. Предупредив Накиту, чтобы она хорошо себя вела, Барнабас метнулся к двери и нажал кнопку звонка.

— Вернись в тень, — прошипела Накита, и я встала под узкий навес гаража. По нему я обычно забиралась на крышу, когда возвращалась домой позже разрешенного времени. Нащупав тайник, я вытащила оттуда печенье для собак и бросила одно за забор, чтобы отвлечь Сэнди, пока мой папа будет открывать дверь. Собачьи клыки клацнули в непосредственной близости от головы Пола, и он резко увернулся, дождевые капли разлетелись веером с кончиков его волос.

— Не прикасайся ко мне, — сказал он Наките. Пол выглядел встревоженным, но не загнанным в угол.

— Она имеет полное право даже убить тебя, — жестко заметила я, и Грэйс тяжело вздохнула. — Я была убита этим клинком.

Пол выпучил глаза, Накита усмехнулась.

— Ты не знал этого, верно? — прошептала она в то время, как мой папа открывал дверь. Барнабас вежливо поздоровался.

Грэйс запела, медленно снижаясь и приземляясь на грязный подоконник.

Жил да был хранитель темный,

Считал себя он всех умней,

Как темный жнец скосил он деву

*Велением неба его же замену.*

*Но правду узнали жнецы, серафимы*

*И смертью омыл тот предатель измену.*

Она имела ввиду хранителя времени Кайроса, амулет которого в данный момент висел на моей шее. Он не только пытался убить меня с целью сохранить свою должность, он также убил и своего предшественника, чтобы досрочно получить титул темного хранителя времени.

Пол был надлежащим образом запуган, поэтому я, осторожно прижавшись к стене гаража, заглянула за угол. Поток света из дверного проема изливался в мрачную темноту вечера, освещая Барнабаса и, казалось, что он сам светится по краям. Я знала, что это всего лишь мое воображения, но мой папа рядом с ним казался бледной тенью.

— Привет, мистер Эй, — сказал Барнабас, это прозвучало абсолютно буднично. — Я знаю, что уже поздно, но я должен забрать Накиту домой.

Меня пронзило острое чувство вины, когда силуэт моего отца перекрыл поток света из коридора, и послышался его низкий голос:

— Я думал, она переночует у нас. Прошу в кабинет.

— Да, она останется у вас, — подтвердил Барнабас, вытирая ноги и входя в дом, — Но она не... — дверь закрылась, лишив меня возможности услышать окончание лжи.

— Сломанные перья Габриэля, — выругалась Накита, глядя в окно. — Теперь мне придется идти и подыгрывать ему. Мэдисон, с тобой все будет в порядке?

— Конечно, — заверила я, взвешивая меч на ладони. — Только не слишком долго.

Я собиралась вернуть меч Полу, как только она скроется из вида. Если же он попытается после этого что-нибудь предпринять, Грейс опрокинет его на землю.

Пребывая в неведении относительно моих планов, Накита одарила Пола яростным предупреждающим взглядом. Выскользнув из-под крыши гаража, она высоко подпрыгнула, ухватилась за гаражный навес, подтянулась с атлетическим изяществом, и в мгновение ока оказалась на карнизе. Я проделывала это примерно также, только мне был необходим для этого мусорный бак. Ну и еще я была немного менее грациозна. Выпрямившись, Накита отряхнула джинсы и осуществила короткий перелет к моему окну. Я скорее слышала, чем видела, как она скользнула внутрь.

Наконец-то одни.

— Если он попытается что-нибудь сделать, — проговорила Грейс, паря рядом со мной, — Я спущу на него Сэнди.

Мне не хотелось знать, как она собиралась избавиться от преграды в виде забора. Это вполне могло означать молнии. Я выдохнула воздух, который вдохнула две минуты назад, и посмотрела на Пола.

— Вот, — произнесла я, вручая ему меч клинком вниз. — Извини. Накита немного несдержанна.

— Мэдисон! — воскликнула Грейс, засветившись на три тона ярче, но я проигнорировала ее.

Естественно, Пол решил поступить не самым умным образом.

— Я не позволю тебе снова убивать! — проорал он и кинулся на меня. Я отпрянула и ударилась спиной о стену гаража. Ахнув, я почувствовала, как сквозь меня прошли холодные черные крылья.

— Эй! — заорала я, когда поняла, что он снова на меня замахнулся. — В чем проблема, парень? — чуть тише выкрикнула я, отмечая, как яростно разлаялась Сэнди.

Грейс рассмеялась, её голосок звенел на пределе моей слышимости, а ее свечение резало глаза. Однако я ничего смешного в этом не видела.



Сжимая меч, Пол уставился на меня. Дождь оставлял дорожки на его лице.

— Я пронзил тебя! Я знаю, я пронзил тебя! — повторял он, это звучало так, будто его предали. — Он прошел прямо сквозь тебя, но ты в порядке! Ты действительно мертва!

— Ты думаешь? — осведомилась я, одергивая свою футболку и осматривая ее, чтобы удостовериться, что он не порезал ее своим мечом. Красная от смеха Грейс каталась по траве.

— Ты тоже хочешь умереть? Убери его, идиот. Что, черт возьми, с тобой происходит?

Не сводя с меня глаз, он стал пятиться назад, пока не уткнулся спиной в забор. Сэнди бросилась на него, и он рассеянно отступил. Вероятно, по всей спине у него теперь были отпечатки собачьих лап.

— Рон сказал, что ты умерла, — пробормотал он.

— Иногда он говорит правду, — к счастью меч Пола был призван поражать души, а не одежду. Моя футболка осталась цела.

— Ты хоть представляешь, сколько это стоит? — спросила я, с облегчением понимая, что не придется объяснять моему отцу, откуда на моей футболке появилась дыра длиной в фут.

— То, что ты носишься, возомнив себя Люком Скайуокером, не означает, что остальным хочется носить на себе лохмотья!

Жил на свете мальчик Пол  
Будущий светлый хранитель  
Хотел он драться так мечом  
Как жнец на жатве со клинком  
Взмахнув мечом как лорд с плеча  
Он выглядит как саранча.

— Это почти имеет смысл, Грейс, — сказал я, и она снова поднялась в воздух. Грейс излучала теперь более мягкий свет. Отряхнув намокшие от травы крылья, ангел рассеяла вокруг себя облачко мелких брызг.

Взгляд Пола лихорадочно заметался по сторонам, когда он, наконец, понял, что я была не настолько одной, как казалось со стороны. После того, как наши взгляды встретились, он неуверенно помолчал и произнес.

— Ты не та, за кого я тебя принимал.

Я пожалала плечами и прислонилась спиной к стене гаража, чтобы укрыться от дождя. Я скрестила руки на груди, потом подумала, что выгляжу уязвимой в этой позе, и засунула руки в карманы.

— А что, Рон сказал, что я смерть на роликовых коньках? — язвительно осведомилась я, все еще злясь на него за проделки с мечом. — Он говорил, что лгал мне о том, кто я? После того, как я умерла, и все такое? Он рассказал о том, как скрыл мое существование от серафимов, чтобы они не смогли вернуть мне мое тело, и я не смогла бы вернуться к жизни? Я мертва, Пол, и это отстой.

Пол опустил глаза. Грейс тоже притихла, вероятно, вспомнив свою роль во всем этом. Рон также и её использовал. Вдалеке послышались приглушенные раскаты грома, вспышка молнии осветила мокрые волосы Пола. Сейчас они казались черными, но когда я смотрела

на них в пустыне, они были каштановыми.

— Я не хотела становиться темным хранителем времени, — сказала я. Его губы плотно сжались, будто он мне не поверил. — И до сих пор не хочу. Я хочу вернуть себе свое тело и отдать обратно эту вещь.

Я продемонстрировала ему свой амулет, желая, чтобы он заметил, что мой камень гораздо древнее его. Возможно, я не знала, как его использовать, но он был намного могущественнее того амулета, который сделал для него Рон.

— Рон ничего никому не сказал, и к тому времени, когда открылась правда, Кайрос умер, и было уже слишком поздно. Рон рассказывал тебе о нем, да?

— Бывший хранитель времени, — кивнул Пол. — Ты убила его?

— Вот как из всего сказанного он сделал вывод, что ты убийца? — пробормотала Грейс. Она опустила на мое плечо, и я ощутила прошедшую сквозь меня волну тепла.

— Нет, — сказала я, — Накита скосила его, когда узнала, что он ей лгал, и что я была его заменой. Ей не понравилось, что он пытается идти против воли серафимов, в планы которых не входило мое убийство. Ты хоть представляешь, каково это, когда кто-то пытается тебя убить?

Я оттолкнулась от стены, и Пол отступил на шаг назад.

— Нет.

— А со мной это происходит все время.

Пол посмотрел на свой меч, и Грейс взвилась с моего плеча. Яркая вспышка прошла вдоль клинка. Затем она погасла, и его рука оказалась пуста. Какое-то время в глубине его амулета мерцали золотистые искорки, затем они тоже исчезли. Теперь это был просто плоский черный камень.

— Зачем ты пришел сюда? — спросила я, чувствуя, как на меня накатывает депрессия. Этот парень ненавидит меня, а ведь он меня даже не знает.

Пол оглядел улицу, затем перевел взгляд на меня.

— Рон сказал, что ты утверждала, будто собираешься спасти кого-то. Но твоя работа заключается в том, чтобы посылать жнецов раньше срока прервать чью-либо жизнь. Мне захотелось посмотреть на это.

Он не верил Рону. Все любопытнее и любопытнее.

Крылья Грейс пришли в движение, и она прошептала:

— Я же говорила, что я не шпионю за тобой. Серафимы увидели, что ему было предрешиено встретиться с тобой сегодня вечером, и направили меня, чтобы убедиться, что вы оба переживете эту встречу.

О, в самом деле?

Я ощутила ...беспокойство. Подавив это чувство, я выпрямилась.

— И?

За его спиной, игнорируя дождь, терпеливо сидела Сэнди. Её хвост становился все грязнее — она возила им по земле.

— Ну, ты темный хранитель времени, — угрюмо проговорил он.

— Быть темным не значит быть плохим, — с жаром заявила я. — Светлые — за выбор людей, его легко увидеть. Темные — за скрываемую серафимами судьбу, когда нет возможности что-то изменить.

Я сделала медленный вдох. Он мог бы сейчас уйти — фактически он уже все сказал. Или, быть может, это означает, что он чего-то хочет.

— Меня зовут Мэдисон, — сказала я на случай, если Рон не назвал ему мое имя.

Он помолчал, затем осторожно произнес.

— Я — Пол.

Я ангел-хранитель, Грейс имя мое  
Я радость и смех вам всем подарю  
Вызываю улыбки, грусть разгоню  
И Мэдисон скажет, что я не лгу.

— Какая-то поэма получилась... — пробормотала Грейс, взмывая вверх и опускаясь.

Я чувствовала себя одинокой. Пол стоял под дождем. Прилипшие ко лбу волосы и стекающие по одежде струйки воды придавали ему глупый вид.

— Пол, сделай одолжение, — начала я, — передай Рону — я хочу, чтобы он отступил. Я попытаюсь спасти этого парня. Вмешательство Рона может поспособствовать тому, что Накита попытается...эх, сделать свое дело, — закончила я, не желая говорить "убить его".

— Независимо от того, что ты по этому поводу думаешь, я верю в выбор также сильно, как и ты.

— Выбор? — горько усмехнулся Пол. — Темные хранители времени не верят в выбор.

— Да знаю я, — простонала я. — Но это так, хорошо? Я пытаюсь найти способ делать свою работу таким образом, чтобы ни на дюйм не отступать от своих взглядов. Дай мне время, ладно? — я почувствовала разочарование — чем более взволнованной я становилась, тем большую самоуверенность обретал он — даже насквозь промокший и стоящий под дождем.

— Почему бы просто не сказать мне, кто помеченный, и мы дадим ему ангела-хранителя? — вода стекала по его шее, когда он говорил.

Я вспомнила, что около часа назад говорила Накита, и почувствовала себя плохо. Если бы я ей не обещала не делать этого, сказала бы я сейчас "Да?".

— И это твой ответ? — спросила я, желая, чтобы Барнабас поторопился. — Повесить на него ангела-хранителя? Ты не мог придумать что-нибудь более быстродействующее? Кроме того, парень — слизняк, Пол. Он собирается причинять боль и душевные муки до тех пор, пока не случится нечто, что изменит его путь.

— Ну, тогда загляни в будущее, — тихо сказал он.

— Нет, — ответила я, не желая признаваться, что не способна выполнять настоящие обязанности хранителя времени. — Серафимы мне все рассказали.

— И ты веришь им? — его лицо безобразно перекосилось, будто серафимы были плохими парнями.

— У них нет причин лгать.

Однако Пол уже не слушал меня. Я услышала скрип нашей входной двери, и бросила Сэнди последнее собачье печенье.

— Я пытаюсь поговорить с ним, — объяснила я, пока Барнабас и Накита заканчивали свой спор. — Если я смогу помочь этому парню изменить свою жизнь, то и судьба его изменится. Вот и все. Это все, что я планирую сделать. Ты не мог бы убедить Рона отступить и позволить мне попробовать это? Вместе со светлым жнецом и черными крыльями мне трудно будет удерживать Накиту от...

— Его убийства, — закончил за меня Пол. Его глаза сурово блеснули. — Каждый человек имеет право сделать выбор, правильный или нет.

— Я согласна с тобой, — сказала я, наблюдая за идущими к нам Барнабасом и Накитой. — Но почему кто-то должен делать неправильный выбор, когда совсем немного информации дало бы ему шанс поступить более правильным образом. Проснувшись, трудно увидеть солнце, когда жалюзи опущены. Я — это створки жалюзи, Пол. Пытаться остановить меня, значит, резко сдернуть жалюзи с окна.

Он задумался, не сводя глаз с приближающихся жнецов.

— Скажи мне, кого ты собираешься скашивать, — потребовал он, прежде чем они подошли достаточно близко, чтобы услышать. — Может быть, тогда я поверю тебе.

— Я не буду предавать Накиту, — тихо сказала я, едва перекрывая шум дождя. — Она моя подруга.

— Было бы легче, если бы ты так и сделала.

Послышался звук шагов Барнабаса, и я отступила на шаг, чтобы освободить ему место. Накита несла свою сумочку, размахивая ею так, будто хотела использовать ее в качестве молотка. Я знала, что выглядела растерянной, и когда Барнабас заметил мои пустые руки, он понял, что Пол вновь обрел свой меч. Барнабас вздохнул.

— Мэдисон, — недовольно проворчал он.

Очевидно, ничего нового мы уже не узнаем, и желая только, чтобы Пол убрался отсюда, я проговорила:

— Пол уже уходит, — затем повернулась к нему. — Правильно?

— В таком случае тебе лучше позвать Рона, — пробормотал Барнабас. — Я не собираюсь тащить его домой на себе.

— Мне нет необходимости лететь до дома, — сказал Пол, лукаво изогнув брови. Он вроде как скользнул в сторону и исчез в мерцающей полосе тьмы.

— Святое дерьмо! — воскликнула я, в шоке отступая назад. — Я так не умею!

Я обернулась на Барнабасу и Накиту.

— Почему я не умею так делать? Черт побери, он мог уйти в любой момент после того, как получил свой меч. Почему он этого не сделал?

— Ты так можешь, — заметила быстро пришедшая в себя Накита.

— Ты просто не знаешь как, — добавил Барнабас.

Рядом неожиданно вскрикнула Грейс:

— Получилось! Получилось! — звенела она.

Я ангел Грейс, посланник Неба,

Следить за Поллом я должна.

Он ускользнул и мне пора,

Я улетаю, всем пока.

И также исчезла в боковой вспышке света.

Раздраженная, я с отвращением засунула свой амулет под промокшую футболку.

— Разве к подобным вещам не прилагается инструкция? — проворчала я.

Хотя одно, несомненно, было хорошо — если Грейс наблюдает за Поллом, значит, она не наблюдает за мной.

Барнабас вздрогнул, в свете фонаря мелькнули его крылья.

— Мы улетаем? — спросила я, он кивнул, оборачивая крылья вокруг меня. — А как же мой папа?

Никто не ответил. Я обернулась к Наките и заметила ее плотно сжатые губы. Я мысленно вернулась к тому моменту, когда они выходили из дома — они спорили.

— Что насчет моего папы? — громче повторила я свой вопрос.

Барнабас взял меня за руку и привлек к себе.

— Он на диване, смотрит телевизор.

Он пах мокрыми крыльями, и я оттолкнула его руку.

— Что ты сделал с моим папой? — обвиняюще проговорила я, и он покраснел.

— Ничего! — воскликнул он. — Полетели. Я могу высушить тебя в полете.

Я не двигалась. Он посмотрел на Накиту, взглядом приказав ей молчать, и она перевела дыхание.

— Хорошо, хорошо, — сдался он. — Я просто вложил ему воспоминания, что вы уже спите. Я не могу оставить вас с Накитой здесь, и не могу надолго оставлять Шу. С твоим отцом все будет в порядке. Может, поднимемся над тучами, где нет дождя, пожалуйста?

Из тени темных крыльев доносилось ворчание Накиты о том, что она могла бы гораздо лучше справиться с обработкой моего отца.

Дождевая вода струилась по моему лицу, и я подумала — что, если Пол был прав? Я могла назвать ему имя Шу, и покончить со всем этим. Не считая того, что Шу провел бы остаток своей очаровательной жизни, причиняя всем увечья. И, что еще важнее, я бы предала доверие Накиты.

Поколебавшись, я взглянула на Барнабаса. Капли дождя стекали с концов его слипшихся волос, он молчал, вопросительно изогнув свои тонкие брови. Меня озарило — он намеренно увлек Накиту в дом, чтобы я сделала то, что сделала. Он дал мне возможность рассказать Полу о том, кем мы были.

И когда я улыбнулась и кивнула ему, его облегчение было очевидным. Он не хотел, чтобы я это делала, но он дал мне шанс. Вроде как для того, чтобы я почувствовала себя хорошо. Как если бы я, наконец, сделала что-то правильное.

Накита переводила взгляд с меня на него и обратно, понимая, что между нами проскользнуло что-то недосказанное, но не зная, что именно.

— Так мы летим? — медленно спросила она.

— Конечно, — сказала я, и Накита улыбнулась.

Я верила в выбор, но дать Шу ангела-хранителя — это был не выбор. Это был уход от решения проблемы.

Сидя под окнами Шу на карачках, я была рада тому, что мое физическое тело отсутствует, иначе колени просто бы отвалились. Я выпрямилась и, уткнувшись в окно, увидела аккуратно заправленную кровать. Рядом со мной стоял Барнабас, наблюдающий за Шу немигающим взглядом карих глаз. Накита бродила где-то во дворе, делая снимки листьев, деревьев, и даже трещин на тротуаре, что меня очень раздражало, даже притом, что вспышка была отключена. По крайней мере, здесь не было дождя. Хоть какое-то утешение.

Хотя во время полета я почти обсохла, одежда все еще была влажной и противно липла к коже, и я завидовала способности Барнабаса каким-то образом полностью высыхать. Накита тоже была в сухих джинсах и босоножках, ногти на ее ногах теперь были жемчужно-розоватого цвета. Она закончила наносить лак за несколько минут до нашего "путешествия", бурча себе под нос "как это ей надоело".

— Почему я просто не могу пойти к нему и поговорить? — прошептала я, когда Накита проходила мимо нас, фотографируя какую-то очередную белиберду. Мне надоело прятаться. Я имею в виду, что я вроде как должна спасти этого парня, но еще и слова ему не сказала. Со мной были двое жнецов, готовые прийти мне на помощь — но одна постоянно отвлекалась на новую игрушку, а другой был по самые уши укоренен в вековом регламенте, чтобы попробовать что-нибудь новое.

— Еще минутку, — проговорил Барнабас, примерно раз в шестой. — Я хочу посмотреть, что он делает.

Накита, чье лицо выглядывало из-за фотоаппарата, проворчала:

— Он человек, убивающий время. Время для убийства человека.

Барнабас хмуро посмотрел на нее из-под копны кудрей, я вздохнула. Мне не нравилось шпионить, и стоя между кустами и стеной, обитой сайдингом, я раздумывала об ошибках, заправив влажную прядь за ухо и вглядываясь в темноту двора. Район был хорошим, — даже лучше, чем мой, — и я задавалась вопросом, почему парень, у которого было все, чувствовал потребность отобрать что-нибудь у других.

Под ярким мерцанием звезд виднелись очертания крыши, и я опасалась, что Рон снова может появиться. Барнабас и Накита скрыли резонанс моего амулета, как только мы покинули мой двор. Все же мне стоит выкроить несколько часов для того, чтобы научиться закрываться щитом самостоятельно. Я не хотела постоянно зависеть от своих жнецов.

Стук клавиатуры привлек мое внимание, и заглянув в окно, я увидела Шу, ссутулившегося за компьютером. Комната парня была унылой, со светлыми стенами и серым ковром, который выглядел только что перекочевавшим с врачебного кабинета. Его стол был ужасно чистый. Все барахло хранилось на полке или в ящике стола. Никакого беспорядка, даже одежда не разбросана. И кровать заправлена. Помимо баннера с логотипом Гарварда, яркими пятнами выделялись лишь работы Эйса — на столе лежала аккуратная стопка музыкальных компакт-дисков, да большой плакат с кружащими вокруг друг друга орлами с огромными когтями, приклеенный скотчем к стенке шкафа. Может быть, у его мамы пунтик по поводу кнопок на стенах? Музыка, раздававшаяся с проигрывателя, навевала на меня скуку, и я покручивала кончики своих фиолетовых волос, пытаюсь стряхнуть сонливость от релаксирующего нью-эйджа<sup>[2]</sup>. Представляете, сонливость! Я даже подремать-то ни разу не захотела со дня свой смерти.

— И вот этим вы занимаетесь на жатве? — спросила я, мельком взглянув на Барнабаса. — Шпионите за людьми?

— ... их определяю и скашиваю, — голос Накиты слился с шорохом кустов, она приближалась к нам.

Не сводя глаз с Шу, Барнабас чуть сдвинулся, чтобы освободить ей место у окна.

— Это предотвращение скашивания, а не жатва, — сказал он тихо. — Я не уверен, что нужно делать, и нет ничего плохого в наблюдении, пока не появится идея.

Приглушенный звук, почти рычание, вырвалось из Накиты, когда она взглянула в окно.

— В комнате можно устроить больше сотни несчастных случаев, — зашипела она. — Я могу сделать так, будто шнур питания сгорел, и он погибнет от электрического тока.

— Нет! — в унисон тихо воскликнули я и Барнабас.

Шу похоже что-то услышал, так как поднял голову от клавиатуры. Я быстро присела, а Барнабас схватил Накиту и отдернул в сторону. Навевающая сон музыка стала громче, но только когда возобновился стук клавиатуры, я облегченно выдохнула и снова прилипла к окну.

— Ты не будешь его убивать! — сказал Барнабас, пока она убирала фотоаппарат в сумку, хмурясь на звук застегиваемой молнии.

— Ты понятия не имеешь, насколько я хорошая, — прошипела Накита, наблюдая, как Шу нажал кнопку на принтере, затем наклонился, чтобы поймать выползающую бумагу. — Хронос мог выследить нас. Клянусь, если я учую его запах, я убью его.

Кого — Рона или Шу? — подумала я, следя за Шу. Парень был настоящим компьютерным асом, но лишь из-за этого скашивание не казалось мне единственным правильным выходом. То, о чем пели серафимы, просто не соответствовало тому, что я видела сегодня. Я наблюдала, как он помог своему младшему братику с портативной игровой приставкой, — и не просто показал, а подробно рассказал, что к чему, так что десятилетний юнец сам прекрасно до всего додумался.

— Все же постарайся себя сдерживать, — проговорил Барнабас, не сводя внимательных глаз с комнаты Шу.

Накита рассвирепела, и я закатила глаза. Ну вот, опять...

— Ты не можешь остановить меня, — заявила она надменно, и, на мой взгляд, слишком театрально. — Это наше предназначение. Привыкай к этому или уходи. Новый ангел здесь — ты. Не я.

Барнабас повернулся к ней, выглядя раздраженным.

— А знаешь, это хорошая идея, — кисло заметил он. — Скоси душу Шу и рассей в звездную пыль шанс Мэдисон следовать избранному пути.

Ее глаза сузились:

— Рон вполне может следить за нами в данный момент. И я не позволю ему прикрепить ангела-хранителя к Шу!

О ма-а-ам... Они так шумели, что Шу вполне мог подойти к окну и проверить что за шум-гам. А я бы не хотела, чтобы это произошло.

— На самом деле, — встряла я в разговор, воспользовавшись паузой в их перепалке, — у Накиты вполне обоснованные опасения.

Листва зашуршала, Барнабас с изумлением повернулся ко мне.

— Что?

Не встречаясь с ним взглядом, я посмотрела на Накиту:

— Почему бы тебе не сделать пару кругов, убедиться, что Рон или Пол не следят за нами?

Барнабас слишком поздно спрятал улыбку. Накита заметила ее и напряглась.

— Вы от меня избавляетесь, — обвинила она.

— Ну, да, — подтвердила я, не желая ее обманывать. Ей уже достаточно лгали. — Но ты права. Кто-то должен проверить. И я выбираю тебя.

Она нахмурила брови, и на мгновение в ее глазах замерцало серебро. Она бросила:

— Отлично. — И ушла.

Выдохнув с облегчением, я помассировала шею, наблюдая, как темный жнец раскрыла крылья и оттолкнулась от земли, листва и трава зашевелились от поднятого ветерка.

Барнабас потянулся.

— Интересно, в устах Накиты "отлично" имеет тот же смысл, что и в твоих?

— Думаю, да, — оглянувшись на Шу, на мгновение я ощутила всю бесполезность нашего дела. — Он просто заполняет заявление в колледж. Барнабас, жизнь Шу столь же захватывающая как овсянка. Ты уверен, что мы наблюдаем за правильным человеком? Даже если он компьютерный гений, он не выглядит парнем, способным убить людей ради анонимной славы.

Барнабас придвинулся ближе, и аромат кучевых облаков обволокло меня.

— Ты так считаешь? — прошептал он. — Он открывает скрытые папки.

Теперь я заинтересовалась этим парнем намного сильнее. Резко обернувшись, я во все глаза уставилась на Шу, обнаружив, что он по-прежнему сидит за компьютером. Щурясь, я попыталась прочитать название файла в верхней части нового окна.

— Выглядит вполне безобидно, — шепнула я.

Барнабас приглушенно проговорил, переминаясь с ноги на ногу.

— Помнишь, что сказала Грейс? Вначале вирус поразит школьный компьютер. Преждевременные каникулы? Закрывать школу на пару дней?

О-о-ох, нехорошо. Однако меня не убедило даже то, что он вставил один из раскрашенных Эйсом дисков в ноутбук.

— Я должна поговорить с ним. Прямо сейчас.

Барнабас взглянул на меня, широко раскрыв глаза.

— Ты видела? — спросил он. — На диске нарисовано черное крыло!

У него был шокированный вид, но я махнула рукой.

— Прости. Я забыла сказать тебе. Это Эйс. — Я снова перевела взгляд на серо-белую комнату. — Он художник. Разве не жуть? Идею тающей вороны ему подкинул Шу.

— "Жуть" — это слабо сказано, — проворчал Барнабас, чуть изменив положение.

Я наблюдала, как Шу откинулся назад на спинку стула, когда начался прожиг диска. Почему он просто не закинет файл на флэшку, подумала я. Может быть, он собирался пронести его в школу, замаскировав под музыкальный диск?

Почему я все еще сижу тут? Внезапно спросила я саму себя. Он загружал вирус. Разве я должна просто наблюдать? И позволить ему?

— Все, я собираюсь поговорить с ним, — сказала я, собрав волю в кулак, и направилась через кусты к переднему двору.

Ветви оцарапали мои руки, и я замерла, когда свет от фар залил тихую улицу. Они были какими-то другими... синего цвета. Не фары, а свет.

— Подожди, — прошептал Барнабас, появившись рядом со мной, но я и так



остановилась, почувствовав головокружение, наблюдая, как знакомый пикап припарковывается у дороги. Оглушительная музыка заглохла спустя пару секунд после отключения двигателя, и громко хлопнула дверь. Мягко шагая, серая тень обошла авто, и направилось напрямик к дому.

— Эйс, — проговорила я, положив руку на живот. Я почувствовала тошноту. Мы не могли видеть входную дверь с нашего пункта наблюдения, но в тишине улицы было хорошо слышны шаги, а затем мелодичный звонок в дверь.

Из комнаты Шу послышалось приглушенное проклятие. Барнабас прижал меня к дереву, и мы вместе следили, как парень стремительно вскочил из-за компьютера и почти свалился, натягивая ботинки, плохо удерживая равновесие на одной ноге.

— Ну же, быстрее! — бормотал он, но дисковод все еще шумел, прожиг пока не завершился.

Зрение слегка заволкло голубоватой дымкой, и я несколько раз моргнула. Покосившись на амулет, мне показалось, что камушек тоже слегка посинел — похоже, у меня разыгралось воображение. Барнабас крепче сжал мою руку.

— Мы должны уходить, — сказал он, не спуская глаз с окна.

— Почему? — спросила я, стараясь избавиться от гудения в ушах.

Он повернулся ко мне, в карих глазах плескалось беспокойное нетерпение.

— Потому что мне кажется, Шу собирается вылезти через окно, как только диск запишется.

Блин, ну да, Шу уже натянул свою толстовку и закрывал все окна на мониторе.

С другой стороны я слышала, как мама Шу приветствовала Эйса, приглашая его войти. Поморщившись, я нырнула за дерево и исчезла из виду.

Шум от крыльев привлек наше внимание — я не удивилась, когда Накита приземлилась на крышу.

— Оставайся там! — зашипел на нее Барнабас, а темный жнец послала ему недобрую улыбку, от которой я содрогнулась. Расширенными глазами я наблюдала, как она снова развела крылья и поднялась в воздух, чтобы иметь возможность проследить за Шу, который явно намеревался побыстрее слинять.

Из глубины дома послышался голос его матери, зовущей Шу. Да, скоро все станет совсем паршиво.

— Накита в курсе, что происходит? — спросила я, приложив ладонь к груди. Почему мое сердце не бьется? Оно всегда бешено колотится, когда я нервничаю.

Барнабас удерживал меня возле дерева.

— Я так не думаю, — прошептал он, и я уставилась на него. В его глазах переливалось серебро. — Мы должны уходить.

Вокруг все синее, подумала я. Я ощущала какое-то оцепенение, зрение размылось. Шу, наконец, вытащил записанный диск и раскрыл окно. Занавески затрепетали от сквозняка, так как он задернул их, скрывая открытое окно.

— Мы должны выбираться отсюда, — сообщил Барнабас и бросился прочь сквозь кусты. Я перевела дух и заставила себя двигаться. Если бы ветерок не обдувал мое лицо, я бы подумала, что стою на месте. Это походило на сон, в котором вы бежите и бежите, не приближаясь к выходу ни на шаг.

— Мэдисон! — позвал Барнабас с дороги, и я остановилась. Моргнув, я посмотрела под ноги. Я все еще возле дерева. Подожди. Я же знаю, что бежала куда-то...

— Мэдисон, пойдём! — повторил светлый жнец, и я вздрогнула. — Он сейчас уже вылезет!

— Мне нехорошо, — прошептала я, глядя на него.

А потом все на улице стало синим. Будто чернила вылили в стакан с водой — вначале они тянутся на дно, затем поднимаются до середины и смешиваются с прозрачной водой, закручиваются и циркулируют, пока вода не окрасится равномерным синим цветом.

Ох, это не к добру.

— Ммм, — прохрипела я, когда Барнабас примчался обратно и взял меня за руку. — Я думаю, я попала в беду, — шепнула я. Мои колени подкосились, и я потеряла сознания.

— Мэдисон!

Сквозь туман в голове я чувствовала, как Барнабас подхватил меня.

— Жемчужная пята Габриэля, — пробормотал он, и я открыла глаза. Его лицо сияло, как показывают в кино, будто в облаке белого свечения. И я увидела его крылья. Я попыталась прикоснуться к ним, но они были только в моем видении, не в реальности. Он был похож на ангела, сбившегося с пути истинного. И он был единственным, что осталось реальным. Все остальное было синим, сливаясь в бесконечную сплошную синеву.

— Барнабас, — прошептала я, и лишь одно слово потребовало от меня огромных усилий, — что-то не так.

— Что такое? — спросил он в явной панике, и поднял меня на руки. — Что с тобой? Не ушиблась?

Мой взгляд упал на амулет, и я вытаращилась на него с изумлением. Он был абсолютно черным. Нет, вернее он был такого глубокого насыщенного фиолетового цвета, что казался черным. И тут меня осенило — сияние амулета сдвинулось по спектру.

Голова раскалывалась на части, и я ахнула, увидев звезды. Они излучали радужное сияние всех невысказанных оттенков. Я видела каждый луч, каждую волну света исходящую от них. Слезы полились из моих глаз. Это было слишком. Я всего лишь человек. Я никогда не должна была увидеть все это, я никогда не должна была узнать, что такие цвета существуют.

— Мэдисон! — Барнабас повернул мое лицо к себе, и я, рыдая, вцепилась в него, как в единственный оплот реальности в окружающем меня хаосе.

— Что-то... неправильно, — всхлипнула я. Я так хотела увидеть звезды еще раз, но мой человеческий разум был не в силах постичь это великолепие.

— Я найду Рона, — сказал Барнабас. Его голос был мрачным, и хотя зыби головокружения затягивали меня, я сфокусировалась на нем.

— Нет, — беззвучно шепнула я, потом чуть громче. — Нет! Только не позволяй мне смотреть на звезды.

Я плакала, и видела, как синие потоки исходят от меня, накрывая Барнабаса как волны на пляже.

— Не позволяй мне смотреть на звезды... — прошептала я.

Я почувствовала, что мой разум раскрывается навстречу синеющему хаосу, и ощутила панику светлого жнеца.

Как угасающий огонек, он превратился в синюю дымку и исчез. Мгновение спустя я оказалась одна, и все, что удерживало меня от объятий бесконечности, было тепло его ауры рядом с моей, ибо я полностью погрузилась в сосредоточие времен.

## Глава 8

Черт побери, где я? — подумала я, наблюдая, как будто сквозь голубую дымку, как мои пальцы двигаются, берут спинку кресла на колесиках и разворачивают его в направлении компьютера передо мной. Ну и дела, я в комнате Шу! И эти пальцы на самом деле не выглядят как мои...

— Посмотрим, как вам это понравится, — почувствовала я, как произносят мои губы, затем услышала это мгновение спустя как мужской раздраженный голос.

Дерьмо! Я нахожусь внутри Шу? — думала я, но мне нужно было сесть, или скорее Шу нужно было, я повернула голову, сама того не желая, чтобы проверить, закрыта ли дверь. Откидываясь в кресле, я посмотрела на задернутые занавески. Едва заметная мысль, что я видела кого-то за окном, убегающего прочь, пронеслась у меня в голове.

Барнабас и я, — подумала я, посмотрев на чужие руки, но, очевидно, Шу не чувствовал меня так, как я могла чувствовать его. Это было странно, и мне не нравился голубой оттенок, который был на всем. Я могла слышать сердцебиение Шу и чувствовала его дыхание, ощущая, как воздух в легких становится спертым перед тем, как он его выдыхает. У него чесалась нога, и меня сводило с ума то, что он никак не почешет ее. Мне было жарко, я была раздражена, и впервые за многие месяцы, я вспомнила как это — быть голодной.

Я вижу будущее, — подумала я, память об адреналине пронеслась в голове и смешалась с гневом Шу. Это момент перед тем, как все случится.

— Это обещает быть интересным, — слышала я, как бормотал Шу, наклонившись вперед и быстро стуча пальцами по клавиатуре. — Никто не докажет, что это был я. Я умнее, чем все вы, дурачки, думаете.

У меня пальцы онемели, когда печатанье перешло в звонкий удар по клавиатуре.

— Господи, ну и тормозной же этот компьютер, — слышала я свое бормотанье, чувствуя раздражение которое не было моим.

Шу, нет! Из-за тебя умрут люди! — думала я, пытаюсь заставить его услышать меня, но он, безо всяких признаков, что почувствовал меня, встал и приложил ухо к двери, прислушиваясь, не идет ли Эйс.

Черт побери, я догадывалась, что это будет непросто, но теперь я начинала чувствовать отчаянье, нарастающее в нас обоих, наблюдая, как все происходит, и не в силах остановить это, не в силах заставить его услышать меня в его голове.

Взволнованный Шу грыз ногти, пока записывался диск. Чисто, чисто, все должно быть чертовски чисто, я слышала, как он думает, выковыривая краску из-под ногтя и щелчком запуская ее в центр комнаты. Нужно убираться отсюда, отдалось эхом в нашем общем разуме.

Шу, остановись! — кричала я мысленно в его голове, но он встал перед компьютером, оттолкнул назад кресло, и нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, ждал. Боже! Может этот кусок дерьма работать еще медленнее?

Наконец-то диск записался и лоток выехал. Я потянулась к нему и, хотя я и не могла видеть это, я знала, что он улыбается на изображение капающей черной птицы. Он засунул диск в задний карман, и поток эмоций пролился в меня.

Как же это все его достало. Он знал его всю свою жизнь, и вот как он с ним обошелся? Они все узнают завтра в школе. Он удостоверится, что все узнают, кто ответственен за это. А

его так называемый друг может свернуться калачиком и сдохнуть — ему наплевать.

Шу! — выкрикнула я, но волна еще более насыщенной голубизны затуманила мне зрение.

Мир, казалось, вывернулся на изнанку, и я потеряла равновесие. Снова я оказалась потерянной в черной материи времени, подсвеченной яркой линией миллиона сознательных мыслей. Раздалась вспышка голубого света и потом, с точностью взрыва, я вернулась обратно. В некотором роде.

Мне нехорошо, подумала я, и потом волна удовлетворения, источник которой мне был неизвестен, поглотила все остальное. Я ничего не видела. Синева такая глубокая, что казалась почти черной, заполонила мне взор, пока я больше ничего не могла видеть, но я знала, что нахожусь в чем-то разуме. Этот кто-то чувствовал себя комфортно, и я могла ощущать сердцебиение... и запах пищи. У меня были жирные пальцы, и я ощутила острый приступ голода, когда осознала, что ем что-то соленое.

Как будто сквозь пелену, я слышала комедийный сериал по телевизору, хотя единственное что могла разобрать — это смех. На заднем фоне я слышала женский голос; звук пауз и прерываний заставил меня думать, что она говорит по телефону.

— Нет, — сказала она. — Они никого не пускают, особенно волонтеров. Они — главные подозреваемые, но и по всей больнице идет расследование.

Я почувствовала, как моя грудь двигается от тихого смеха, прилив радости одновременно делает меня счастливой и злит. Шу был доволен, но я была вне себя от злости. Не то, чтобы он это чувствовал.

Но это еще не произошло, думала я, размышляя о том, что я, должно быть, дальше в будущем, потому как единственное, что я могла разобрать — так это голоса. Голоса и чувство голода. Господи, как же я скучала по этому чувству, у меня рот наполнился слюной, когда я почувствовала, как ем чипсы.

— Нет, — ужаснулась женщина. — Трое умерли. Им понадобилось целых четыре часа, чтобы хотя бы понять, что есть проблемы. Они могли бы потерять вдвое больше. Они подозревают, что это мог сделать недовольный служащий. Файервол не засек его, потому что кто-то загрузил его отсюда. Это не было сделано через Интернет.

Шу, ты слизняк, думала я, пока он посмеивался, запихивая чипсы себе в рот и делая телевизор тише, чтобы слышать разговор лучше. Я не видела дистанционку, но чувствовала ее. И почему это звук лучше путешествовал сквозь время, чем образы?

— Да, это кто-то из своих, — говорила женщина. — И они поймают этого гаденыша.

Вместо страха я чувствовала удовольствие. Конечно же, это все Шу, и я пыталась обеспечить ему головную боль. Вот тебе и на, а я думала, он нормальный парень, но пребывание в его голове излечило меня от этой иллюзии.

— Они нашли диск, — сказала она. — Проследили его к терминалу, с которого попал вирус. Все что сейчас им нужно сделать, так это сопоставить диск и компьютер, на котором он был записан. Не правда ли, это уже что-то? — спросила она громко. — Да, они могут сделать это. Как сопоставить баллистику пули. Пока они только допрашивают людей, но скоро будут ордера на обыск. Ты ведь знаешь, что будут. Этот идиот сделал обложку для диска. Это может быть ребенок, потому как подобное произошло вчера в школе.

Мои губы задвигались, и я услышала шепот:

— Ох, ну ты у меня и попал.

Шу! — выкрикнула я в своем разуме, но это был всего лишь сон, возможность — это

даже еще не произошло, и я ощутила волну раздражения, когда каждый звук снизошел до почти несуществующей синеватой черноты, пока не осталось совсем ничего, ни голосов, ни осязания... ничего.

Какой-то миг я просто зависла тут, не зная, что произойдет дальше.

А затем я задохнулась, когда мир вспыхнул красным.

Я дернулась. Моя рука врезалась во что-то, и я услышала, как заворчал Барнабас. Испугавшись, я открыла глаза. У меня были глаза, и они открылись по моему желанию. Слава Богу. Это закончилось.

Барнабас смотрел на меня. Он был близко, очень близко. Над ним была ровная крыша машины, которую ни с чем не спутаешь. Приглушенная тишина закрытой машины давила мне на уши.

— Ух, — запнулась я, думая, что он выглядел ужасно испуганным. — Почему ты держишь меня?

У него аж рот открылся, и глаза на секунду вспыхнули серебром.

— Звезды в пыль, что случилось? — спросил он и ослабил объятия. — Ты в порядке?

Он позволил мне соскользнуть на сидение рядом с ним, я села и, дрожа, убрала розовые кончики волос с глаз. Мы были на заднем сидении фургончика и, похоже, все еще находились в окрестностях дома Шу. Держа руку у живота, я глянула на Барнабаса и сразу же вспомнила его крылья. Сейчас они отсутствовали, но может они были всего мгновение назад или в прошлом. Перед настоящим и будущим? Мне почти казалось, что если я прищурюсь, то смогу увидеть их.

— Все стало голубым, — сказала я. — Где мы?

Барнабас медленно выдохнул и вытер рукой лоб.

— В чем-то фургончике, — ответил он, двигая плечами, видно пытаюсь расслабиться. — Он был открыт. Ты плакала и кричала что-то о звездах. Как только ты перестала видеть их — сразу же успокоилась, немного. Мэдисон, что произошло? Ты просто окаменела.

Я коснулась своего лица и осознала, что оно влажное. Неспособная посмотреть на него, я вытерла лицо.

— Ты никогда прежде не видел, как кто-то делает так? — спросила я, видя, как дрожит моя рука. Две красные полосы на моих ногтях выглядели забавно. — Возможно, Рон?

Краем глаза я наблюдала, как он трясет головой.

— Ты испугала меня до колик в моих пёрышках. Я никогда... я никогда не слышал о... Что случилось?

Я не могла понять, была ли я голодна или меня вот-вот стошнит. Я чувствовала себя так, как если бы не ела неделями. И я не ела.

— Мне кажется, это было видение будущего, — сказала я, думая: "Это моя работа? Как часто мне придется это делать? Мне нужно найти свое тело, уже вчера". — Все стало голубым, и я могла видеть твои крылья, — закончила я, чувствуя, что мне нездоровится.

Барнабас откашлялся.

— Почему это видеть звезды — больно?

Повернувшись к нему, я пожала плечами. В самом деле, я не помнила. Как если бы мой разум блокировал это. Может быть, человеческий разум не может вынести столько прекрасного.

— Я не знаю, — сказала я тихо. — Но, Барнабас, я наблюдала, как Шу записывал вирус

на диск. Я была им, но он не слышал меня, даже когда я кричала ему остановиться. Ситуация изменилась, и я почувствовала его удовольствие, когда он услышал о том, как в больнице умерли люди. Парень просто больной на голову! Я не понимаю этого. Он кажется таким нормальным.

— Неудивительно, что Рон никогда не рассказывал о его видениях будущего, — сказал Барнабас с глазами полными беспокойства. — Мэдисон, это было ужасно. Такое впечатление, как будто тебя и не было тут. Мне казалось, что если я отпущу тебя, ты можешь... исчезнуть. Как если бы тот факт, что ты мертва, лишил тебя якоря, возможности вернуться. Твой амулет не связывал тебя с линиями времени. Вместо него был я.

Я испугалась.

— Черные крылья появлялись?

Он мотнул головой, но его взгляд испугал меня.

— Нет. Но мне казалось, что стоит мне отпустить тебя, и я тебя потеряю, — сказал он. — Мне полагается тебя охранять. Я никогда не был так напуган. — Его губы разжались, пока он подыскивал слова, и клянусь, если бы у меня было сердце, оно бы пропустило удар от беспокойства в его глазах. — И ты сделаешь это снова.

Испуганная, я сглотнула и посмотрела на детскую игрушку из фастфуда на полу, не зная, верила ли я ему на счет черных крыльев. Что будет, если это случится, пока я в школе? Они посадят меня на лекарства или что-то в этом роде.

— Все будет в порядке, — сказала я, вздрагивая. — Я теперь знаю, как ощущается видение будущего. Прежде чем это происходит, весь свет окрашивается в голубые тона. В следующий раз я найду тихую комнату или нечто подобное.

— Голубой. Как если бы ты двигалась быстрее во времени, — сказал Барнабас, кажется, находя утешение в том, что будет некое предостережение.

Неожиданная мысль заставила меня сесть прямо, мой страх испарялся, пока я откидывала волосы с глаз.

— И если я видела будущее, то возможно, и Рон тоже. — Дерьмо, если он видел тоже что и я, то он узнал, кто меченый. Я встала, почти ударяясь головой о крышу. — Нам нужно идти, — сказала я, чувствуя слабость и головокружение. Я не была голодна, и у меня не было месячных, и сейчас быть в таком состоянии — это шок. Может быть, виденье будущего перегрузило мой амулет.

— Где Накита? — спросила я, когда он не двинулся, оставаясь сидеть на заднем сидении фургончика, и смотрел на меня так, как если бы я вот-вот рассыплюсь. — Если я видела будущее, значит, Шу принял решение, и его судьба предрешена, если только я не изменю его намерения. Мне нужно поговорить с ним, прежде чем он сделает что-то глупое или Рон опознает его.

Барнабас взял меня за руку и потянул обратно.

— Мэдисон, притормози. Ты не в себе.

— Со мной все будет в порядке, — сказала я, чувствуя себя шатко, тщетно пытаюсь открыть дверь. — Но Рон теперь знает, кто меченый. Он видит то же что и я, правильно? Если мы не найдем Шу прежде, чем светлый жнец, которого пошлет Рон, Накита убьет его. Барнабас, у меня закончилось время!

Прекрасно осознавая всю иронию ситуации, я потянула за защелку, но либо я делала что-то неправильно, либо тут был замок от детей. Пыхтя от нетерпения, я откинулась на сидении и попросила:

— Помоги-ка мне тут, пожалуйста?

Молча и хмурясь, он потянулся через меня и открыл дверь. Я делала все правильно, просто была очень слаба.

Я споткнулась, выпрыгивая на обочину, и не смогла не окинуть взглядом пятно света от уличного фонаря, чтобы увериться, что это радостный желтый, а не чернильный синечерный свет.

— Как далеко отсюда школа? — спросила я. Если она его убила, я буду так зла. Я не хочу проходить через все это даром.

— Ты ни за что пешком не успеешь туда вовремя, — сказал Барнабас, и у меня перехватило дыхание, когда он подхватил меня на руки, один раз взмахнул крыльями, и мы оказались в воздухе.

Барнабас крепко прижимал меня к себе, пока мы пролетали над зданием, которое, скорее всего, и было средней школой. В то время как Накита и я пытались скормить спагетти папиного приготовления Джошу, Барнабас собирал информацию о городке Форт Бэнкс, как и положено жнецу на жатве. Плоская, покрытая гравием крыша почти не различалась в темноте. Здесь пахло смолой, и воздух немного потеплел, когда мы пролетели над ней к просторной школьной автостоянке.

— Ты видишь Накиту? — спросила я, осматриваясь в надежде обнаружить ее, Шу, или хотя бы Грейс.

— Нет, — тихо ответил он, и я надеялась, что мы прибыли не слишком поздно.

— Как ты думаешь, я должна попытаться ее позвать? — задала я вопрос, и он изменил наклон крыльев, чтобы пролететь мимо рядов темных окон.

— Тогда мне придется перестать скрывать резонанс твоего амулета и надеяться, что она сделает то же самое. Да и Рон может услышать, — проговорил он, и добавил совсем тихо: — Лучше самим поискать.

— Угу, — согласилась я, огорчившись.

— Черных крыльев не видно, — сообщил Барнабас, и я задалась вопросом, что же было на самом деле, когда меня застигло видение будущего.

— Все равно.

Стремительное движение привлекло мое внимание, и я указала:

— Там!

Но Барнабас и сам все заметил. Это был Шу, одной ногой стоя в коридоре, другую закинув на подоконник. Накита о чем-то заговорила с ним снаружи, похоже, сильно его удивив. Слабое сияние размером с мячик для игры в софтбол<sup>[3]</sup> маячило над ней — Грейс, скорее всего. У темного жнеца не было меча, но по неяркому туманному мерцанию Грейс я поняла, что дела не ахти.

Барнабас полетел за угол, и я рассержено завопила:

— Эй, ты куда?

— Не хочу, чтобы он увидел мои крылья, — ответил он, и Грейс, явно нас услышав, метнулась к нам.

— Барнабас, я пытаюсь убедить его, что он должен изменить свою жизнь, либо его душу скосит темный ангел. Приземляйся там, где он сможет видеть тебя и твои долбанные крылья! В конце концов, ты всегда сможешь изменить его память.

Вняв моим словам, он поменял курс и три раза взмахнул крыльями на месте, смягчая наше приземление на тротуар.

— Он здесь! Поспешите! — зашебетала Грейс, мерцая, как маленькая звездочка, накручивая круги вокруг нас. Мои волосы разметались от ветра, вызванного крыльями Барнабаса. — Она последовала за ним внутрь.

Я чуть пошатнулась, оттолкнувшись от Барнабаса, когда почувствовала твердую землю под ногами, руками одергивая задрвшую юбку. Накита перегнулась через окно, одновременно наблюдая за нами и за Шу. Меч был обнажен, и мне не нужно было заглядывать в будущее, чтобы понять — сейчас весь наш план пойдет коту под хвост.

— Грейс, скажи ей подождать! — закричала я. — Рона тут нет! Все в порядке!



— Есть! — пропела ангел и в один миг умчалась прочь серебряной вспышкой.

Рона тут нет, не так ли? Что-то мне стало не по себе. Грейс-то здесь была. Она следила за Полом. Или она получила приказ снова шпионить за мной? Серафимы наблюдают. Небольшое давление, дабы выявить лучшего? — подумала я и поморщилась.

Барнабас подошел ко мне, и когда мы двинулись вперед, Накита уже скрылась в здании, следуя за Шу по пятам.

— Будь все проклято! — закричала я, не заботясь, донеслись ли мои слова до самых Небес. У меня голова раскалывалась на части. Я до сих пор еще не пришла в себя от видения будущего. А теперь, для полного счастья, Накита собирается скосить Шу и превратить все мои усилия в подарочек щенка на ковре.

Я метнулась к темному ряду окон и споткнулась о камень. Барнабас удержал меня за локоть, пока я восстанавливала равновесие. Открытое окно было не так уж высоко от земли, но светлый жнец обхватил меня руками, расправил крылья — и я с грохотом падающей мебели попала в школу, запутавшись в перьях, руках, ногах и стульях, на которые мы приземлились.

Да, это не было круто, подумала я, пытаюсь встать и принимая протянутую руку помощи Барнабаса. Зато мой неизящный вход принес реальную пользу — Накита и Шу остановились и уставились на меня во все глаза. Грейс хихикала, в то время как я поправляла свою одежду и кивком указала Барнабасу на вторую дверь в помещение. Накита шагнула перед Шу, блокировав первую дверь. Грейс, невидимая для Шу, парила над ним.

Помещение оказалось химической лабораторией — хоть свет и не был включен, но освещения от уличных прожекторов вполне хватало, чтобы различить всякие лабораторные инструменты. Тут были установлены шесть длинных столов с приспособлениями для стока воды и небольшими фиксаторами для горелки Бунзена<sup>[4]</sup>. Скелет улыбался мне из темного угла, и я подавила дрожь.

— Накита, — сказала я, все еще смущенная своим шумным появлением. — Позволь мне поговорить с ним. Я могу его спасти.

— Так и я могу, — ответила Накита, чуть сменив положение ног, для большего равновесия. — Это будет гораздо быстрее.

— Я ей говорила! — колокольчиком звенела Грейс. — А она меня светлячком обозвала. Шу выглядел и сердитым и сбитым с толку. Барнабас громко проговорил от второй двери:

— Серафимы предоставили ей такую возможность, Накита. Пусть попробует.

Широко расставив ноги, Накита вызывающе тряхнула волосами, но когда Грейс откашлялась мягким перезвоном "музыки ветра"<sup>[5]</sup>, она неохотно согласилась.

— Поговори с ним, но если я замечу черное крыло, я скошу его.

— Скосить меня? — Шу явно встревожился, наблюдая за мечом темного жнеца. — Какого черта тут происходит? Кто вы?

Грейс весело запела:

Звать ее Мэдисон, особа добра,

В глазах светит пламя, когда она зла.

Отмеченных смертью спасением жизнью

Решила она заниматься отныне.

Ты слушай ее, а не то темный жнец

Устроит тебе очень быстрый конец.

Черт побери, она что, всю ночь активно придумывает свои лимерики?

— Мм... — начала я, но Шу уже уставился на меня, тыкая пальцем. — Ты была в торговом центре, — обвиняюще сказал он. — Ты та девушка, с которой общался Эйс. Тебе он нравится? — Шу расслабился и дерзко усмехнулся. — Ну, давай! Он та еще задница.

— Нет, я хотела поговорить с тобой, — ответила я, но он отвернулся.

— Ну-ну, — кисло пробурчал он, направляясь к двери за Накитой, но резко остановился, когда она преградила ему дорогу мечом.

— Слушай Мэдисон, или я прирежу тебя прямо сейчас, — пригрозила она.

— Наки-и-ита... — протянула я жалобно.

Но Шу отшатнулся назад.

— Вы что, все тут чокнулись что ли?

— Нет, — весело прощелбетала Грейс. — Она здесь, чтобы тебе помочь. Вот как!

— Еще один шаг, — прорычала Накита, и ее красивое лицо исказилось в какую-то дикарскую маску. — Еще один, и этот фарс под названием "изменение судьбы" закончится. Поговори с Мэдисон. Она хочет сохранить твою ничего не стоящую жизнь. Я же просто пытаюсь спасти твою душу, — закончила она с горечью.

Явно расстроенный Шу взглянул вначале на Барнабаса у второй двери, затем на меня, преграждающую ему путь к окну.

— Шу, — начала я, захватывая его внимание. — Я знаю о вирусе.

— Да? — Горько отозвался он. — У Эйса слишком длинный язык.

— Он собирается выйти и вывести из строя больницу, — продолжила я, пытаюсь держать его сосредоточенным. — Умрут люди.

Шу покачал головой, наблюдая, как Накита сдвинулась с места.

— Это Эйс так сказал? Вирус — просто шутка. Путь, чтобы стать немного знаменитым в школе, как парень, устроивший всем внеплановый выходной. Вот и все. Он не может выйти, и не может продублироваться. Ты еще глупее, чем выглядят твои ботинки, если веришь всему, о чем болтает Эйс.

— Эй, у меня клевые ботинки! — горячо возразила я, положив руку на бедро, а Грейс захихикала. — И вирус на самом деле убьет людей. Я видела!

Шу скрестил руки на груди и перенес вес на одну ногу.

— Ты видела? Ты кто? Член банды тинейджер-инфорсеров?<sup>[6]</sup> Или меня снимают на видео? Какой-то розыгрыш или долбанное реалити-шоу?

Мне даже обидно стало, я вздохнула.

**Больше книг на сайте — [Knigolub.net](http://Knigolub.net)**

— Он не слушает, Мэдисон, — сказала темный жнец, явно стремясь побыстрее разобраться с Шу посредством меча, пока не прибыли неожиданные "гости". — Вот почему никто и не стремится говорить с меченными. Они не слушают. И никогда не верят.

Расстроившись, я рывкнула на нее:

— Они не слушают, потому что вы ни показали им ничего, во что стоит верить!

Барнабас медленно приближался к Наките, и я почувствовала, как ситуация явно выходит из-под контроля, когда он сжал амулет, активируя клинок.

— Мне очень жаль, Мэдисон, — сказал он, с мрачным выражением на лице. — Я очень

хотел, чтобы у тебя получилось, но он ничего не слушает. Я не позволю ей убить Шу.

Челюсть Шу отвисла, глаза стали размером с блюдца, но Барнабас указал клинком на Накиту, а не на него.

— Он не заслуживает смерти, — проговорил светлый жнец темному. — Я уже побеждал тебя раньше и выиграю эту битву снова.

— Вы, долбаные фрики, собираетесь меня убить? — спросил Шу, и его голос стал на пару октав выше. — Какого хрена тут происходит с вами со всеми?

Крылья Грейс слегка потускнели. Я тоже не чувствовала себя счастливой.

Да, все явно не соответствовало моему плану. Серафимы больше никогда не дадут мне шанс, если я запорю свою единственную попытку.

— Барнабас, убери свою косу! — закричала я. — Накита, ты тоже! Вы, ребята, сводите меня с ума! Никто из вас не уничтожит мой единственный шанс!

Они оба опустили мечи, и я перевела дыхание. Шу тихо выругался, и я шагнула вперед. Ну, все. Теперь он меня выслушает, черт побери. Не было у меня времени на сюсюканья!

Серафимы уже явно все знают и с минуты на минуты пошлют Грейс сообщение. Я старалась взять себя в руки, но не очень срабатывало.

— Слушай, ты! — прорычала я прямо в лицо Шу, он даже не сдвинулся с места, пораженный. — Мне не нравится Эйс. И особенно не нравишься ты. Скажем так — у меня есть доступ к завтрашним заголовкам газет, окей? Пришельцы мне тут на ухо прошептали, окей? Если Барнабас добьется своего, то на обложке будет статья "Трое умерших в больнице от компьютерного вируса". А если победит Накита, то твое имя будет в некрологе, зато твоя душа будет спасена за счет твоей жизни. А я вот тут пытаюсь сделать все возможное и невозможное, чтобы этот гребанный заголовок звучал "Обычный день в обычной Америке — все счастливы". Но даже если у меня ничего не выйдет, я не думаю, что сумею помешать Наките поместить твою голову на блюдо!

Сияние Грейс, казалось, потускнело еще больше. Барнабас огорченно вздохнул, но я не могла выдержать его мимолетный взгляд. Я чувствовала себя больной. Все шло не так. А я думала, что это будет так просто. Найти меченного, поговорить с меченым, все мы едем домой, и умираем когда-нибудь в другой день.

Даже в сумрачном свете было заметно, как побледнел Шу, не сводя глаз с мечей жнецов.

— Кто ты?

Теперь в его голосе не слышалось ни капельки насмешки, и я приободрилась.

— Единственный человек, помимо тебя, кто может исправить это. Не загружай вирус. Пожалуйста.

Он сглотнул, его глаза то и дело перебегали с меня на Накиту и обратно. Ясно, что он увидел в ней что-то, чему не мог найти объяснение — блеск глаз, жесты, столь изящные, не присущие обычным людям. Смысл божественного, возможно? Наконец, он меня услышал.

— Мэдисон. Они зовут тебя Мэдисон, — сказал он, снова обращая внимания на меня. Вздохнув, я протянула ему руку, от чего Грейс залилась счастливым смехом.

— Я — Мэдисон. Очень приятно, Шу.

Его рука была почти ледяной, и он почти сразу же отпустил мою ладонь.

— Послушай, — начала я, отметив, что Накита с недоверием уставилась на меня, потому что я смогла привлечь внимание меченного. — Что-то с этим вирусом случится. Он каким-то образом войдет в систему больницы. Три человека погибнут прежде, чем там

поймут, что же происходит. Не надо этого делать.

Снаружи промелькнула большая тень. Внутри у меня все сжалось. Накита тоже заметила и скользнула к окну, чтобы посмотреть. Черные крылья? Шу смотрел на дверь.

— Это не такой вирус, — повторил он. — Он не может выйти, и не может продублироваться. Вот почему я должен был проникнуть в школу, чтобы его загрузить. Я не фрикер. Я просто хочу стать знаменитым в школе, организовав один выходной день, а не убивать людей. Каким монстром ты меня считаешь?

— Таким, кого Накита пытается убить, — сказал Барнабас, но что-то в словах Шу не давало мне покоя.

— Ты сказал, что тебе нужно было взломать школьный компьютер, чтобы загрузить его? — прошептала я в ужасе. Я уставилась на него. — Ты уже загрузил его.

Пока я говорила, Накита все смотрела в окно, а Грейс вздохнула достаточно громко, чтобы я слышала.

— Ты выходил из школы, когда Накита нашла тебя.

— Ну да, — ответил он, пожимая плечами. — Дело сделано. Все загружено. В шесть часов утра система отключится. Противопожарная, охрана, все. Но это все, больше ничего не случится. Он не может выйти!

Накита сделала шаг к нам, с диким выражением на лице. Мои глаза расширились. Шу ринулся к двери, но я схватила его за руку, пряча за меня. Если он сбежит, все будет кончено.

— Берегись! — завизжала Грейс, и я пригнулась. Клинок Барнабаса встретил меч Накиты в дюйме передо мной.

Дерьмо, надо поработать над своим амулетом, чтобы выяснить, как сделать клинок. Надоело мне полагаться на Барнабаса.

— Хватит! — закричала я, выпрямляя ноги и радуясь, что Барнабас так быстро двигался.

— Вы чокнутые! — вопил Шу позади меня. — Чокнутые! Все вы!

С потолка послышался веселый голосок Грейс:

Накита наша темная отныне светлый жнец,  
Решила парня бедного мечом она срубить,  
Но Барни— ангел света — возник пред ней стеной  
Мечом своим мешая скосить ей жизнь долой.

Лицо Накиты приобрело мертвенно бледный оттенок.

— Остановитесь! Все! — орала я. — Это моя жатва, не ваша!

Два жнеца уставились друг на друга, в воздухе запахло озоном. Я почти видела их крылья. Будто в замедленной съемке они опустили мечи и отошли друг от друга. Я повернулась к Шу, меня била дрожь. Это видение будущего сильно меня подкосило, вот такой каламбур.

— Прости, — сказала я. Интересно, он все еще готов слушать после всего случившегося? — Накита очень вспыльчива.

— Она долбанная бешенная фрикерша, — закричал он, и вздрогнул, когда невидимая его глазам Грейс приземлилась к нему на плечо.

— Он же сказал, что слишком поздно, — вставила Накита в свое оправдание.

Никогда не должно быть поздно сделать новый выбор.

— Еще не слишком поздно, — ответила я, посылая Барнабасу благодарный взгляд. — Мы можем "вылечить" вирус. Шу, у тебя же есть патч<sup>[7]</sup>, да?

— Да, — признался он, кидая мрачные взгляды на Накиту. — Но я же сказал вам, вирус не может распространиться из этой системы. Не может, — протянув руку к заднему карману джинсов, он вытащил диск. — Он ничему не навредит! Только закроет школу на несколько часов!

Я вздохом выразила свое несогласие, но когда посмотрела на разукрашенный Эйсом диск, холодок пробежал по моей спине. Диск в руках Шу не был тем, который "я" держала в руках в момент видения будущего. Дерьмо на тосте, неужели я такая тупица?

Недогадывающийся о моем внутреннем самобичевании, пока я таранилась на диск, Барнабас подошел поближе.

— Мэдисон, мне очень жаль, — сказал он, но я не слушала. — Если бы мы были быстрее, все возможно получилось бы.

Мой пульс пустился в галоп. Как мне все исправить?

— Это не тот диск, который я видела в будущем, — почти пропищала я, под гнетом нарастающей паники.

Накита тоже подошла ближе, сжимая свой меч. Грейс издала звонкий возглас, и ее сияние снова стало ярким.

— У нее было видение будущего? — спросила Накита Барнабаса, потом посмотрела на меня. — Ты смотрела в будущее? Тогда он меченый!

Я отрицательно покачала головой, ругая себя на чем свет стоит, что подумала только об одном варианте, раз очутилась в комнате Шу.

— Нет, — прошептала я, приложив ладонь к животу. Взяв диск из рук Шу, я помахала им перед носом у Барнабаса. — Это не тот диск, который я видела в будущем. Тут тоже рисунок Эйса, но это не тот. Шу не меченый.

Лицо Накиты приобрело пепельный оттенок.

— Я чуть не скосила его. Почти...

— Это моя вина, — сказала я. Все было сплошь синим, когда я увидела, как вирус загружается на диск. Это был Эйс. Я находилась в Эйсе, когда он сделал дубликат вируса в компьютере Шу. И возможно этот момент еще не настал. Ну почему я не попыталась заставить его посмотреть в зеркало?

Будто издалека до меня донесся голос Барнабаса.

— Мы следуем за неправильным человеком.

— Это Эйс, — проговорила я, будто еще не все стало ясным. И Шу дернулся, когда я схватила его за руку, глядя на пальцы. — На твоих руках нет чернил.

— В чем твоя проблема? — спросил он, вырывая свою руку назад.

— Моя проблема в том, что я тупица! — воскликнула я, шагнув вперед, чувствуя слабость. — Полнейшая идиотка. Шу, я видела Эйса в твоей комнате за твоим компьютером. Я думала, это был ты. Он загружал вирус на диск. Мы должны найти Эйса, опередив Рона.

— Вы шпионили за мной? — закричал Шу, и я поморщилась. Он так волновался по поводу небольшого шпионажа?

— Эйс хочет поквитаться с тобой. Я думала, что чувствовала твою ненависть по отношению к нему. Я никогда бы и не подумала, что это он так ненавидит тебя.

Я должна найти Эйса. Он где-то с этим вирусом.

— Он злится на меня уже долгое время, — сказал Шу тихо. — Он знал о моих планах со

школой. И теперь я уверен, он запустит вирус в больницу, будто это я сделал. Я должен убить его.

Накита крутанулась вокруг себя с обнаженным мечом.

— Не надо. Я сделаю это.

Шу побледнел.

— Я пошутил.

— А я нет.

Грейс грустно сказала:

Закончилась жизнь, но душа спасена,  
Решения приняты, это — выбор? Судьба?  
Ты можешь простить или только страдать?  
Любви же всегда нам не будет хватать.

Я с удивлением уставилась на сверкающего ангела. Ее слова были... глубокими. Барнабас прикоснулся к моей руке, и я вздрогнула.

— Мать Эйса работает в больнице, — напомнил он мне, и я повернулась к темным окнам. Накита перегнулась через окно, чтобы взглянуть на небо.

— У него есть способ, чтобы попасть внутрь.

У Шу заиграли желваки на челюсти.

— И он знает, как загрузить вирус. Я сам показал ему как. Я такой идиот. И обвинят во всем меня, а не его.

Чувствуя, как внутренности завязываются в узел, я посмотрела на Барнабаса.

— Мы должны попасть в больницу.

Накита приглушенно выругалась, затем крикнула:

— Ложитесь!

Я уставилась в окно, заметив черную фигуру, приближающуюся к нам. Барнабас налетел на меня и повалил за один из лабораторных столов. Я наткнулась на Шу, и мы кучей повалились на пол, я очутилась сверху на Шу.

— Эй! — завизжала я, затем ладонями заткнула уши, когда что-то влетело в окно. Во все стороны с грохотом посыпались осколки, и раздалось звучание колокола. Здорово. Лучше не придумаешь.

— Это Рон! — защебетала Грейс, приближаясь к нам серебряным мерцающим шариком.

Я вытащила осколок стекла из волос и, поднявшись, села позади высокого лабораторного стола.

— Ни фиги себе!

И тут в кабинете послышалось фырканье Рона, и я почти видела, как он стоит на растопыренных ногах и в его глазах бушует синее пламя, как всегда, когда он был разъярен. По крайней мере, он не пытается остановить время.

— Мэдисон! — громко позвал он, и я встретила глазами с Шу, без слов говоря ему оставаться внизу. — Все кончено! Я приставляю к нему ангела-хранителя.

Я выглянула из-за скамьи, увидев Рона в передней части кабинета перед доской. Над ним мерцал серебристый туман, видать, еще не назначенный ангел-хранитель. Рон был одет в свою обычную не совсем белую тунику и штаны, и выглядел чертовски самодовольным. Да,

думаю, все, что я могу сделать, это держать свой рот на замке и позволить ему думать, что Шу и есть меченный. Возможно, я и смогу все повернуть, в конце концов.

— Беги, — прошептал Барнабас, сгорбившись возле меня. — Грейс и я его задержим.

Если он хочет прикрепить ангела-хранителя к Шу, значит, у Эйса еще никого нет.

— Мэдисон? — еще раз позвал Рон. — Покажи себя.

— Но ведь вы не можете противостоять Рону, — я почти шипела. — Он просто остановит время или еще что-нибудь.

Грейс опустила на плечо Барнабаса, хихикая:

— Я все еще ангел-хранитель, малышка, — прошептала она. — Я могу препятствовать Рону все его попытки остановить время.

— У нас все будет в порядке, — добавил Барнабас, показывая мне глазами на выход. — Иди.

— А как на счет другого ангела-хранителя? — спросила я.

— У нее нет свободной воли, — ответила Грейс. — Ты видишь, никакого имени.

Я облизнула губы, задаваясь вопросом, могу ли я кого-нибудь спасти. Возможно, жизнь Шу.

— Мэдисон! Выходи и признай, что ты проиграла! — кричал Рон. — В этом нет ничего плохого. Ты не можешь надеяться на победу, противостоя тысячелетнему опыту.

У этого парня самомнения еще больше, чем у моего старого учителя химии.

— Идите, — Барнабас еще раз прошептал, Шу уставился на нас явно напуганный. — Накита, ты идешь с ними. В случае, если не успеете...

Он замер на полуслове, и я встретила его потрясенный взгляд. Он соглашался с Накитой убить Эйса, если тот не выберет другой путь?

Накита тоже поразила.

— Ты считаешь, я права по поводу окончания его жизни? — спросила она, а Шу пытался подняться на ноги, будто перспектива быть пойманным в разрушенной лаборатории была ужаснее, чем наши разговоры об убийстве его экс-друга.

— Я не знаю, во что я верю больше, — ответил Барнабас, и в его карих глазах мерцали огни. — Я держал Мэдисон, когда она жила в тених будущего, слышал ее крик боли от красоты звезд. Может быть, было бы лучше, если его жизнь закончится прежде, чем он совершит осознанный вред и отнимет у души шанс увидеть подобную красоту. Я не знаю... Теперь я... в сомнениях.

Он посмотрел мне в глаза. Его взгляд проникал в самое сердце.

— Пожалуйста, заставь его внять голосу разума. Не заставляй меня сделать выбор.

Я с трудом сглотнула, мне стало страшно. Все было настолько неправильным, что ангел сомневался относительно своих взглядов?

— Мэдисон! — кричал Рон. Накита дотронулась до руки Барнабаса.

— Я понимаю, — мягко прошептала она.

Сверху раздался голосок Грейс:

— Мм, народ? Он приближается.

Барнабас окинула нас всех взглядом.

— На счет три, — сказал он, затем вздохнул. — Раз. Два...

— Три! — закричала Накита, подсакивая прямо на стол и с боевым кличем обнажая меч. На ее груди ярко, до боли в глазах, сверкал фиолетовым цветом амулет жнеца.

— Накита! — воскликнул Рон, и Грейс закружилась вокруг темного жнеца, купая ее в

кристаллической красоте. Мой амулет стал нагреваться, и я знала, что бывший ангел-хранитель блокирует все попытки Рона, пока Накита кричала на него, размахивая мечом. Барнабас вздохнул и пододвинулся ко мне.

— Три, — сказал он. — Забери Шу отсюда. Поговори с Эйсом. Пожалуйста, раскрой ему глаза. Мы догоним тебя.

Это все, что мне было нужно. Схватив Шу за руку, я побежала, пытаюсь оставаться ниже уровня столов. Осколки сверкали на полу, а в разбитое окно задувал ночной ветерок. На улице слышались машины, и сигнальные огни заиграл на потолке.

Полицейские автомобили и сигналы тревоги. Охо-хо, знакомая песня. Мы должна убираться отсюда как можно быстрее. Разбитие окна Роном было быстро замечено.

— А что по поводу нее? — спросил Шу, когда мы неслись из кабинета в коридор. Тут было прохладнее и гораздо темнее.

Я оглянулась назад и вздохнула.

— Накита теперь не хочет тебя убивать. Она пойдет к Эйсу. С тобой все будет хорошо.

Переходя на бег трусцой, мы помчались по коридору.

— Я понял ту часть. Она с нами?

Меня никогда не перестанет удивлять, как легко люди переходят от страха к пониманию. Подстраиваясь по его шагу, я ответила.

— Она нас догонит. Как ты сюда попал? Твой велосипед выдержит двоих?

Шу потянул меня в другой кабинет. Это тоже была какая-то лаборатория, и он повел меня по встроенной оранжерее.

— У меня есть машина. Но с полицейскими...

— Машина? — прервала я его. — А как ты, незаметно выскользнув в окно своей комнаты, выгнал свое авто?

Со всеми своими стенаниями и охами по поводу оставленной во Флориде машины, я обнаружила, что велосипед предоставляет больше свободы. Убежать из дома гораздо легче, когда тебя не выдает шум двигателя.

— Я паркуюсь на улице, — сказал он, сверкнув улыбкой. — Предкам не нравится, когда приходится отгонять мою машину во дворе.

Я кивнула, когда Шу указал на открытое окно в школьной оранжерее.

Другой грохот потряс здание, сопровождаемый звуком безумной радио-болтовни. Заорала противопожарная сигнализация. Спустя пару секунд включились спринклеры<sup>[8]</sup>.

— Черт! — выругался Шу, наблюдая, как кабинет заливает водой. Радуясь, что в оранжерее разбрызгивателей почти нет, я выскользнула из узкого окна. Я слышала, как полисмены в коридоре жалуются на воду. Держу пари, что позже, при содействии Рона и Барнабаса, никто ничего и не вспомнит.

Когда я выбралась наружу, мои ноги сразу же намokли от влажной от росы травы. Ночь была прохладная, я переминалась с ноги на ногу и просматривала пустую автостоянку, в то время как Шу вылез из окна. На горизонте виднелось зарево, откуда взойдет луна. Шу тихо приземлился на траву и мы, бросив быстрый взгляд на далекие полицейские огни, помчались через пустынную парковку.

— Так, где твоя машина? — спросила я, надеясь, что Барнабас и Накита хорошо "развлекаются", но не настолько, чтобы попасть в выпуск международных новостей.

— Я не хотел, чтобы ее заметили в школе, поэтому припарковался на улице, — ответил он, задыхаясь от бега. Но когда мы повернули за угол, это у меня дыхание перехватило от



ужаса.

У Шу был серый кабриолет. С опущенной крышей.

— Ни в коем долбанном случае! — прошептала я, и сердце заколотилось с бешеной скоростью в память о прошлом страхе. Кабриолет был один в один как тот, в котором я погибла. Вплоть до кожаных сидений и ключа в замке зажигания.

Шу перепрыгнул через закрытую дверь и повернул ключ.

— Садись! — воскликнул он, удивленный моими шажочками назад. Позади меня раздались сигналы пожарных машин.

Я могу это сделать, подумала я, осторожно отворив дверь, и усаживаясь. Это не тот же самый автомобиль. И не тот же самый водитель. Но бешеный галоп моего сердца казался достаточно реальным, чтобы поколебать даже иллюзию моего тела.

— Пристегнись ремнем безопасности, — сказала я, устраиваясь в удобном кожаном сидении, будто я сделана из стекла и могла треснуть в любой момент.

— Мы же проедем только пару миль, — отмахнулся он, оглядываясь через плечо, проверяя как далеко полицейские машины.

— Надень свой ремень безопасности! — заорала я, и он широко раскрыл черные в полумраке глаза, уставившись на меня.

— Хорошо, хорошо! — пробормотал он, и я не спускала с него глаз, пока он не пристегнулся. — Сумасбродная девушка.

— Я погибла в такой же машине, как эта, — сообщила я, пытаюсь объяснить, затем нервно захихикала. — Просто шутка.

Наверно, он перестал бы мне верить, если бы узнал, что я мертва.

Он покрепче ухватился за руль, ничего не говоря, и мы помчались подальше от школы. Только когда мы отъехали около четверти мили он включил фары, и я облегченно выдохнула.

— Мы должны поехать к тебе домой и забрать патч, — сказала я, удерживая руками волосы, чтобы не лезли в лицо. — Эйс может быть еще там. Я не знаю, как далеко в будущее я заглянула.

Оооох, подумала я, кусая себя за язык, когда поняла что только что ляпнула.

Это уже трудно будет перевести в шутку.

Шу уставился на меня, оторвав взгляд от дороги.

— Будущее? — тихо переспросил он, и я вздрогнула — похоже, влипла.

— Э-э, ты можешь проигнорировать последнюю часть? — спросила я, он выглядел испуганным.

Взволнованная и вся на нервах я закрыла рот на замок, чтобы еще чего-нибудь ему не выдать, прежде чем он захочет выкинуть меня из машины. У меня все еще был шанс. Еще не было слишком поздно. Я должна сделать эту работу. И на карте стояло не только будущее Эйса, но и мое собственное.

Хмуря брови на пикап Эйса, припаркованный на обочине, Шу припарковался за два дома от своего, на противоположной стороне дороги. Выбравшись из машины, не открывая при этом дверей, он побежал по дорожке, притормаживая, когда мы приблизились. Несмотря на свою худощавость, Шу был в не такой уж и хорошей форме. Почти полная луна наконец-то вошла и помогала освещать темные дворики. Пикап Эйса все еще потрескивал, когда мы проходили мимо — большой мотор все еще остывал. Может мы успели вовремя. Возможно, ничего из того, что я видела в своем видении будущего, еще не произошло.

— У тебя даже дыхание не участилось, — сказал Шу, задыхаясь.

— Ну, я много бегаю.

Притормозив, я начала нервничать, меня пробрала дрожь, и я задумалась о том, как это странно, что я вообще мерзну.

— Сколько понадобится времени, чтобы забрать патч? — спросила я.

Шу окинул меня взглядом.

— Дольше будет познакомить тебя с моей мамой.

Носки моих кед стали влажными от росы, я посмотрела на окна комнаты Шу. Свет в них изменялся, как если бы внутри кто-то двигался. Может быть, Эйс?

— Твоя мама думает, что ты все еще у себя в комнате, — напомнила ему я, размышляя над тем, что он наверняка не часто ходит в самоволку.

Шу немедленно сменил направление.

— Значит, пойдем через окно.

Я не могла не улыбнуться на его легкую хмурость. Он был не слишком опытен во всем этом проскальзывании к себе в комнату и наоборот, даже несмотря на то, что с машиной вопрос он решил. Его нахмуренность превратилась в гнев, когда мы подошли ближе и увидели Эйса, который рылся в верхнем ящике стола Шу.

— Что он делает? — зло прошептал Шу, но я радовалась — мы успели вовремя.

— Я не знаю. Возможно, он еще не загрузил вирус в больницу, — ответила я.

Бровь Шу поднялась вверх, и, неуклюже вцепившись в подоконник, он качнулся, подтянулся и влез в окно.

— Убирайся от моего стола, — сказал он, расправляя свою черную толстовку.

Эйс быстро развернулся, явно шокированный. Когда я вошла, его удивленный взгляд скользнул мимо Шу ко мне, он сузил глаза.

— Привет, Шу, — фыркнул он, захлопывая ящик и отходя от стола. — Ты должен мне пятерик. Просто искал его.

— Конечно, — передразнил Шу, отталкивая его от стола. С опущенной головой, Шу выдвинул ящик, пока Эйс восстанавливал равновесие. Шу просмотрел беспорядочно разбросанное содержимое ящика стола. Он посмотрел на меня с расширенными от удивления глазами и бросил на стол ламинированную карточку, такое впечатление, что он не мог поверить тому, что видит.

— Это принадлежит твоей маме, — сказал он, у меня рот приоткрылся, когда я увидела больничный пропуск. Я не видела этого в своем видении.

— Эйс, что ты делаешь?

Вместо ожидаемой злости ответной реакцией Эйса было удовлетворенное выражение

лица.

— Ага, это моей мамы, и сейчас на нем твои отпечатки пальцев. Тупица.

Делая шаг вперед, Шу сжал руки в кулаки.

— Ты хочешь заразить вирусом компьютерную систему больницы? Ты в своем уме?

Могут пострадать люди. Отдай мне диск.

Ухмыляясь, Эйс сел на кровати, легкомысленный и разозленный, в своей черной футболке, которая была слишком тонка, чтобы скрыть его худощавость.

— Слишком поздно. Он уже там.

Слишком поздно? Эйс уже побывал в больнице?

— Ты чертов идиот! — взорвался Шу, и мне захотелось, чтобы он орал чуть тише.

— Все, что мы хотели — это выходной. Немного дурной славы. А это больница, Эйс! Ты кого-то убьешь! Ты в своем уме?

Эйс встал, и, видя его мерзкое выражение лица, я сделала шаг назад.

— В своем ли я уме? Могу спросить тебя о том же. В этом ты виноват. Ты оставляешь меня, и ты примешь удар как мужчина. Это твой компьютер. Я ничего об этом не знаю.

Пораженный Шу замотал головой.

— Это все потому, что я иду в колледж? Что ты хочешь, чтобы я сделал? Женился на тебе? Люди вырастают! Разъезжаются! Я иду в колледж, а не лечу на луну! Если бы ты хотел, то тоже смог бы пойти!

Я услышала слабое постукивание каблучков за дверью и испугалась. Но мама Шу удалялась, позволяя им самим разобраться в своих проблемах. Она явно знала об их катящейся вниз по наклонной дружбе.

С противным выражением лица Эйс заявил:

— Ты никуда кроме тюрьмы не пойдешь, богатенький Рич.<sup>[9]</sup>

Я отступила к окну. Еще никогда я не видела столько ненависти и желчи в чьем-либо выражении лица, и я не могла не подумать о том, что идея о Наките, забирающей жизнь этого парня, прежде чем он замарает свою душу настолько, что уже даже не будет просить о прощении — была не так уж и плоха. Я думала как темный жнец, и мне это не нравилось.

Шу аж побелел от злости.

— Ты был со мной, когда я писал его. Я скажу им.

— Скажешь им — что? — перебил Эйс. — Ты устроил беспорядок в школе. Диск, который я оставил в больнице — на нем тот же вирус. На нем твое имя, чувак.

Стоя перед Эйсом, Шу начал дрожать.

— Ты, задница, — сказал он, и я открыла рот от удивления, когда он ударил Эйса. Прямо в лицо.

— Шу! — выкрикнула я, но Эйс уже лежал, ударившись о кровать и соскользнув на пол. Стоя над ним, Шу тряс рукой и проклинал все почем зря.

— Ты ударил меня! — воскликнул Эйс, приподнимаясь на локте и ощупывая свой рот. — У меня, черт побери, кровь идет!

— Ага, и я влеплю тебе снова, если ты не пойдешь со мной в полицию и расскажешь им, что ты сделал. Я хотел парализовать школьную компьютерную систему, а не стать причиной того, что пострадают люди!

Я уже знала, что походу в полицию не суждено случиться, и потянула Шу назад, когда Эйс подвелся на ноги, плюя кровью на ковер Шу.

— Ты будешь гнить в тюрьме. Как ты думаешь, кому поверит полиция? Все на твоём

компьютере.

Качая головой, я сказала с раздражением:

— Не думаю, что смогу отговорить Накиту от твоего убийства, и знаешь что, Эйс? Мне даже ни капельки тебя не жаль. — Хотя, конечно, мне его было жаль, я хотела, чтобы он сделал лучший выбор. Я знала, что он не сделает. Возможно, Накита права. Серафимы метили только людей, которые отказывались видеть свет, даже если ты приклеишь их веки к бровям липкой лентой и поставишь лицом к солнцу.

Звук, похожий на падение разбитого стекла, коснулся моего сознания, и, размером с мяч для софтбола, шар размытого света метнулся в комнату через открытое окно.

— Грейс! — крикнула я, и Шу посмотрел на меня как на сумасшедшую. Или с Накитой и Барнабасом все отлично, или случилось что-то действительно плохое.

Шар обогнул Эйса, как если бы приносиваясь и приземлился на монитор Шу.

— Грейс? — неуверенно спросила я.

— Ангел-хранитель 2Т45 приступает к выполнению обязанностей, ты — тупой, чернокрылый жнец, — сказал комок света фальшиво. — Ты проиграла.

У меня челюсть отвисла, и я повернулась к окну, когда поняла, что случилось.

— Нет! — закричала я, и еще больше разозлилась, когда увидела очень довольного собой Пола, стоящего в кустах, его голова была на уровне окна.

— Ты идиот! — закричала я, Шу и Эйс оба повернулись к окну и увидели его. Черт побери, сама виновата. Он, должно быть, был в школе, потом проследил за нами и подождал, пока я выдам, кто меченый, прежде чем назначить Эйсу ангела-хранителя.

— Дело сделано, — гаркнул Пол. — Ты проиграла, Мэдисон. Этого я спас.

— Спас его для чего? — спросила я. Злее, чем когда-либо, я кинулась к окну, хватая его за тунику и втаскивая внутрь.

— Ой! Эй! — выкрикнул Пол, падая на пол бесформенной кучей. Из-под потолка надрывался ангел-хранитель, но, вероятно, никто кроме меня его не слышал. Шу и Эйс отступили назад, и я стояла над Полом, желая хорошенько ему врезать.

— Ты, тупой идиот! — выкрикнула я, вне себя. — Я сказала, что позабочусь об этом! А ты пришел и все испоганил! Почему бы тебе не узнать сначала полную историю, прежде чем начинать выбирать за людей! Пребольшое тебе спасибо, Пол!

Я услышала, как из гостиной мама Шу крикнула:

— Дорогой, у вас там все в порядке?

Ох, черт!

Мы замерли. Пол поднялся с широко открытыми глазами. У Эйса из носа шла кровь, и он стоял с запрокинутой назад головой.

— Все в порядке, мам, — крикнул он в ответ, как раз с правильной долей раздражения в голосе, разминая руку, которая опухла от контакта с лицом Эйса.

— Отлично, отлично, мы все здесь в полном порядке, — прозвенел ангелочек.

— Парни, ничего не хотите, может, перекусить? — спросила его мама, очевидно обеспокоенная.

Моя оценка мамы Шу повысилась. Она не вломилась в комнату, даже когда стало очевидно, что что-то не так. Она отлично себя проявила, дав нам разобраться самим.

— Не, мам! Все отлично!

Отлично, отлично. Мы все просто в шоколаде.

Все молчали, пока отдалялся стук ее каблучков. Наконец, ангел-хранитель вздохнул, и

Шу облокотился о дверь, очевидно раздраженный.

— Хорошо, — сказал он, смотря на Пола. — Это моя комната, и я хочу знать, кто ты такой и что происходит.

Я не могла рассказать ему обо всем, но я стала перед окном и скрестила руки на груди.

— Этот идиот дал Эйсу ангела-хранителя! — сказала я, взбешенная.

— Спас твой тощий зад, — сказал ангел-хранитель, я на него угрюмо зыркнула. Они с Грейс звучали по-разному, и я сомневаюсь, что смогла бы дать ему имя и разорвать его связь с Роном. Не во второй раз.

Эйс выпрямил шею и шмыгнул своим кровавым носом.

— Я получил ангела-хранителя?

— Он? — закричал Шу. — Он только что подставил меня и обвинил в завтрашней поломке компьютерной системы больницы!

— Ага, знаю, иронично, не так ли? — сказала я, опуская руки и поворачиваясь к Эйсу.

— Ты ее не видишь, но ты только что получил благословение небес, идиот. Ничто теперь тебя не тронет до твоей предначертанной смерти. — Поворачиваясь к Полу, я не смогла сдержаться и выкрикнула: — Огромное тебе спасибо!

Это явно был не мой день. Вот она я, должна была произвести впечатление на серафимов и показать, что темные и светлые жнецы могут работать вместе, чтобы спасти потерянную душу, и эффектно провалилась. Ну, хотя бы Барнабас сможет заставить всех забыть последние сутки. Если, конечно, он в порядке. Ангел-хранитель подлетел ко мне, и я не удивилась, когда ее крылья остановились со звуком скользящего стекла.

— Ты не темный жнец, — сказала она. — Ты темный хранитель времени! Ты Мэдисон? Я слышала о тебе! Ты дала Грейс имя!

Я кивнула, не желая ничего произносить вслух чтобы Шу и Эйс не узнали больше, чем они итак уже знали. Барнабас — жнец, а не волшебник.

— Тем лучше, — сказал звенящий шар света. — Она была не слишком хороша во всем этом.

Тихий звук негодования сорвался с моих губ, и я уставилась на нее.

Пол поднялся на ноги и стал рядом с Эйсом, как если бы не совсем зная, что делать.

— Ты желала ему смерти, — сказал он, но произнес это как-то неуверенно. — Рон был прав.

Я начала расхаживать между столом и открытым окном.

— Рон — близорукий идиот, — пробормотала я. Разворачиваясь, я указала на Эйса, который сейчас улыбался, промокая свой нос краем футболки. — Ты знаешь, что этот красавец сделает сейчас, когда ты дал ему карточку бесплатного освобождения от смерти? Он сделает это снова, обманчиво думая, что это ерунда. Он думает, что это единственный способ оставить о себе память в этом мире. Он мертв, Пол, — сказала я. — Ты, возможно, спас его жизнь, но его жизнь не стоит ломаного гроша. У меня был шанс изменить его, но теперь он никогда не изменится.

Сторонясь Эйса, Пол сказал:

— Ты не знаешь этого наверняка.

В ответ я изогнула бровь.

— Я знаю. Я видела это. Мои поздравления. Ты преуспел в своем предотвращении жатвы. Спас его и все такое.

В чем была разница между этим скашиванием и моим предыдущим, во время которого я

спасла Сьюзен на лодке, когда я впервые встретила Накиту? Я изменила ее будущее, всего лишь показав ей возможную смерть, и это даже была не ее смерть. Она была отмечена, потому что ей предстояло прожить жизнь, обманывая, для того чтобы разрушать жизни людей, и все ради сенсационности. Видя действительность того, как ценна жизнь и трагедию в том, что она может оборваться внезапно, показало ей то, что действительно важно, и она изменилась. Но Эйс... он знал, что его действия приведут к гибели людей, и его это не волновало. Если не считать того, что он мог получить с этого.

Эйс хохотал, вытаскивая бумажные платки из коробочки, стоящей у кровати. Довольно вздохнув, он упал на подушки.

— Я получил ангела-хранителя? Клево! — сказал он в потолок.

Его ангел-хранитель не казался слишком довольным, если серый светящийся шар на зеркале мог служить неким индикатором. Я снова расхаживала, ничего не могла поделать с собой. Я не позволю всему так закончиться.

Пол потихоньку продвигался к окну, в то время как Шу пытался вытереть свои отпечатки пальцев с больничного пропуска.

— Ты собиралась оборвать его жизнь, — медленно проговорил Пол, я окинула взглядом Эйса.

— Я пыталась сберечь ее. Но почему — не имею ни малейшего понятия.

Шу повернулся к нам спиной и застучал по клавиатуре. Отыскав чистый диск, он засунул его в дисковод и нажал кнопку.

— Я не возьму на себя вину за больницу, — сказал он решительно.

С кровати раздался смех Эйса.

— Ты не остановишь меня. Я только что получил ангела-хранителя.

С зеркала вздохнул шар света.

Я потихоньку успокаивалась. Шу, кажется, записывал патч. Очевидно, он думал о том же, что и я, потому как больничный пропуск сейчас покоился в заднем кармане его джинсов. Мы проберемся внутрь и загрузим патч. Оставалась только одна проблема — Эйс. Как только мы уйдем, он кому-то позвонит.

Я повернулась к Полу, у меня в голове появились зачатки плана.

— Вы, парни, никогда не задерживаетесь достаточно долго, чтобы выяснить, что делают люди, которых вы спасли после вашего благословения, не так ли? — сказала я кисло. Что сделано — то сделано. Судьба, думала я, размышляя о том, ошибалась ли я, думая, что выбор важнее, чем видение серафимов. Пол все еще смотрел на меня, и я взорвалась: — Просто уходи, окей? Ты сделал свое дело. У меня есть дела.

Выражение лица Пола стало обеспокоенным, он посмотрел на Эйса.

— Что ты собираешься делать? — спросил он. — У него ангел-хранитель.

— Но у людей в больнице нет, — ответила я. — И ты называешь меня убийцей? Открой глаза! — я повернулась к Шу, радуясь, что вижу решительность в его позе, когда он вытащил диск из компьютера и сердито зыркнул на Эйса.

— Это патч? — спросила я, и он кивнул. На кровати резко сел Эйс.

— Что ты делаешь?

Шу дал мне диск, отвечая:

— Она загрузит для меня патч, пока мы с тобой сядем здесь и немножко поиграем в ВОВ [note 10](#). Если ты хочешь позвонить в полицию — вперед, но я сломаю тебе пальцы, если ты попытаешься сделать это прежде, чем будет загружен патч. Я не пойду ко дну с

невинными жизнями на моей совести.

— Не посмеешь, — сказал Эйс, вытирая свой нос. Его лицо и пальцы были в крови, к ним прилипли кусочки бумажных платков.

Мрачно улыбаясь, я оттолкнула Пола и направилась к окну.

— Ты хороший человек, Шу. Я сделаю все что смогу. — Как я собираюсь проделать это? Я ничегошеньки не понимаю в компьютерах.

Эйс отбросил платки в сторону.

— Думаешь? Шу сможет меня тут удержать? — сказал он, пересаживаясь в кресло Шу, как если бы это был трон, и начал раскачиваться взад вперед.

— У меня теперь есть ангел-хранитель. Как только эта чудачка уйдет, я позову твою маму. Потом позвоню своей и скажу ей, что ты ударил меня и украл ее пропуск.

У меня сжалась челюсть, и Шу, стоя у двери, нахмурился. Я глянула на ангела-хранителя сидящего на краю зеркала, и она тихо вздохнула.

— Черт побери, — пробормотала я. Может, если бы я знала, как работает мой амулет, я бы могла остаться, а Шу смог бы отправиться в больницу, но я не знала.

Нервно переступая с ноги на ногу, Шу сказал:

— Я не знал, что ангелы могут ругаться.

Пол скорчил рожу, выглядя, как если бы съел что-то кислое.

— Она не ангел.

— Я просто мертва, — сказала я. Не зная, что делать, я посмотрела на Пола. Он встретил мой взгляд, в его выражении был намек, еле заметный штрих чувства вины. Барнабас и Накита были неизвестно где. А мне так нужна была помощь. Мне просто нужно узнать, как использовать свой амулет.

Использовать свой амулет...

— Умм, сделаешь мне одолжение? — внезапно спросила я Пола, и было сложно сказать, кто больше был удивлен — ангел-хранитель, светящийся сейчас ярким серебряным светом, или Пол, уставившийся на меня.

— Извини?

Я глянула на Эйса, потом обратно на него.

— Не сможешь ли ты... посторожить его недолго? — спросила я. — Чтобы мы с Шу смогли исправить, что сможем?

В глазах Пола появилось любопытство.

— Я тебя не понимаю, Мэдисон.

Во мне разгоралась надежда. Это не было отказом. Очевидно, ангел-хранитель думал, что это отличная идея, мотаться под потолком, как пикси под кайфом от двойного эспрессо.

— Мой папа тем более не понимает меня, — ответила я, улыбаясь. — Ты сделаешь это? Попытаешься наверстать то, что напортачил?

— Я не напортачил. Я спас ему жизнь! — ответил он горячо, потом посмотрел на Эйса таращащегося на нас убийственным взглядом.

— Ок, я сделаю это, — добавил он. — Но ты у меня в долгу.

— Ты думаешь, что сильнее меня? — сказал Эйс, вставая, я напряглась.

Пол потянулся к своему амулету, и когда он коснулся небес, я вздрогнула от ощущения того, как сквозь меня что-то прошло. Ангел-хранитель взвизгнула, когда Эйс упал. Черт, это было быстро.

— Ух ты, — прошептала я, невероятно впечатленная.

Шу пнул ногой Эйса по ребрам.

— Я рад, что я на твоей стороне, — сказал он и вытащил ключи от пикапа Эйса из-за пояса своего бывшего друга.

— У них есть камера на больничных воротах, — сказал он, объясняя по пути к окну.

— Не хочу, чтобы там видели мою машину.

Он выпрыгнул в окно, потом просунул голову обратно и сказал:

— Прикрой меня, если придет моя мама, хорошо?

Пол кивнул, выглядя одновременно испуганно и взволнованно.

— Ты уже умеешь изменять память? — спросила я его, зная, что Шу за окном, но я действительно хотела знать.

— Нет, — признал Пол, выглядя почти разочарованно, как если бы он пытался и не смог.

— Я тоже, — ответила я, чувствуя волну родства. Улыбаясь, я села на подоконник и перекинула ноги наружу. На улице было прохладнее, и я вздрогнула. Возможно, я и не смогла спасти душу Эйса, но я все еще могу спасти жизни невинных. — Спасибо, Пол. Ты не так плох.

Я спрыгнула на землю, и Шу зашагал по темной траве, опустив голову и перебирая ключи Эйса.

— Мэдисон!

Это был Пол, и я повернулась. Он стоял у окна, ангел-хранитель у него на плече.

— Ты видела будущее? — спросил он, выглядя неуверенно. — Чем это все закончится?

Я кивнула, морщась, когда Шу завел пикап Эйса, и загромыхала музыка.

— Я видела, что может произойти, — признала я, дрожа от воспоминаний. — Он ни капли не сожалел о том, что сделал. Хотя, я думаю, что наши действия изменяют будущее. — Пол ничего не ответил, и покачиваясь, я выдала: — Мне пора.

— Удачи! — прошептал он громко.

Улыбаясь, я повернулась и побежала к грузовичку Эйса.

— Смотри, чтобы этого не услышал Рон, — пробормотала я.

С гораздо меньшим грузом на сердце я забралась на пассажирское сидение грузовичка Эйса и пристегнулась. Тысячи вещей могли пойти не так, кто-то обязательно попадет в неприятности, даже если все пройдет, как и планировалось, но Пол поверил мне.

С удивлением я осознала, что для меня это много значит.



Шу припарковал пикап Эйса на стоянке, но из машины не вышел. Вместе мы смотрели сквозь пыльное лобовое стекло на освещенный аварийный выход. Вокруг было тихо, но я слышала, как внутри больницы ходят люди.

— Боишься? — спросила я, все еще чувствуя память бешеного сердцебиения от страха. Ненавижу это воспоминание, поэтому стараюсь оградить стеной этот момент в моих мыслях.

Его рука соскользнула с руля, он взглянул на меня:

— Я никогда никуда не вламывался, кроме школы. Черт побери, Мэдисон, я в жизни даже леденец из магазина не крал.

— Но ты сидел в своей комнате и создал вирус, который может погубить людей, вмешавшись в работу больничной системы? — почти прорычала я с гневом.

— Я не создавал программу для убийства людей, — горячо возразил он. — Я всего лишь сделал вирус, чтобы закрыть школу на несколько часов. Вот и все. Эйс — засранная жаба.

У меня не было желания с ним спорить. Я сосредоточилась на двойных стеклянных дверях, через которые свет из коридора попадал на улицу, слегка освещая парковку. Внезапно до меня дошло, что резонанс моего амулета ничем не скрыт — у Накиты и Барнабаса были другие заботы. Надо спешить, а то весь план может в любую минуту превратиться в подарочки щенка на ковре. Как только Рон разберется со жнецами, ему явно станет любопытно.

Шу потер подбородок, он нервничал. Мне знакомо это чувство. Я очень беспокоилась о Барнабасе, Наките и Грейс. Что, если они пострадали? Они были сильнее меня, но я отвечала за них. Как так получилось?

— Они не дадут нам просто войти и сесть за главный компьютер, — сказал Шу со вздохом.

Если мои жнецы ранены, будет ли Рон искать меня, чтобы позлорадствовать по этому поводу? Я не могла остановить время, и ко всему прочему, сижу в чужом пикапе.

— Как мы собираемся попасть внутрь? — спросил Шу на этот раз громче, потому что я не ответила.

Мне пришла в голову одна идея. Я поставила ногу на сидение и обняла колено руками.

— Сейчас мы не сможем пройти как посетители, — сказала я. — Насколько ты хороший актер?

Глаза Шу стали размером с блюдца, в которых отражались блики от фонарей.

— Ты хочешь прокрасться внутрь как санитар?

— Нет, но ты мог бы втащить меня в бессознательном состоянии... и просить о помощи...

Он нахмурил бровь:

— Ты думаешь, это сработает?

Вспоминая гонки в реанимацию с Джошем, холодным и умирающим, раненым косой Накиты, я кивнула:

— Да, сработает. Пока они будут отвлечены, ты легко сможешь прокрасться в здание, никто и не заметит. — Пока я не заставлю свое сердце биться снова. — Они попытаются меня стабилизировать, а потом оставят. Это может занять несколько часов. Если...

Шу смотрел на меня в ожидании.

— Если что?

— Ну, если я не притворюсь мертвой. Тогда они отправят меня в морг довольно быстро.

— И как это будет работать? — фыркнул он.

Я схватила его за руку и поднесла к своему запястью:

— Я говорила тебе, что мертва. Видишь? Пульса нет. Если я не заставляю его появляться.

Мое сердце сделало один удар, я почувствовала как пульс на запястье задел его пальцы, а затем настала тишина.

На лице Шу промелькнуло несколько выражений — от раздражения до удивления, затем страх. Отняв руку, он посмотрел на меня с мольбой.

— Это какой-то фокус, да?

И вот опять, сидя в пикапе, я пытаюсь убедить парня в том, что я мертва, подумала я. Какая-то заезженная пластинка, ей-богу. Из-за моей смерти все так перепуталось.

Вздохнув, я сказала:

— Окей. Ты можешь не верить. Просто согласись с этим на несколько часов. Патч у тебя с собой?

Он дотронулся до кармана и кивнул.

— Они захотят узнать, кто я, — проговорила я, вынимая свой бумажник из кармана и засовывая его в бардачок, среди кучи компакт-дисков. Мой сотовый отправился туда же, я колебалась. Это было моей единственной связью с папой. И расставаться с ним даже на некоторое время мне не хотелось.

— Я не хочу, чтобы моему папе сообщили, что я нахожусь в морге в другой части штата, — сказала я. — Ты можешь сказать им, что меня зовут Вэнди?

Думаю, Вэнди бы не возражала. Ей бы все показалось донельзя смешным.

— Скажи им, что мы встретились в центре, потом пошли в кино или еще куда-нибудь, а потом я просто упала.

Шу как-то побледнел. А в тусклом освещении от больницы так вообще казался позеленевшим.

— Я не знаю... — начал он.

— О, ради Бога! — воскликнула я, чувствуя, как время утекает. — Тебя могут обвинить в трех смертях, а ты беспокоишься о том, что соврешь врачам, как мы встретились? Притащи меня, и когда они скажут, что я умерла, расстройся и спроси, где у них туалет, потому что тебя сейчас стошнит. Со мной встретишься у лифта в подвальном этаже. Ключ доступа у тебя есть.

Он дотронулся до кармана, где была ID-карта матери Эйса и кивнул.

— Почему бы тебе не взять патч и не загрузить его? — спросил он и достал диск. От взгляда на черные крылья на обложке меня передернуло.

— Я? — уточнила я. — Я ничего не смыслю в компьютерах. Это должен сделать ты.

Он нехотя засунул диск обратно в карман.

— А потом? — задал он вопрос. — Ты умерла? Я тебе принесу? Вызовут копов? — он замолчал. — Ты сказала, что Барнабас может изменить воспоминания.

Я кивнула, Шу облизал губы, собираясь духом что-то спросить.

— Не изменяйте мою, ладно? — попросил он. — Я хочу помнить все.

— Угу, — быстро сказала я, чтобы не терять времени зря. Я не знала, сколько врачи

будут со мной возиться, прежде чем отправят вниз. — Когда все закончится, я всегда могу просто вернуться обратно в морг и встать с каталки, — сказала я. — Она подумают, что с документами какая-то ошибка, и я на самом деле не умерла. Типа, долбанное чудо.

— Я хочу, — голос Шу был громкий, и я взглянула на него, — все помнить. Не заставляй меня забыть. Если вся память уйдет, то... в чем смысл?

Мое сердце сделало один удар и затихло.

— Хорошо, — на этот раз я ответила.

Он посмотрел на меня долгим взглядом, затем завел двигатель пикапа.

— Надеюсь, сработает, — пробормотал он.

— Все будет окей, — поддержала я, но мне было страшновато. Я должна следить, чтобы мое сердце не забилося, а я всегда поддерживала его ритм. И еще я должна убедиться, что я не улыбаюсь, а то весь наш план рухнет. Если они запрут меня в холодильник, Шу меня найдет. Вариантов было немного. Если патч не загрузить, умрут люди. И это будет моей виной.

Нервноичая, я откинулась на сидение и сосредоточилась на своем замедляющем сердцебиении. Спустя пару секунд сердце остановилось. Еще секунда и пропал пульс.

Мой амулет, подумала я, обеспокоенная тем, что кто-то захочет его снять.

— Стой! — громко сказала я, и машина дернулась, остановившись. — Я должна скрыть свой амулет, — смущенно объяснила я.

Шу вопросительно приподнял бровь, и я сосредоточилась на скрытии, радуясь, что уже работала над этим. Взяв амулет в ладонь, я думала о том, как я чувствую его — гладкий, теплый, глубокий насыщенный оттенок фиолетового, практически черный. Я посмотрела на него мысленным взглядом, наблюдая, как он касается божественного, прокачивает сквозь себя энергию неба, чтобы дать силу своему владельцу. Он резонировал с музыкой моей души, вселенной. Он был как живой. И если я вот так его поверну... Свет обойдет его по краям...

Теплые волны накрыли меня. Я открыла глаза, и посмотрела на амулет. Я ощущала его где-то внутри, но он стал невидим. Ах, проклятье, люблю я сделать хоть что-то, что у меня получалось!

— Боже, он пропал, — прошептал Шу испуганно. — Дерьмо. Ты и вправду мертва. — Его лицо приобрело пепельный оттенок.

Я улыбнулась, стараясь успокоить его.

— Ну вот, теперь ты выглядишь так, как и надо, когда у тебя в машине мертвая девушка. Поехали.

Глубоко вздохнув, он свернул к главному входу больницы.

— Я собираюсь окунуться по уши в дерьмо, — бормотал он, дрожащими руками переключая скорость.

Я снова закрыла глаза, заставляя себя полностью расслабиться. Я и раньше делала свой амулет невидимым, но тогда это было не так важно, как в этот раз. Я должна набраться мужества и сделать это. Я должна заставить свое сердце не биться, заставить тело не двигаться, когда они попытаются привести меня в чувство, и должна держать амулет скрытым. Не знаю, смогу ли я это сделать.

Но я должна была.

Двойные двери закрылись почти беззвучно, когда санитар, кативший меня в морг, отправился за содовой. Я резко села, срывая с себя простыню, словно это была змея. В гнев я осмотрела свою рубашку, пытаюсь прикрыться рваными краями. Это была моя любимая рубашка, которую я купила к первому школьному дню, а они разорвали её, как будто это была какая-то дешёвка. Мои колготки тоже пострадали, но рубашка была хуже всего, особенно в тех местах, где они просовывали, пронзали, и пропускали через меня электричество.

Сын щенка, бормотала я, перекидывая ноги и свешивая их через край.

В моих руках тоже были новые отверстия, и я вытащила иглы, которые они оставили во мне, и бросила их на каталку. Не менее четырёх лабораторных техников пытались взять у меня кровь, потерпев неудачу, потому что брать-то было нечего. Никогда больше не буду притворяться мёртвой. Никогда!

Придерживая рваные края рубашки вместе, я соскользнула со стола. Мои босые ноги шлёпнули о холодную плитку, и смотря вниз, я поклялась снова. С ума сойти, на большом пальце ноги весела бирка. И когда только они успели её надеть?

— Где моя обувь? — бормотала я, заглядывая под каталку и ничего там не находя. К счастью, мой амулет был все еще на шее. Если бы они попытались его забрать, я бы влипла. Сейчас это было очевидно. Я перестала его прятать в тот самый момент, когда на меня натянули простыню. Когда они махнули на меня рукой, это было совсем неприятное чувство.

В мрачном настроении я прошла через слабо освещенную комнату, хватая лабораторный халат с вешалки позади стола. Я впихнула в него руки и застегнула пуговицы, чтобы прикрыть порванную рубашку и разорванные колготки. Мое сердце выдало импульс лишь однажды, когда я была на столе, но они выложились по полной программе, пытаюсь запустить его снова. Я никогда не чувствовала себя настолько осквернённой, но по крайней мере, они не срезали мой лифчик.

— Эй, они мои! — сказала я, обнаружив свои сережки на столе санитаря. Обезумев, я впихнула одну, затем другую в уши. Все еще босиком, я направилась к двойным дверям. Я должна была найти Шу. Злая на весь мир, я открыла двери и выглянула. Коридор был пуст. Одна из люминесцентных ламп отсутствовала, а дальше, вниз по коридору с низким потолком, мерцала другая лампа. Пахло отбеливателем. С другой стороны было всё то же самое, но в конце был ряд серебряных дверей лифта. Значит, мне надо было туда.

Бирка на ноге скрежетала о кафель, и я, не замедляя движение, наклонилась, сорвала её и бросила на пол. Я не очень долго была мертва и могла бы биться об заклад, что Шу был все еще наверху.

Сзади раздался мужской голос.

— Мэм? У Вас что-то упало.

Мои зубы сжались, прищурившись, я обернулась и обнаружила что это тот санитар, который вёз меня сюда под искореженную мелодию Satisfaction. Тот, кто, держу пари, стащил мои сережки.

— Что?! — рывкнула я, прекрасно понимая, что стою босиком, да ещё и с лиловыми волосами. Не говоря уже о разорванной рубашке и изодранных колготках. Изображать из себя доктора, конечно, бесполезно, но возможно, я могла бы быть лаборантом, у которого

был неудачный день.

Пухлое лицо парня стало удивленным.

— Мм, извините, — сказал он, выступая вперед теперь уже медленнее. — Я думал, что вы доктор.

Остановливаясь, он посмотрел на бирку, на меня, затем на двери справа. Бутылка газировки в его руке стала выскальзывать.

— Ах...

Раздражённая, я шагнула назад, шлёпая босыми ногами.

— Спасибо, — сказала я, хватая бирку и запихивая её в карман лабораторного халата. Одарив его напоследок свирепым взглядом, я развернулась и прошла до конца зала к лифту. Сзади было слышно нервное поскрипывание ботинок.

— Эй, мм, вы, — сказал парень, затем заколебался, размышляя. Я сделала три шага дальше по коридору, и он закричал. — Эй!

Я не обернулась, но каждый мускул напрягся во мне, когда я хлопнула по кнопке подъёма лифта. Почти в тот же миг двери скользнули в стороны, открываясь, но я резко затормозила, когда Шу посмотрел на меня, потрясенный. Он глянул мне за спину, и я совсем даже не удивилась, когда услышала крик санитара.

— Эй, вы! Подождите!

Глаза Шу были огромны, когда он схватил меня за халат с сердитым выражением лица, и качнулся назад, спрашивая:

— Мм, с тобой всё в порядке?

— Найди для меня чулан для метел, ладно? — проворчала я в ответ, и он бросился из лифта.

Я напряглась, когда санитар подошёл сзади, фыркая и пыхтя. С меня было достаточно. То, что они делали с мертвыми, было чудовищно. Последняя вещь, которую я хотела бы сделать — это отвечать на вопросы этого парня относительно того, почему я бодрствовала и ходила.

— У вас какие-то проблемы? — воскликнула я, поворачиваясь к нему. Это произвело желаемый эффект, и он резко остановился. Позади него Шу нашёл крошечную комнату с ведром на колесиках и шваброй. Тыча пальцем в парня, я вынудила его отступить назад.

— Вы живы, — пробормотал санитар, переводя глаза с серёжек на уши и обратно.

— Не совсем, но ты вор, сказала я твёрдо. — Отдохни, — добавила я, впихивая его в чулан.

Бешено вращая руками, парень свалился. Споткнувшись о ведро, он сел, тараща на меня глаза, когда я нагнулась к нему и сорвала ключи у него с пояса. Я отошла в сторону, а Шу захлопнул дверь, чуть не прижав белый кроссовок парня.

— Думаю, что этот, — сказал Шу, указывая на ключ с надписью ОБСЛУЖИВАНИЕ, и запихнула его в замок и повернула.

— Эй! — приглушённо донеслось из чулана, и я выдохнула, чувствуя себя значительно лучше.

Шу смотрел на чулан, смеясь.

— Нашла нового друга? — спросил он, и я подскочила, когда санитар загромыхал ручкой и заколотил в дверь.

Смущенная я чувствовала, как гнев уходит, так и не разгоревшись.

— Он украл мои сережки, — сказала я. Хорошо ещё, что я их нашла не у него в ушах.

Череп и кости было труднее найти, чем можно было бы ожидать.

— Выпустите меня! — донеслось из чулана.

— Спасибо, — сказала я Шу, когда мы вернулись к лифту, и я нажала на кнопку подъёма.

— За что?

Внезапно смутившись, я посмотрел на Шу, он стоял, засунув руки в карманах в небрежно распушенной рубашке.

— За то, что приехал, чтобы найти меня, — сказала я.

Лифта всё ещё не было, и он поглядел искоса на меня.

— Хотел убедиться, что с тобой всё в порядке. Я имею в виду — ты была мертва.

— Вообще-то, я и сейчас не очень живая.

Он стал еще более нервным, переступая с ноги на ногу и наблюдая за светящейся кнопкой подъёма.

— Да, — согласился он, — но с тобой же всё в порядке.

Я улыбнулась, вытягивая руку, чтобы в шутку ударить его кулаком в плечо.

— Мертво только тело.

Шу глубоко вздохнул, выдыхая громко.

— А нам нужен компьютер в каком-нибудь спокойном месте.

Из чулана тихо донеслось:

— Чёрт, никаких решёток.

— В морге есть компьютер, — сказала я, и Шу посмотрел на пустой коридор, высоко подняв брови и размышляя. Я точно знала, о чём он думает: зачем идти куда-то ещё, когда единственный человек здесь был заперт в чулане?

— По-моему, хорошая мысль, — сказал Шу, и мы направились к двойным дверям. Его туфли поскрипывали на плитке, а мои босые ноги ступали бесшумно. — Если на компьютере вирус, то я смогу соединиться с сервером отсюда и загрузить патч.

Моя улыбка стала шире. Это могло сработать. Наконец, хоть что-то пошло по-моему.

— Люди? — завопил санитар. — Кто-нибудь? Эй?

Шу посмотрел вниз, когда мы вошли в морг.

— Зачем они сняли твою обувь? — спросил он, и внезапно я вдруг ощутила свою порванную рубашку, скрытую халатом.

— Ну, им же надо куда-нибудь повесить бирку, — сказала я, сбавляя скорость и задаваясь вопросом, могла ли моя обувь быть в одном из шкафчиков у стены. Я не была знатоком моргов, но этот был лучше, чем тот, в котором я очнулась мёртвой в первый раз. Была только каталка, на которой меня привезли, и я предположила, что там должен быть какой-нибудь склад, где они держали тела прежде, чем им выделяли постоянную полку. Это было, вероятно, в комнате за дверями с надписью **БИОЛОГИЧЕСКАЯ ОПАСНОСТЬ** выведенной по трафарету. Я не собиралась идти смотреть. Я была только рада, что они выгрузили меня и уехали прежде, чем поместить в холодный ящик. Не очень-то мне хотелось стучать, чтобы меня выпустили.

— Этот парень — неряха, — сказал Шу, направляясь к поцарапанному столу. Одним пальцем он отпихнул остатки цыпленка — обед парня — через выцветший рабочий стол, сделанный под дерево, и сел в кресло на колёсиках. — Ты только посмотри, у него вся клавиатура жирная, — сказал Шу с отвращением.

Я взяла своё досье. ДЖЕЙН ДОУ. Да, это было я. ПРИЧИНА СМЕРТИ I

УСТАНОВЛЕНА. Тупицы, назначили мне вскрытие. Я начала скармливать содержимое шредеру, лист за листом, чувствуя себя всё лучше и лучше по мере того, как исчезали записи обо мне.

— Как можно здесь есть? — сказала я в промежутке между листами. — Это просто непристойно. Отчасти как пробуждение босиком в морге.

Размахнувшись, Шу занялся компьютером, пододвинув стул ближе и впечатывая адрес в окно, чтобы загрузить серьезно выглядящий черный экран. Наблюдая его мастерство, я мысленно поймала себя на том, что не узнала его, когда обращалась к будущему в первый раз. Он действительно хорошо в этом разбирался. Исключительно хорошо, надеялась я, закончив уничтожать своё досье, и подошла к нему сзади, чтобы наблюдать за тем, как он работает.

— Посмотрим, что тут у нас, — сказал он тихо, забыв, где он, как только нашёл что-то знакомое в новой обстановке. Он впечатал еще несколько ключей, и поиск начался. — Да, — сказал он, когда что-то сразу же появилось на экране: небольшой черный символ птицы рядом с вереницей бессмысленных букв и чисел, которые ничего для меня не значили. Черная птица. Как произведение искусства из капель, которое Эйс сделал своей торговой маркой. Я уже два дня как не видела настоящего чёрного крыла, но они, казалось, были всюду.

— Есть, — сказал он, оглядываясь на меня торжествующе. — Мы можем сделать это отсюда. Я только должен выполнить обратное отслеживание, чтобы удостовериться, что это двухсторонняя коммуникация, затем пропатчить.

Он был взволнован. Мое сердце ударилось с глухим стуком, и я улыбнулась.

— Сколько времени это займёт? — спросила я, спихивая жирного цыпленка в мусорную корзину и садясь на стол. Санитар был слишком близко к лифту. Если он продолжит кричать, то кто-нибудь, в конечном счете, услышит его.

Шу пожал плечами, совершенно невозмутимо и спокойно.

— Несколько минут.

Я выдохнула с облегчением, хотя вдохнула минут пять назад как минимум.

— Здорово, — сказала я, сияя. — Шу, ты супер. Я бы не смогла такое сделать.

— Да, ну, в общем, это моя работа, — сказал он неловко, и тогда посмотрел на меня, прищурившись. — Что с твоей рубашкой?

Мои руки полетели к халату, чтобы удостовериться, что я прикрыта. Я и была, но соскользнула со стола, тщательнее запахивая халат.

— Мм, я была мертва, — сказала я, нервно. — Они порвали её, пытаюсь запустить сердце.

— Извини, — сказал он, казалось, размышляя об этом. Вернувшись к клавиатуре, он начал печатать.

— Это была моя любимая рубашка, — сказала я, задаваясь вопросом, как мне спрятать её и колготки от папы. О, отлично, мой папа. Дерьмо, я ещё обещала позвонить матери.

Доносившееся издали позвякивание лифта заставило нас поднять голову. Это не хорошо. Возможно, они нашли ещё кого-то, чтобы снова попытаться взять у меня кровь.

— Просто делай своё дело, — сказала я, направляясь к двери. — Несмотря ни на что, не останавливайся. Кто бы это ни был, я задержу его.

Но пока моя рука тянулась, чтобы открыть левую сторону двери, Накита ворвалась через правую. Потрясенная, я дёрнулась назад.

Она опять была в белом, дизайнерские джинсы и красный топ, которые я подарила, сменила на белые слаксы и облегающую белую рубашку, которая придавала плавность её фигуре. Ее амулет сверкал на коже темно-фиолетовым цветом, а в руке был меч. Крошечные белые ботинки, отделанные золотом, были широко расставлены на выеденной отбеливателем плитке. Она была одета так же, как в тот день, когда пыталась меня убить. Явно что-то было не так.

— Накита! — воскликнула я, задрожав, когда что-то скользнуло по моей ауре, чтобы закрыть её.

За компьютером Шу вздохнул и начала печатать снова.

— Я доверяла тебе! — воскликнула Накита с потемневшими глазами, стоя передо мной и дрожа.

Изумленная я смотрела, пока не вспомнила. Эйс. Он получил ангела-хранителя. Дерьмо.

— Пол шёл за нами от школы, — выболтала я, откидываясь назад, в то время как она шла вперед жестким шагом. — Я не знала, что он был там! А когда поняла, было слишком поздно. Накита, я не говорила ему, что это Эйс. Он следил за мной!

Я почти кричала, визжа, когда наткнулась спиной на каталку. Помня, как она убила моего предшественника прямо на моих глазах, я позволила своему пристальному взгляду скользнуть к ее амулету. Это было, как будто он отбрасывал черные крылья света на тени в комнате. Накита остановилась, прислушиваясь, но её хватка на мече все еще была напряжённой. Думаю, она хотела мне поверить, но боялась.

— Серафимы были правы, — оправдывалась я. — Разговор с Эйсом не имел никакого значения. Но Шу всё ещё может спасти людей, которых Эйс собирался убить.

Накита опустила свой меч на дюйм. Ее щеки пошли красными пятнами, и я ухватилась за стол на колёсиках позади меня обеими руками.

— Мне всё равно, кто умрёт, — сказала она, отчего Шу перестал печатать. — Их спасение не моё дело! Их души красивы, и серафимы будут рады. Меня беспокоят только раненные души. Я забочусь о раненых, Мэдисон, а не о здоровых.

Я стояла, разинув рот и начиная понимать. Она была темным жнецом. Она убивала людей, чтобы спасти их души. Она думала, что то, что я пыталась сделать, было глупо. И все же она стояла там, закрывая мою душу от Рона, пытаясь понять.

— Забрать душу Эйса, пока он не запятнал её без надежды на исправление, было моей задачей, — сказала она, и я не могла сказать, что она при этом чувствовала. — Его душа зависела от меня, и я его очень подвела, потому что доверяла тебе. Ты заключила сделку с младшим помощником хранителей времени. Ты позволила ему дать Эйсу ангела-хранителя, чтобы я не могла убить его тело. Признайся!

Шу вытаращил глаза. Его пальцы были неподвижны, и тишина заполнила меня.

— Продолжай работать, Шу, — сказала я, не отводя взгляд от Накиты. — Я не отдала ему Эйса, — сказала я ей, и она разволновалась ещё больше, этаким смущенный ангел с мечом. — Пол дал Эйсу своего ангела-хранителя ещё до того, как я узнала, что он был там. Ты не подвела его. Это сделала я. Мне жаль, но я тебя не предавала! Я не нарочно.

Накита перебирала свой амулет в замешательстве, прищулив глаза. Из-за меня ее охватили чёрные крылья воспоминаний. Не все, но достаточно, чтобы она почувствовала прикосновение смерти. Звук ее криков, когда она осознала, что конец был ужасен. Она была единственной среди ангелов, которая знала, что значит бояться смерти. Она одна знала горечь потери. А я так и не смогла сделать так, чтобы она поняла, почему я хотела положить



конец ранней смертности.

— Я пошла в комнату Шу. И говорила с Эйсом, — сказала она. — Он сказал мне, что ты заключила сделку с влиятельным хранителем времени. Он смеялся надо мной. Ты солгала! Точно так же, как Кайрос!

— Я не лгала, — сказала я быстро, протягивая руку, чтобы тронуть и опустила её. — Я забыла о Поле, и из-за этого Эйс получил ангела. Мне так жаль, Накита. Это была моя ошибка. Я действительно заключила сделку с Полом, но только для того, чтобы Эйс не помешал Шу справиться с вирусом. Я была так зла на Пола, что могла бы скосить его собственноручно. Но моя цель никогда не состояла в том, чтобы препятствовать Эйсу получить ангела. Я пыталась показать ему, к чему может привести его выбор, надеялась, заставить его измениться так, чтобы у него появился смысл в жизни. Я все еще могу сделать это. Я знаю, что это идет вразрез с твоими убеждениями, но я думала, что ты поняла. Или, по крайней мере, попыталась понять. Я думала, ты помогаешь мне.

Ее гнев заколебался, и сбитая с толку, она опустила свой пристальный взгляд.

— Эйс не изменится, — сказала она. — Ты сама сказала это. И теперь его душа действительно потеряна.

Сделав шаг вперед, я коснулась ее плеча, отступая, когда она подняла голову. В ее глазах были слезы, и она вытерла их, выглядя потрясенной.

Ещё не всё кончено. Как я собираюсь изменить тысячелетиями формировавшиеся убеждения, если даже не в состоянии убедить одного жнеца, который хочет понять, но не может?

— Я могу всё исправить, — сказала я, и она уставилась на меня, как будто удивляясь, почему меня это беспокоит. — Если мы что-нибудь не сделаем, то Шу возьмет вину за выбор Эйса. Но если поставить Эйса лицом к лицу с возможными последствиями, он мог бы изменить свою собственную судьбу.

Судьба, думала я, дегустируя своим умом это понятие, вкус которого растёкся на моем языке. Я ненавидела это слово, но оно пробудило интерес Накиты. Она знала, что такое судьба.

— Ты так считаешь? — спросила она, расслабляя плечи, так, будто надежда смягчила выражение гнева на ее лице.

— Я надеюсь, — сказала я, желая, чтобы меня совершенно ясно поняли.

Накита, нахмурившись, глядела на Шу, как будто видела его впервые, как он начинал печатать и останавливался, бормоча что-то, сидя за компьютером. Ей было трудно изменить себя, но она старалась ради меня, ее хранителя времени — того, кто разрушил ее безукоризненные убеждения. Ее меч исчез.

— Тогда я, вероятно, не стала бы нападать на Пола, — сказала она, невинно покусывая нижнюю губу. Ее глаза опустились на мои босые ноги, и она замигала. — Где твоя обувь?

Казалось, худшее позади, и я отошла от каталки.

— Я не знаю. У Барнабаса и Грэйс всё в порядке? — спросила я.

Накита не очень заинтересованно осматривала морг.

— Они идут, — сказала она, подойдя к шкафчикам и проводя пальцами по ним, как будто что-то искала. — После того, как ты ушла, Рон говорил с Полом через амулет. Как только он узнал, что Эйс получил ангела-хранителя, Рон рассмеялся, наговорил много нехорошего и уехал. Грэйс и Барнабас последовали за ним, чтобы убедиться, что он не собирается тебя искать, видя, как твоя аура звенит от небес до земли. Я отправилась домой к

Шу, чтобы лично убедиться. Потом я приехала сюда.

Накита крутила и дергала за ручку шкафчика, и он затрещал, открываясь с согнутыми петлями.

— Извини, — сказала она, заглянула внутрь и вытащила оттуда мою обувь и носки. — Мне следовало бы доверять тебе. Но я не понимаю, что ты пытаешься сделать. Возможно, если бы я только поняла почему.

Она тихо пересекла комнату и протянула мне мои желтые кроссовки.

— Всё нормально, — сказала я, принимая их. — Я тоже не знаю и половины из того, что делаю. Я только делаю то, что считаю правильным.

Накита слабо улыбнулась.

— А вот мне, возможно, не следовало бы нападать на Пола, даже если я и чувствовала, что это правильно. Его амулет силен, но не так, как у хранителя времени.

Она не просто ударила, она его нокаутировала? Прислонясь к каталке, я подняла взгляд от носков, прыгая на одной ноге, когда каталка поехала.

— Накита, пожалуйста, скажи, что ты шутишь. Он был там, чтобы помешать Эйсу уйти.

Вздрагнув, Накита вздохнула, чтобы ответить, но остановилась, поворачиваясь к коридору, когда двойные двери с грохотом распахнулись. Это был Эйс, и он не был доволен.

Здорово, разве может всё стать ещё хуже?

— Эйс! — закричала я, почти паникуя, один носок на мне, другой свисает с пальца.

— Отойти от компьютера, Шу, — потребовал он. На нём была черная рубашка, которая скрывала капающую из носа кровь, но я чувствовала её запах как предупреждение, почти видя исходящее от него красное свечение. Это — его аура? Я, наконец, начинаю видеть ауры?

— Как я сказала, мне, вероятно, не следовало нападать на Пола, — признала Накита.

Шу не поднял глаз, его пальцы неистово печатали.

— Пошёл к черту, — пробормотал он, доверяя нам удержать Эйса подальше от него. — Я не возьму вину за это на себя.

Как и ожидалось, Эйс пошёл к Шу, и Накита рванулась вперед.

— Назад, — сказала она грозно, но потянувшись за мечом, она заколебалась, когда пылающий шар света зажужжал сзади него. Это был его ангел-хранитель, и я знала по опыту, что они работали, заставляя вещи пойти не так, как надо. Чем больше Накита пыталась причинить ему боль, тем хуже от этого становилось. Возможно, ангел не верил в спасение Эйса, но делал это.

— Продолжай работать, Шу! — закричала я, двигаясь так, чтобы оказаться между ними, поднимая руки вверх, когда его ангел-хранитель предупреждающе загудел. Эйс видел только меня, и я смотрела на него так, как будто я умоляла его быть хорошим маленьким мальчиком. Если бы только я могла урезонить этого ангела, как Грэйс.

Я раздраженно поглядела на Накиту, принимая боевую стойку, один носок на мне, другой отсутствовал.

— Ты не только позволила ему уйти, ты ещё и дала ему проследить за тобой? — сказала я Наките.

— Не совсем так, — ответила она, затем топнула на Эйса ногой, чтобы заставить его отступить. — Хотя, возможно, — добавила она, — Эйс очнулся, когда я ударила Пола. Я знала, что он пошёл за мной, но я не думала, что это имеет значение. Мне жаль, Мэдисон. Я думала, что мы потерпели неудачу!

Эйс начал перемещаться, и трое последовали за ним: я, Накита, и ангел-хранитель.

— Шу, ты жалок, — сказал Эйс, и мне стало интересно, почему он хромает. Тебя охраняют девушки? Отойди от компьютера, а не то я тебя ударю.

Да, так и должно было случиться.

— Не останавливайся, Шу! — подбадривала я. Эйс сделал ещё шаг вперед с руками сжатыми в кулаки, и Накита вынула меч. У меня закружилась голова. Все выходило из-под контроля.

— Ты сумасшедшая курица! — закричал Эйс, зная, что у него есть ангел-хранитель, но всё ещё не готовый поверить в это. — Я тебя не боюсь!

— Ну, так подойди поближе, — поддразнивала она, с волосами, ниспадающими на лицо, которые делали её взгляд угрожающим.

Шу щёлкал и щёлкал. Затем он остановился, и беззвучно прошептал:

— Да!

Я услышала вой открывающегося лотка для компакт-дисков. Мы сделали это! Мы действительно сделали это! — подумала я, чувствуя, как восторг заполняет меня.

Но Эйс тоже услышал Шу и заскрежетал зубами с диким выражением на лице. И внезапно, так как я стояла между Эйсом и Шу, я почувствовала, как сила покидает меня.

Верхнее освещение закружилось неясной голубой пульсацией, выливающейся на пол морга.

Только не сейчас!

Напуганная я свалилась назад, держась за живот, как будто пыталась удержать себя внутри. Накита повернулась ко мне, и я запаниковала, когда всю комнату заволокло синим свечением, исходящим потоком от арматуры в полу. Я собиралась обратиться к будущему. Эйс принял решение, и его будущее менялось. Это совсем не то, что мне нужно прямо сейчас!

— Мэдисон? — позвала Накита, но в ее голосе проскальзывали металлические нотки, как будто он доносился издалека.

Страдая от головокружения, я смотрела на нее. Я видела крылья позади нее, находящиеся в этот момент в будущем и поэтому невидимые для всех, кроме, возможно, ангела-хранителя, нависающего над всеми нами. Ее глаза были серебряными. Накита была слишком красива, чтобы смотреть на неё, и мне потребовалось несколько попыток, чтобы прошептать:

— Меня сейчас унесёт в будущее, Накита. Не дай мне уйти!

Ее клинок опустился в замешательстве, и, воспользовавшись удобным случаем, Эйс двинулся.

— Нет! — закричала я, но упала в обморок как вывернутый наизнанку мир. Накита бросилась ко мне, успевая подхватить меня в нескольких дюймах от пола. Шу закричал, но моя голова была повернута к потолку. И по мере того, как усиливалось фиолетовое свечение, потолок, стены — все растаяло, и на меня навалилась красота звезд.

У меня перехватило дыхание, боль от такой невероятной красоты рассекала меня как огонь. Мелодии звуков, никогда прежде не слышанные, взорвались в моей душе. Слезы заполнили мне глаза, и я задрожала у Накиты в руках.

Я застонала от боли, и она повернула меня лицом к себе. Ужасную красоту небес сменила трагическая красота ангела, Накиты, которой я причинила боль, которой объяснила, что такое страх. Я сделала это с ней. Я. Но серафимы были правы: страх — это

дар, и он сделал ее чем-то большим, чем она была прежде в тот момент, когда он прорвался в неё.

— Закрой глаза, — прошептала Накита в ужасающей тишине, и я прижала к ней своё лицо, рыдая. Это было слишком. Я была смертна, и видела, что божественное убивало меня. Как Рон сделал это?

Звук борьбы дотянулся до меня, и я почувствовала, как моё сознание поплыло по комнате, в то время как ощущение тела становилось призрачным. А потом я стала Эйсом, чувствуя его гнев, его страх. Его всего.

Я ненавижу тебя, — думала я вместе с ним, неспособная отделиться от него, и с громким криком он послал кулак в Шу, который вставал со стула. Я взвыла, соединённая с его кулаком, и боль пронзила его руку. Встряхивая нашу пульсирующую руку, я ощущала удовлетворение Эйса, когда Шу качнулся назад к стулу и свалился с него, ощупывая рукой свою челюсть.

— Нет! — закричала я в сознании Эйса, когда он нажал на кнопку удаления и сорвал со стены соединительный узел. Я понятия не имела, хватило ли времени, чтобы загрузить полностью, и когда попыталась взять под свой контроль будущее, которое ещё не произошло, Эйс схватил клавиатуру и разбил её о голову Шу, который пытался подняться.

— Вставай! — услышала я Эйса, нашими общими ушами и нашим общим разъяренным сознанием. — Я убью тебя!

Я попыталась подняться, но была в ловушке, пытаюсь изменить вещи, но неспособная даже сделать так, чтобы меня слышали. Это было долбанным кошмаром. А над всем этим парил ангел-хранитель Эйса, оплакивая его, меня, сияя серебряным облаком, ниспадающим с него, отчего синее становилось серебряным, пока не коснулось ауры Эйса и не отразилось от неё.

Шу поднял глаза от пола.

— Возьми себя в руки, Эйс, — вздохнул он, пошатываясь и пытаясь подняться. — Речь идёт о людях. Что, черт возьми, на тебя нашло?

— Что со мной не так? — закричал Эйс.

— Эйс, прекрати! — закричала я, не услышанная, но как будто в ответ, ещё более мощная волна синевы заполнила моё сознание. Головокружение заставило меня цепляться за всё, воспоминания и видения затягивали меня как водоворот. Я уходила глубже в будущее, и моё сознание взбунтовалось. С отвратительным ощущением, как будто монета, вращающаяся всё медленнее и медленнее, синева вокруг меня двигалась и двигалась, вращаясь, пока не вернулась к устойчивому сплошному синему цвету.

Я была все еще в морге, все еще внутри Эйса. Полиция была здесь, и парень, которого я заперла в чулан, стоял около шкафчиков, выглядя изумленным. Шу сидел на полу с опущенной вниз головой и наручниками на запястьях. И я чувствовала себя чертовски хорошо, несмотря на то, что была в отчаянном положении. Я должна выбраться. Я застряла в сознании Эйса, его удовольствие, смешивающееся с моей болью, сводило меня с ума.

— Поэтому, когда я узнал, что он собирается сделать, — услышала, как я говорю, решив, что чертовски умен, придумав этот план, — я проследил за ним от школы до больницы. Он пробрался внутрь, запер парня в чулане, и поместил вирус в компьютер морга. Разве это нормально? Попытаться убить через компьютер морга?

Полицейские закивали, а тот, что держал Шу, посмотрел на него с отвращением.

— Это ложь! — подумала я, не ощущая у Эйса никаких угрызений совести.

— Я сказал ему, чтобы он не делал этого, — продолжал свою ложь Эйс, и Шу сжал челюсти, отказываясь говорить что-либо. — К счастью, у меня был патч. Я загрузил его, а затем он меня ударил! Сломал клавиатуру об мою голову. Он сумасшедший, говорю я вам. Псих! То же самое он сделал в школе. Он мог кого-то убить!

Полицейские повернулись к санитару.

— Так всё и было? — спросили они его, а потрясенный человек смотрел безучастно.

— Я не помню, — сказал он, и я узнала это запутанное выражение, которое так часто было на лице моего отца. Он что-то вспомнил, но логика подсказывала ему, что это невозможно. Мои жнецы пришли и ушли, оставляя на своём пути разрушенные жизни.

— Он лжёт! — закричала я в сознании Эйса, и рыдавший в углу ангел-хранитель посмотрел наверх. Тогда я зашипела в мысли Эйса: — Ты лжец. Отвратительный лжец. Мне следовало дать Наките уничтожить тебя.

Это было так несправедливо. Похоже, патч прошёл, но так или иначе, пытаюсь сделать правильно, я сама дала Эйсу все преимущества, чтобы он смог нанести наибольший вред авторитету Шу и сохранить свой собственный. Особенно, когда никто, казалось, не помнил то, что я здесь была. Кроме, возможно, ангела-хранителя.

Я сосредоточилась, чтобы попытаться изменить будущее, которое ещё не наступило, но голубизна, покрывающая всё, казалось, задрожала. На мгновение все пришло в норму, цвета, звуки, все. В этот момент просветления Шу смотрел на Эйса, но думаю, что видел меня, изумленный и преданный. И весь мир взорвался красным.

С невероятным усилием, вырвавшим из меня стон, я прорвалась через временное пространство. Задыхаясь, я сделала вдох, который был полностью моим. Ничто не билось в моей груди. В моих венах не было крови, а Накита держала меня так сильно, что это причиняло мне боль.

— Я вернулась, — прошептала я, и ее руки на мне дернулись.

— Мэдисон! — воскликнула она, и я посмотрела на неё, видя, как мой страх отражается в ее глазах подёрнутых серебром. Но это было воспоминание о затравленном взгляде Шу, которое не оставляло мой разум.

Грохот отвлек моё внимание от нее, и я поняла, что все это заняло лишь одно мгновение. Шу вставал с пола, ошеломленный, но решительный, держась за челюсть. Я уже видела это. Пережила.

— Встань! — закричал на него Эйс. — Я убью тебя!

— Мэдисон? — сказала Накита, помогая мне сесть. — Ты в порядке? Никогда не видела, чтобы кто-нибудь обращался к будущему.

— Со мной всё будет в порядке.

Стоя на трясущихся ногах, я ухватилась за что-то, чтобы восстановить равновесие, опираясь на каталку на колёсиках. Плохой выбор, и я споткнулась, пока Накита не поймала меня. Это действительно отбирает много энергии. Дерьмо, я едва могла стоять.

— Возьми себя в руки, Эйс, — Шу вздохнул, стоя на нетвёрдых ногах. — Речь идёт о людях. Что, черт возьми, на тебя нашло?

— Что со мной не так? — закричал Эйс, и я посмотрела на ангела над нами, там, где я его уже видела. Он плакал, как и раньше. Я знала, что она видела всё то, что видела я в будущем. Она купалась в божественном и могла прожить прошлое и будущее одновременно. И она была скована волей, но не своей, а Рона.

С трудом сглотнув, я медленно наклонилась к Наките.

— Ты знаешь, что происходит, — сказала я ангелу, и ангел повернулся ко мне, удивленный. — Я никогда не хотела убивать его, не собираюсь этого делать и сейчас. Судьба или выбор. Они могут быть теми же самыми. Как темный хранитель времени, я прошу тебя сделать так, чтобы это не нарушило условий предыдущего задания.

Эйс выдернул из стены шнур, а когда Шу попытался ему помешать разломать диск, Эйс швырнул его об стену позади стола, сопровождая ударом в живот. Судорожно выдохнув от боли, Шу сполз позади стола.

И хотя я не могла видеть сквозь мерцающий свет, который окружил ангела-хранителя, я знала, что он улыбнулся мне, окружая меня и погружая в первозданное ощущение покоя, который я испытала, ступив на греческий остров на другой стороне света, и согласилась попытаться изменить мир.

— Это настоящее? — спросил он, добавляя изумленно: — Иногда я могу говорить.

Я кивнула, и она бросилась ко мне, а ее кажущийся жар согрел мне лицо.

— Ты мне нравишься, — сказал он звенящим голосом, слова звенели вокруг меня волнами. — Ты используешь, чтобы видеть мир. Это для тебя всё усложняет, но если бы это было легко, то тогда любой мог бы сделать это.

Я понятия не имела, о чем он говорит, но я видела, как он влетел в драку, подняв над собой телефонный шнур. Как будто танцор под музыку, Эйс остуился, споткнувшись об него. Удивлённо вскрикнув, он осел.

Эта передышка — всё, что нужно было Шу. Поднимаясь из-за стола, он отбросил волосы с глаз, размазывая по рукам и лицу капающую с щеки кровь. С разъяренным воплем он кинулся на Эйса, и они заскользили по плитке, о которую ударялась голова Эйса. Я почувствовала, как качнулся мир под воздействием изменяющейся судьбы, и я сделала большой глоток воздуха, чувствуя, что мне это необходимо.

— Этот не игра, Эйс! — закричал Шу, не обращая внимания на меня и Накиту. — Они — настоящие люди, с семьями и детьми!

— А с чего это должно меня беспокоить? — прорычал Эйс, и Шу замахнулся и ударил его кулаком дважды, сначала в живот, отчего у Эйса перехватило дыхание, затем левой в челюсть. Эйс хрюкнул от боли и затих.

— Это тебе за то, что причиняешь людям боль, чтобы самому чувствовать себя хорошо, — сказал Шу, покачиваясь и направляясь к компьютеру. А сверху ликовал ангел, омывая Эйса и Шу своими слезами. Что-то изменилось. Я только надеялась, что это к лучшему.

Сильно наклонившись к столу, Шу снова подключил клавиатуру, щёлкнув несколько кнопок, прежде чем повернулся ко мне с усталой улыбкой.

— Эй, ты, — сказал он, затем громче, обращаясь к Эйсу, — ты, мешок жабьего дерьма. Я не возьму вину за это! Отнюдь нет!

Ошеломленная я уставилась на Шу, задаваясь вопросом, было ли это действительно другое будущее, которое мы пережили, или Эйс всё ещё может это сделать.

Боже, помоги мне. Это такой станет моя жизнь?

Руки Эйса зашевелились, сгибаясь под ним, как будто он собирался встать. Накита шагнула к нему и наступила ему на спину, чтобы заставить плюхнуться назад со стоном. Я посмотрела на его ангела-хранителя, пылающего теперь ярким, подёрнутым дымкой светом.

— Никто не пытается его убить, — прозвенела она ободряюще, затем ринулась к потолку, когда распахнулись двери морга, и вошел Барнабас. Грэйс была с ним, и я смотрела

в страхе с открытым от удивления ртом, когда эти два ангела-хранителя опустили и вошли, демонстрируя странное приветствие.

— Всё исправлено? Что произошло? — спросил Барнабас, глядя на Накиту, которая сидела на Эйсе, проверяя лак для ногтей. Шу тяжело дышал, сидя в кресле на колёсиках и прислонившись к нему щекой.

Накита пожалала плечами, почти разочарованная тем, что мы его просто не убили.

— Мэдисон пришлось трудно.

Мой носок валялся посреди комнаты, и вздохнув, я пошла за ним, там же усевшись на холодную плитку и надевая его. Шепот биения сердца отозвался эхом в моих мыслях — почувствовав Эйса, я потеряла его. Хуже того, я была измождённой. Я чувствовала себя нереальной и тонкой, как будто часть меня была все еще потеряна, где-нибудь между настоящим и будущим.

— Ты снова обращалась к будущему, — сказал Барнабас, приближаясь и останавливаясь у моих ног. Я натянула носок и потянулась, чтобы схватить кроссовки, все еще стоявшие на каталке.

— Это было ужасно, — признала Накита, в то время как Барнабас протягивал мне мою обувь. — Это было так, как будто она была не здесь.

— Я неважно себя чувствую, — сказала я, надевая дрожащими руками сначала один, затем другой кроссовок. Рассматривая черепа и кости на шнурках, я задавалась вопросом, неужели я смогла сделать это. Тысячи лет жить среди людей и наблюдать за тем, как они себя уничтожают. Неудивительно, что Кайрос просто послал своих жнецов, чтобы поразить цель. Слеза появилась и упала, и несчастная я завязывала шнурки с черепами и костями, аккуратными, красивыми петлями. Думаю, что мы изменили судьбу, но это было трудно. Действительно трудно.

— Вы потерпели неудачу? — прошептал Барнабас, когда я вытерла слезу и покачала головой.

— Думаю, у нас получилось, — сказала я, что заставило его смутиться ещё больше.

— Ты в порядке, Мэдисон? — спросила Накита. Барнабас нагнулся, чтобы поднять меня, и мне не оставалось ничего другого, как только постараться не расплакаться. У меня не очень хорошо это получалось.

— Со мной всё в порядке, — наконец-то смогла я выдать из себя, стоя на трясущихся ногах и пытаюсь представить себе такую дерьмовую жизнь, как эта. Я просто сойду с ума. Вот и всё.

Изящным движением Накита встала с Эйса. Идиот уже собрался было встать, но кастрюля с инструментами морга как-то вдруг соскользнула с ближайшей стойки и двинула его по башке. Охнув, он упал в обморок снова, когда Грэйс и другой ангел-хранитель объединились друг с другом, что выглядело эквивалентом ангела, сильнеешего раз в пять. Он всё ещё жив. Ангел-хранитель Эйса захихикал, и я задалась вопросом, надо ли мне что-нибудь предпринять до того, как Эйс умрёт от повреждений, но вспомнив ненависть Эйса, которая отозвалась эхом во мне, я решила, что мне не стоит волноваться об этом.

— Обращение к будущему должно выглядеть именно так? — спросила Накита, взяв меня за другой локоть.

С другой стороны от меня я скорее почувствовала, чем увидела, как Барнабас пожимает плечами.

— Я не знаю. Рон никогда не говорил. Как насчёт Кайроса? Он когда-нибудь выглядел

таким усталым?

Накита покачала головой, взволнованная. Вздохнув, я облокотилась на них сильнее. Всё закончилось, но ещё было столько работы. Я избавилась от своего досье, но наверху было, вероятно, что-то. И парень в чулане. И Шу.

— Я страшно хочу есть, — сказала я, и от воспоминания о том, как я была внутри Эйса, почувствовала себя больной. — Может, сходим за гамбургером?

Накита повернулась ко мне, и ее удивление отразилось на Барнабасе. Вздохнув, я пристально посмотрела на Шу и Эйса.

— Все мы? — добавила я. — Я голодна, — сказала я, с удивлением осознав, что это действительно было так. — Кроме того, — сказала я тихо — так, чтобы Шу не слышал, — мы сможем позаботиться об их воспоминаниях и, возможно, даже сделать их друзьями, ну или чем-то в этом роде.

Вместо того, чтобы ответить мне, Барнабас окинул взглядом морг.

— Патч на месте? — спросил он Шу.

Шу подкатил стул к компьютеру. С выражением облегчения, он положил диск в карман.

— Да.

Барнабас выпрямился, показывая жестами Наките, чтобы она взяла Эйса.

— Гамбургер, по-моему, звучит хорошо, — сказал он с потрясающим энтузиазмом. Вероятно, мы бы без проблем вышли из больницы, даже выпустив парня из чулана. Но не с двумя жнецами и двумя ангелами-хранителями.

От мысли о солёной жареной картошке и холодной газировке у меня потекли слюнки, когда я пошла за Барнабасом, Эйсом, и Шу в пустой коридор. Я была уставшая, подавленная и голодная. Наверное, это еще не всё, предположила я. Я победила? Я действительно не знала.

Время покажет, подумала я.



Сладко-острый кетчуп капал с ломтиков картофеля фри, пока я не засунула их в рот, слизнув соль с пальцев.

— М-м, адские щенки, это божественно, — пробормотала я с полным ртом, затем потянулась к стакану колы, большими глотками прихлёбывая напиток из трубочки. Газированные пузырьки весело сопровождали картошку фри в пути по пищеводу, и я аж зажмурилась от удовольствия. М-м-м, я счастлива. Я опять потянулась к тарелке с фри. Они были толсто нарезаны и не до конца прожарены. Я засунула еще несколько в рот. Я так долго ничего не ела, что чувствовала себя изголодавшейся до смерти.

Вдруг до меня дошло, что никто ничего не говорит, и я подняла глаза от тарелки. Шу сидел напротив меня в кабинке. Накита была справа от него, ее красная сумочка лежала перед ней на столе. Слева от меня сидел Барнабас, а рядом с ним, отвернувшись к стене, угрюмо насупился Эйс, держа в руках пакет со льдом, завернутый в салфетки, и периодически прижимая его к голове.

— Что? — спросила я, все еще жуя и видя, что все уставились на меня.

Накита взглянула на Барнабаса, затем тихо сказала:

— Я никогда не видела, чтобы ты ела... так.

На этот раз я проглотнула фри в два укуса, а не в один. Было уже поздно — кроме нас в кафе больше никого не было, исключая официантку, подсчитывающую выручку в кассе, и повара, который исподлобья кидал на нас взгляды "хватит-тут-сидеть-валите-уже-подомам".

— Я умираю с голода, — сказала я, сделав еще один маленький глоток колы, хотя мне хотелось залпом проглотить весь стакан. — И устала.

Но сердцебиения нет. Вообще.

Рядом со мной Барнабас откинулся на спинку диванчика, помешивая трубочкой лед в своем стакане, к которому он даже не притронулся.

— Это ужасно, Мэдисон.

Я окинула его взглядом, заметив плохо скрытую зависть в его тщательно расслабленной позе.

— Что, завидуешь? — саркастически спросила я.

— Типа того, — пробормотал он, глядя вглубь зала, где Грейс и ее новый друг болтали, сидя на светильнике; крылья делали ангелов похожих на светящиеся шарик размером с мячики для софтбола, которые могли видеть только я и мои жнецы.

Потянув в рот другую картофелину, я поморщилась, когда капля кетчупа растеклась на моем белом медицинском халате.

— Мне кажется, это из-за видения будущего, — сказала я, пытаясь стереть салфеткой пятно с халата. — Я была жива, ну по крайней мере, я себя так ощущала, когда была в Эйсе. — Я посмотрела на него, чувствуя, как на лице появляется гримаса отвращения: — Знаешь, а ты выдался фиговой работенкой.

Парень скривился, а я взяла еще салфетку и подавила зевок.

— Наверно, мой мозг вспомнил, что это такое — испытывать чувство голода. И усталость. Который час?

Не глядя на часы, Барнабас ответил:

— Полночь.

— М-м-м. — Я скомкала салфетку и бросила ее в тарелку с фри. Я все еще хотела есть, но не хотела выглядеть как свинья. — Я должна возвращаться домой. — Пока еще не поздно позвонить маме — неважно, начались школьные будни или нет. Она следила за часами как вампир.

Мой взгляд вернулся к Эйсу — раздавленный и тихий он забился в уголок кабины. Он ничего не сказал с тех пор, как очнулся в своей машине. Ну и хорошо, все закончилось, и никаких проблем в 6 утра в больнице не возникнет. Никто ничего не узнает. Что теперь предпримет Эйс, оставалось только гадать...

Хотя, Шу ему "поможет"... Я перевела взгляд на Шу и улыбнулась ему. Его челюсть приобрела темно-фиолетовый оттенок.

— С тобой все будет в порядке? — спросила я, он поморщился в ответ:

— О, я получу по шее за то, что сломал школьную систему, — сказал он, глядя на Эйса. — Но я итак это знал, когда задумывал этот план. Правда, я не планировал, что полночи буду где-то шататься. Но это ничего.

Мы все уставились на Эйса, в глазах которого пылал огонь ненависти. Официантка, должно быть, заметила, что мы поели, громко откашлялась и пошла поговорить с поваром на кухне. Я пожирала взглядом картошку на тарелке, и не удержавшись, схватила еще парочку, чувствуя себя виноватой по какой-то необъяснимой причине.

— Барнабас, может, мы остановимся на обратной дороге у дома Шу и сделаем так, чтобы его родители думали, будто он сладко спит в своей постели? — предложила я.

Светлый жнец кивнул, но как-то слишком быстро. Почти угодливо.

— Это было бы классно, — нервно проговорил Шу, отодвигаясь от Накиты, которая бормотала под нос что-то о том, как ей хочется просто кого-нибудь скосить. Но похоже, Шу беспокоило больше не настроение темного жнеца, а способность Барнабаса вмешиваться в память, и он думал, выполню ли я свое обещание не изменять его воспоминания.

Бросив на стол пачку влажных салфеток, Эйс выпрямился.

— Вы все — полное дерьмо, — громко сказал он. — Вы собираетесь сделать так, что никто даже не вспомнит, что он выходил?

— Заткнись! — прошипела Накита, склонившись через стол. — Ты вообще должен был умереть.

— Это ты заткнись! — заорал он. — Бешеная сучка!

— Не называй меня так! — прорычала она, начиная закипать, но когда ангел-хранитель взлетел с лампы, Накита села, скрипя зубами от ярости. — Тебе повезло, человек, — пробормотала она. — Счастливчик.

Счастливчик — явно не то слово, которое я бы хотела применить к Эйсу, но это так. Он попытался заработать себе славу, убив людей и обвинив в этом Шу. Но теперь он был готов разделить неприятности с Шу, лишь бы и тому досталось. Мерзкий человечиска.

Вздохнув, я передвинулась к краю диванчика и поднялась. Пришло время идти домой; я опустила голову, разглядывая свой новый прикид — белый лабораторный халат. Вроде, смотрится прикольно — даже с пятном кетчупа. Может, я стану законодателем новой школьной моды. На самом деле, я еще ничего сумасбродного не сделала, чтобы как-то выделиться среди учеников. Ну, кроме того, что я уже умерла, но об этом никто, кроме Джоша, не знает. Было бы хорошо, если бы он смог мне помочь сегодня вечером, я скучала по нему.

— Пора уходить, — сказала я тихо, на прощание окидывая тарелку картофеля фри тоскливым взглядом. Барнабас тоже поднялся, следом за ним — Накита. Оба жнеца обменялись понимающим взглядом, когда выскользнули из-за стола. Их глаза стали серебристого цвета, и я метнулась к Шу, закрыв его собой.

— Шу не надо, — сказала я, протягивая руку, чтобы они не стирали его память. Барнабас закатил глаза.

— Мэдисон... — начал он, но тут сквозь меня прошла волна тонких покалываний. Накита и Барнабас тоже почувствовали их.

Грейс запела со светильника:

*Смотрите, кто прибыл — это ж хранитель Рон,*

*И как всегда в плохом настрое пребывает он.*

*Как-то поздновато он пришел, даже опоздал,*

*Кто-то решит — значит, это судьба.*

*Но я полагаю — совсем все не так:*

*Мозгов надо Рону где-то занять.*

Иногда Грейс выдавала очень хорошие стишки.

— Рон идет? — спросила я нервно. Что ему надо? Все кончено!

— Но я же скрываю нас! — Накита явно растерялась.

— Видимо, недостаточно хорошо, — ехидно заметил Барнабас, и я почувствовала еще большую усталость. Просто супер. Опять эти нескончаемые склоки.

— Я не позволю ему навредить вам, — пропела Грейс, и я улыбнулась мерцающему мячику света, когда она слетела со светильника. На моем лице все еще была благодарная улыбка, когда Шу присвистнул, и я проследила за его взглядом до двери, где стоял Рон — так, словно он всегда здесь находился. С ним был и Пол. Колокольчики над дверью даже не пошевелились.

Рон выглядел раздраженным: одна рука была скрыта в складках его туники, подпирая бедро, другой он указывал на меня, будто я была отбившимся от рук ребенком.

Я чуть сдвинулась, закрывая собой Шу, все еще сидящего за столиком. Барнабас оказался справа от меня, Накита слева. Взгляд Рона задержался на традиционной белой одежде темного жнеца, и Накита гордо приподняла подбородок.

— Я бы не поверил, если бы не увидел собственными глазами, — проговорил Рон, его глаза изучили меня снизу вверх с моих желтых ботинок с черепами до белого халата. — Жатва закончилась, меченный в безопасности. Ну, слегка побитый, но живой, — добавил он, взглянув на двух ангелов-хранителей. — Я выиграл. Все закончено. Вы проиграли. Иди домой, Мэдисон.

Я медленно втянула воздух в легкие, подбирая слова. Меченный, подумала я, решив, что традиция приклеивать людям такой лэйбл просто ужасна.

— У Эйса есть имя, — тихо проговорила я, думая, насколько плохо выгляжу, раз Пол так на меня уставился. — Привет, Рон, — на этот раз я сказала громче. — Шаг вперед — и тебе не поздоровится. Что тебе надо? Ты сам сказал — все закончено, ты выиграл.

Невысокий мужчина хмыкнул, искоса бросая взгляд на ангелов-хранителей, затем на моих жнецов, защищающих меня, и наконец, на Эйса позади меня.

— Серафимы прислали меня настроить твой амулет, — ответил он, удивив меня. — Хе,

похоже, ты касаешься божественных ликом слишком тесно.

Я касаюсь божественных ликом слишком тесно? Ага, в точку. Может быть, то, что я пережила, не являлось нормой, чёрт побери.

Видя, что я уставилась на него, будто наглоталась таблеток для тупости, Рон двинулся к нам мимо пустых столиков своим обычным быстрым шагом, остановившись как вкопанный, когда Барнабас вытянул ладонь, а Накита обнажила свой меч. Официантка приглушенно взвизгнула и ринулась к телефону.

Все лучше и лучше.

Рон остановился, его лицо выражало явное разочарование — он оценил ситуацию. Барнабас скрестил ноги в лодыжках и прислонился к столу, выглядя просто великолепно в своих черных джинсах.

— Ты не прикоснешься к ней... Хронос, — голос жнеца был спокойный, тихий и очень угрожающий. Морщины Рона стали более глубокими.

— Прочь! Ее предшественник мертв. Кто еще может отрегулировать амулет? Ты? Я здесь в качестве превосходящего хранителя времени по приказу серафимов. Ты думаешь, я могу послушаться их приказа? Как же я тогда смог найти вас, когда вы находились под такой защитой?

Слева от меня Накита сильнее сжала рукоятку меча.

— О, ты мог бы, если бы потом не возникли проблемы с этим, — она кивнула на Пола, и восходящий светлый хранитель, про которого все забыли, шагнул вперед.

— Ты не превосходишь меня, Рон. Ты просто старше, — сказала я, потом взглянула на Пола. Он помогал мне, пока Накита не ударила его. Я думаю, к утру его глаз будет темно-фиолетовым. Теперь он точно никогда мне не поверит. Я взвесила шансы — либо Рон вдруг накосячит с моим амулетом, либо жить в постоянном страхе перед каждым видением будущего. Я не хочу снова пройти через этот ад и не хочу, чтобы серафим сам прибыл, чтобы настроить амулет. Рон не выглядел усталым или потерянным после видений. Очевидно, проблема во мне... опять.

— Он прав. Все закончилось, — сказала я, снимая свой амулет и бросая его Рону. Камень, обрамленный серебром, приземлился на ладонь Рона. Барнабас застыл, Накита моментально оказалась передо мной, вытянув меч. Это был очень смелый шаг с моей стороны, но я пыталась доказать Рону, что я его не боюсь. Даже если внутри я вся дрожала от страха. Я бы никогда не поступила так, если бы у меня не было двух жнецов и двух ангелов-хранителей, стоящих рядом со мной. Не думаю, что могу еще раз вынести взгляд на звезды — такой божественной красоты, которую человеческие глаза неспособны постигнуть.

— Просто настрой его, — сказала я со вздохом, чувствуя себя голой без амулета. — Я больше не выдержу таких видений, как эти два.

— Два? — переспросил Рон, забыв об амулете в своих ладонях. — Было больше, чем одно?

Я улыбнулась, сжав губы. Из кухни слышался громкий панический разговор, но по крайней мере, повар не выскочил с заряженным ружьем. Но все же, Барнабас и Накита обменялись взглядами, и резко вздохнув, темный жнец проскользнула к кухонной двери. Она поколебалась, затем обнажила свой меч. Отбросив волосы назад, она толкнула дверь и вошла. Раздался крик, и мы все подождали, пока не раздалось два удара, и не наступила тишина, затем снова повернулись друг к другу.

Глядя на Барнабаса, Рон шагнул вперед и протянул мой амулет.

— Он должен быть на тебе, пока я его настраиваю.

Я подождала, пока вернется Накита, прежде чем отойти от Барнабаса. Кинув быстрый взгляд на Шу, я нахмурилась. Он выглядел испуганным. Затаив дыхание, я надела простой шнурок на шею и застыла, когда Рон обхватил камень ладонью. Когда-то я уже доверяла ему. Больше такого не повторится.

Я расслабила челюсти, когда красноватый цвет просочился в мой амулет. Легкая головная боль, на которую я даже не обратила внимания, тут же прошла, и я почувствовала себя гораздо лучше.

Рон отпустил мой камень. Барнабас кашлянул, явно желая, чтобы я шагнула назад, но я стояла на месте, и Рон первый отступил от меня, с настороженностью в глазах.

— Спасибо, — сказала я сухо. — Я ценю это.

Явно чувствуя себя не в своей тарелке, Рон поглядел на Пола, затем на Шу.

— Я изменил настройки восприятия божественного, — сообщил он хмуро. — Твой предшественник был жив. А ты нет. Поэтому возник дисбаланс. — Сложив руки вместе, он продолжил: — Я не знаю, чего ты хотела добиться. Устроила кровавое месиво. И сколько теперь людей нуждается в замене воспоминаний?

Шу пошаркал ботинками по полу, и я переместилась, чтобы заслонить его.

— Несколько, — ответила я. — И теперь еще несколько, когда ты пришел сюда. Мы сами позаботимся об этом. И что ты понимаешь под кровавым месивом? Как раз-таки благодаря мне никто не умер.

Пол чуть шагнул вперед и встал рядом с Роном, когда старик грубо ткнул в меня пальцем.

— Твоя работа делает тебя убийцей, Мэдисон, — сказал он, Барнабас застыл. — Может, не прямо, но твои действия ведут к этому. Попытка успокоить свою совесть, пытаюсь спасти людей, чьи души находятся в безопасности, только все еще больше запутывает и совершенно бесполезна.

Совершенно бесполезна? Я задрала подбородок и шагнула вперед.

— Я уже умерла однажды, и поверь мне — люди, которых мы только что спасли, очень благодарны за это вмешательство. — Я уже почти достигла Рона, но вздрогнула, когда Барнабас придержал меня. — Мы спасли жизнь трех человек, — продолжила я из безопасных объятий светлого жнеца. — Четырех, если посчитать Шу, который теперь не будет обвинен в преступлении Эйса. И все они завтра будут чувствовать солнечные лучи на своих лицах. — Дерьмо, я ощутила, как слезы обжигают глаза. — И от этого мне хорошо! — закончила я горячо, протирая глаза и не заботясь, видел ли Рон мои слезы.

И я действительно чувствовала себя хорошо. Конечно, существует реальная проблема с очередным видением будущего, но теперь, я надеюсь, не будет такого кошмара. Мой амулет требовал настройки. Спасибо Небесам за то, что послали Рона.

— Может быть, настало их время, а ты все испортила, — сказал Рон, поглядывая в сторону потемневших окон и явно помышляя об отъезде.

Я улыбнулась ему, думая, что побывала там, где он не был в течение своей долгой-предолгой жизни. Может, именно поэтому мне и суждено было стать темным хранителем времени?

— Это судьба, Рон, а ты в судьбу не веришь. Или веришь?

Он перевел внимание с улицы на меня, поскольку понял, что я только что сказала то,

что говорил ему серафим пару месяцев назад.

— Ладно, ты выиграл, — сказала я. — Поздравляю. Та ничего не стоящая куча в углу в полной безопасности. У него есть ангел-хранитель. Все, тебе больше нечего тут делать. А у нас еще много работы, чтобы прибраться здесь. — Я подумала о тех людях на кухне. — Нужно изменить воспоминания людям, — добавила я, и Шу кашлянул за мной.

— Судьба — это только оправдание, — выпалил Рон. — Ты не знаешь, какой выбор захотят сделать люди. Эйс мог бы изменить свой путь и без этого.

— Ничего подобного! — гаркнула я, а на лице Пола появилось задумчивое выражение. — Но я не собираюсь с тобой спорить. Хочешь — верь, хочешь — нет, но я верю в выбор, как и ты. Но вон там — просто куча коровьего дерьма, — сказала я, указывая на Эйса, который, конечно же, все слышал, но полностью нас игнорировал, лелея свою больную голову. — И он не собирался меняться без конкретного вмешательства. Возможно, он мог бы измениться после сегодняшнего, но зачем ему это, когда у него в наличии ангел-хранитель до конца его долбанной жизни?

Уши Пола покраснели. Рон повернулся к нему, зашуршав свободным краем своего одеяния.

— Ты можешь просто уйти? — спросила я, отступая к Барнабасу. — И забери с собой своего шпиона-ученика, — добавила я.

Пол разинул рот от моих едких слов, но я подмигнула ему, когда Рон отвернулся, а Грейс хихикнула.

— Ты должна проявлять к нему больше уважения. Он знает больше, чем ты, — сказал Рон, привлекая Пола поближе к себе. Барнабас фыркнул.

— О, я думаю, он знает больше, чем ты думаешь, Рон, — произнесла я. — Ну все, уходите. Не попадитесь под косу на обратном пути.

Накита шагнула ко мне, но Рон, все же, внял моему совету.

— Пойдем, Пол, — позвал он тихим, опасным голосом.

Внезапно Накита выпалила:

— Мне жаль, что я ударила тебя, восходящий хранитель времени. — И я, и Барнабас удивленно уставились на нее. Она покраснела от наших недоуменных взглядов и добавила: — Что? Мне правда жаль. Я не могу извиниться?

Ни слова не сказав, Рон просто исчез. Пол же все еще был здесь. Шаркая ногами по полу, он посмотрел на пустое место, где только что стоял Рон.

— Хм, — пробормотал он, затем обратил внимание на нас: — Спасибо, Накита. Все в порядке.

— Ты знаешь, я это сказала только для того, чтобы он от тебя отстал? — спросила я, и Пол дотронулся до своего носа с улыбкой, прежде чем исчезнуть в блестящей вспышке света.

С облегченным выдохом Шу завалился на сидение, что-то бормоча себе под нос.

Барнабас тоже занял свое место, задумавшись.

— Вы заметили, что амулет восходящего хранителя времени такого же цвета, как и мой? — спросил он.

— Правда? — переспросила я, потом странность вопроса дошла до меня, и я повернулась к нему. — Разве это имеет значение?

Вздвогнув от своих мыслей, Барнабас посмотрел на меня:

— Он должен перемещаться по спектру к красному. — Жнец не сводил с меня взгляд. — Бьюсь об заклад, Рон не слишком этому рад.

Я открыла рот, чтобы задать вопрос, что же это означает, но Барнабас откашлялся и перевел глаза в сторону кухни.

— Мы должны идти. Накита, повар и официантка обработаны?

Накита делала снимок пыльного светильника, держа фотоаппарат под очень странным углом.

— Да, все в порядке, — ответила она, глядя на экран. — Где твой бумажник, Мэдисон? — спросила она. — Все еще в машине?

— О, да! — воскликнула я, не сводя взгляда с тарелки. — И мой телефон тоже там.

Но когда я посмотрела на золотой хрустящий картофель, мои руки сами по себе остановились. Постепенно моя улыбка предвкушения переросла в отчаяние.

— Я больше не хочу есть! — завопила я, и Накита уставилась на меня. — Вот же блин, — я изучала свой амулет. — Я ела, потому что амулет работал неправильно. Рон его настроил, и теперь я не хочу есть!

— Слава Богу за этот маленький подарок, — пробормотал Барнабас, поднимаясь на ноги. — Ты пожирала еду как явившаяся с голодного края.

Подавленная я снова села.

— Но мне нравилось есть, — протянула я грустно. Черт, это несправедливо! В расстроенных чувствах я тыкала пальцев в картошку.

Грейс подлетела ко мне, крутясь над моей рукой и выражая свое соболезнование единственным доступным ей способом, а именно — очередным стишком.

— На свете девушка жила,

Картофель фри любила она... — начала Грейс, Барнабас раздраженно фыркнул.

— Что там по поводу бумажника, Мэдисон? — еще раз спросила Накита.

— Ага, — пробормотала я, вставая.

— Мне жаль, Мэдисон, — произнес Шу, явно не понимая, почему картошка была так для меня важна, но поддерживая меня в моей горести.

— Все в порядке, — склонив голову вниз, я направилась к выходу, чувствуя, как мой амулет, казалось, тяжелеет; внезапная мысль заставила меня остановиться. Откуда Наките известно, что мой бумажник в машине?

Сузив глаза, я резко развернулась и ринулась к столу, заметив, что глаза Барнабаса приобрели серебряный цвет.

— Что... стойте! — воскликнула я, подбегая к ним. — Шу! Не смотри ему в глаза!

Барнабас повернул голову ко мне. Мне даже жутковато стало от вида его блестящих серебряных глаз, совершенно иноземных. С другого конца стола Шу ахнул, прерывая зрительный контакт, и опустил голову. Эйс же тупо глядел, полностью замороженный влиянием жнеца.

— Мэдисон! — рявкнул Барнабас, его глаза все еще светились, но Шу уже полностью отошел от транса, потер лицо и заморгал. Я выдернула Шу из кабины.

— Шу не надо, — сказала я. — Я обещала ему, что он будет все помнить.

Сжав челюсти, Барнабас снова посмотрел на Шу.

— Мэдисон... — проворчал он, его глаза снова стали карие.

— Да — это мое имя, — горячо согласилась я, — безумная Мэдисон. Я сказала — Шу будет все помнить, и я — твой босс.

Грейс пропищала длинный "оооох", а второй ангел-хранитель как-то сразу стал почти прозрачным. Барнабас сузил глаза, повернулся на диване и посмотрел на меня снизу вверх.

— Для меня — нет, — проговорил он, Накита подошла ко мне сзади. — Я мрачный. Я могу уйти в любое время, когда захочу.

Он не посмеет, подумала я в панике.

— В самом деле? — с наигранной смелостью спросила я.

— Да, — Барнабас явно не выглядел счастливым.

Я почувствовала, как напугался Шу. Я медленно вдохнула, пытаясь найти решение проблемы, чтобы не оттолкнуть Барнабаса. Он был там, когда я умерла, пытался спасти меня, верил в меня. Я доверяла ему, и он, вероятно, был единственным человеком, способным меня понять.

— Да, — сказала я более мягко. — Хорошо. Прости меня. Ты прав. Я не твой босс.

Я повернулась к Наките, и увидев ее глаза, испугалась.

— Накита, я и не твой босс тоже, но это моя жатва, поэтому я хочу, чтобы Шу все помнил.

— Ты мой босс, — сразу же заявила Накита, хмурым взглядом окидывая Шу. — Я поклялась следовать твоей воле и твоим приказам.

Я была О-О-ОЧЕНЬ рада, что Эйс ничего не слышит. Мне было не по себе уже от того что это все происходит на глазах Шу.

— Быть твоим боссом — это не та жизнь, которую я хочу прожить, — сказала я, стараясь, чтобы она поняла. С умоляющим взглядом я повернулась снова к Барнабасу: — Барнабас, я обещала Шу, что он будет помнить сегодняшний день. Пожалуйста.

— Но я ничего не обещал, — сухо ответил он, но гнев, направленный на меня, уже уходил.

— Пожалуйста, — я почти умоляла.

Барнабас потихоньку расслабился и выдохнул:

— Я не могу позволить ему знать то, что ему не положено! Так не делается!

— Почему? — спросила я прямо. — Как могут люди как-то изменить свою жизнь, если они ничего не помнят? Увидят во сне? Это всё — полнейшая чушь.

— Полнейшая чушь? — повторила Накита, не понимая, о чем мы говорим.

— Я хочу, чтобы Эйс тоже все помнил, — решила я вдруг, — ни одному из них не нужно менять воспоминания.

Барнабас смотрел на Эйса, который все еще тупо моргал в трансе.

— Нет! — воскликнул он, и я услышала, как ангелы шепчутся между собой, делая ставки на то, как все закончится. — Этого не будет, — добавил он громко, глядя исподлобья на ангелов, они захихикали. — Таковы правила, Мэдисон.

Я не спускала с него глаз, постукивая пальцами по столу.

— Если хочешь, можешь смотреть, — сказал Барнабас, не глядя на меня. — Я изменю их память.

Схватив Шу за локоть, я потянула его себе за спину.

— Мм, Барнабас, — проговорила, наконец, Накита. — Я не думаю, что сказать "нет" темному хранителю времени — хорошая идея, даже если она не права. Она ведь может изменить время, в конце концов.

Стоя за мной, Шу тихо сказал:

— Я хочу все помнить.

— Память — это все, что у нас есть, — я все еще пыталась заставить Барнабаса понять мою точку зрения. — Именно поэтому мы делаем тот выбор, который хотим сделать. Как ты



хочешь добиться от человека изменения своего пути, если ты задушишь прошлое во лжи?

Челюсть Барнабаса медленно разжалась, и я почувствовала звонок своей первой победы.

— Из-за этого могут возникнуть проблемы, — предупредил он, и я расслабила плечи, улыбаясь.

— Ну и что? — сказала я небрежно, — Шу ничего не скажет. — Я обернулась к нему: — Ты ведь будешь молчать?

Шу покачал головой, по-прежнему взволнованный:

— Мне никто не поверит. Мрачные жнецы? Ангелы-хранители? Хранители времени? Они запрут меня в психушку.

С другой стороны от меня раздался голос Накиты:

— Хранители времени сменяются не без причины, Барнабас. Кажется, в этом и состоит призвание Мэдисон. Изменения, изменения, изменения.

Барнабас снова нахмурился.

— Уведи его отсюда, — пробормотал он, и я облегченно выдохнув, схватила Шу за руку. Интересно, это только сейчас он такой добрый или планирует вернуться к нему позднее и все-таки изменить его воспоминания, чтобы я об этом не узнала?

— А как насчет Эйса? — спросила я, чувствуя себя так, словно у меня выросли крылья.

— Нет, — натянуто ответил Барнабас. — Ты получила Шу, Эйс же должен все забыть.

Я открыла рот, чтобы возразить, но замерла, когда ангел-хранитель Эйса пару раз закружился вокруг Грейс и подлетел ко мне, шепча:

Как Грейс сказала — жил был парень,

И мнил он лучшим сам себя.

На самом же деле, он был безумен,

И на это раскрыл ему ангел глаза.

О, правда?

Барнабас вопросительно приподнял брови, и я, отказываясь ответить на его невысказанный вопрос, прервала наш зрительный контакт и, чуть споткнувшись, повернулась к Шу.

— Пойдем, — позвала я его, — нужно взять бумажник.

Схватив его за руку, я потянула его к двери.

— А как насчет Эйса? — спросил он, оглядываясь, когда я отвернулась.

— Не смотри, думаю, что с ним все будет в порядке. — Колокольчики над дверью зазвенели, когда мы выходили, но я услышала, как Накита громко вздохнула. — Ангел-хранитель не позволит Барнабасу вмешаться в его память.

Шу все равно оглянулся, чтобы посмотреть через большое стекло.

— Ты уверена?

На улице было прохладно, и я обрадовалась, что на мне надет халат; я обняла себя руками и стала ждать. Мне было не холодно, но если бы я была жива, то замерзла бы.

— Мне говорили, что херувимы недалеко от Бога, — сказала я, с улыбкой подняв голову вверх и глядя на звезды. — Я думаю, ангел-хранитель может противостоять силе Барнабаса.

Покашливание Шу отвлекло мое внимание от звездного неба, и в свете фонарей я встретила его пораженный взгляд.

— Действительно? — пробормотал он, глядя на кафе, затем снова на меня. — Херувимы, да?

Я пожала плечами:

— Грейс. Только пообещай мне, что ты ни словом не обмолвишься о сегодняшнем дне. Шу улыбнулся, глядя себе под ноги и носком ботинка ковыряя разбитый тротуар.

— Ты хочешь, чтобы я солгал?

Я не могла скрыть улыбку:

— Ну, я темный хранитель времени.

Внезапно в голове запульсировала боль, и мой амулет стал вначале теплым, потом холодным. Это Барнабас использовал свой камень, и я наблюдала, как он наклонился к Эйсу. Я не удивилась, когда Эйс очнулся, его пустой взгляд наполнился ненавистью, и он воскликнул:

— Пошли вы все в ад, долбаные жнецы!

Барнабас поймал мой взгляд сквозь стекло.

— Мэдисон! — пожаловался он.

Накита засмеялась, даже сквозь стекло было слышно:

— Я же говорила! Не связывайся с ней.

Улыбаясь, я отвернулась. Шу стоял передо мной, засунув руки в карманы.

— Я не хочу забывать об этом, — сказал он задумчиво. — Не хочу забыть ничего из этого.

— Ты не забудешь, — уверенно ответила я, и неожиданно мне в голову пришла одна идея — я прислонилась спиной к кирпичной стене кафе, развязывая шнурок на ботинке. Шу наблюдал, как я полностью расшнуровала ботинок со скрипучим звуком. — Вот, — сказала я, вручая шнурок ему. — Чтобы помнить все.

У меня перехватило дыхание, даже если я и не нуждалась в воздухе. Что, если он подумает, что я чудная или того хуже?

Но Шу лишь усмехнулся, и я выдохнула с облегчением.

— Спасибо! — поблагодарил он, взяв шнурок. — А я, хм... нет, погоди, — проговорил он, роясь в кармане. — Вот, — сказал он, протягивая мне купон в "Курятник". — Не думаю, что ты его используешь, — смущенно добавил он, покраснев, — но единственное, что еще есть в моем кармане — это водительские права.

Я улыбнулась, глядя на него в тусклом свете фонарей.

— Пока, Шу, — сказала я, сделав шаг назад. — Всего тебе хорошего в жизни. Веди себя хорошо. Делай правильный выбор. — Я взяла купон. — Спасибо.

Он молчал, смущенный и довольный одновременно.

— Я постараюсь, — ответил он наконец и нахмурился, глядя на Эйса через стекло. — Это будет нелегко.

Я засмеялась, направляясь в сторону пикапа Эйса и чувствуя, что каждый шаг будто был шире.

— Если бы все в жизни было легко, было бы только хуже.

Шу кивнул. Неловко махнув на прощание, он повернулся и зашагал вниз по темному тротуару, вначале медленно, затем с каждым шагом все увереннее, его плечи расслабились. Я проследила за ним взглядом до тех пор, пока он полностью не исчез в темноте, даже топот подошв по тротуару полностью затих.

Чувство глубокого удовлетворения наполнило меня, я открыла пикап и достала свой телефон и бумажник. Мягкая кожа еще была теплой от поездки, и засунуть бумажник в карман стало проблематично. Дверь скрипнула, когда я захлопнула ее.

В отдалении до меня донеслось слабое:

— Пока, Мэдисон!

Довольная я прислонилась к машине, подняв глаза на простые белые звезды, и ждала, когда Накита и Барнабас закончат нагонять страх на Эйса. Конечно же, Барнабас будет на меня сердит, но он все равно перенесет меня назад (хоть и проворчит всю дорогу). Если не он, тогда Накита. А еще лучше будет, если завтра на моей крыше он скажет, что я могла бы добиться большего успеха. Никто не умер сегодня ночью. Никто не умрет завтра, по крайней мере, не раньше, чем подбросят их монетку. Шу получит нагоняй за то, что сломал школьную систему, но он знал об этом, когда сделал свой выбор. Накита начинала смотреть на вещи по-другому — даже если она и потерпела неудачу в своей попытке спасти душу Эйса. Эйс так и остался полной задницей, но может быть, хоть что-то из сегодняшних событий заставит его задуматься. Пол был в раздумьях. А я... я была приятно уставшая.

Похоже, ночь можно назвать хорошей, в конце концов.

Эпилог

— Мэдисон!

Чей-то перепуганный голос звал меня. Я почувствовала, как кто-то сильно трясет меня за плечо, и распахнула глаза.

— Что?! — проорала я в ответ, глядя на нависшего надо мной папу. На его лице отражался ужас. Я находилась в своей постели, которую освещали проникающие в комнату солнечные лучи. Я...спала? Я не спала уже целых три месяца.

Я смотрела на папино лицо, отмечая, насколько глубоко на нем прорезались морщины.

— Я думал, ты... — начал он, но быстро взял себя в руки, отпустил мое плечо и выпрямился.

— Ты очень поздно вернулась, — смущенно произнес он вместо этого. — Для школьных занятий, — добавил он, и я улыбнулась. Я не думала, что он имел в виду смертельное опоздание, но с другой стороны, я, лежащая здесь, действительно выглядела мертвой. И не дышала. Неудивительно, что он тряс меня.

— Насколько поздно? — спросила я, садясь на кровати и моргая. Я не могла поверить, что и в самом деле спала. Может, такое состояние вызвало просматривание будущего? Это всегда отнимало у меня очень много сил.

Вздыхнув, папа оглядел мою комнату.

— Завтрак готов, — возвестил он вместо ответа.

Очень жаль, я не была голодна.

Я начала вставать и замерла, когда он взял лабораторный халат, который я бросила на свой стул. Из кармана высовывалась бирка Джейн Доу, и я запаниковала. Я не имела ни малейшего понятия как объяснить, откуда у меня взялся профессиональный лабораторный халат с именем "Марти".

— Скажи мне, что это кетчуп, — тихо проговорил он, ощупывая пропитанную красным ткань, и я улыбнулась.

— Это кетчуп. После школы я ела картофель фри, — объяснила я, и он вздохнул.

— Я должен извиниться! Я морю тебя голодом!

Его взгляд упал на свисавшие со стула порванные колготки, ранее скрытые халатом. Он вздрогнул.

— Мэдисон! — воскликнул он, хватая их. — Что ты сделала со своими колготками?

— Я их порезала. Сейчас все так носят! — О, Боже. Мне не выкрутиться.

— Но они же были абсолютно новые! — потрясая ими, продолжал возмущаться папа.

— Господи, пап... — простонала я, довольная, что не впала в панику. Я очень гордилась этим. — Неужели ты никогда не носил рваные джинсы?

Его плечи расслабились, он посмотрел на мои ногти, которые я покрыла черным лаком, чтобы Накита со своими ногтями не очень выделялась. Его взгляд задержался на двух, наполовину накрашенных красным лаком ногтях.

— Изорванные колготки и халат? Обувь без шнурков? Я никогда не пойму твое чувство моды.

Я наклонилась и оглядела свои желтые кроссовки. Это не мода, это мой провал, сухо подумала я.

— Но по крайней мере, я знаю, что ты ешь, — заметил он, вновь оглядывая перемазанный кетчупом халат. — Как насчет того, чтобы пропустить несколько школьных завтраков и поесть домашней пищи?

— Хорошо, — я потянулась, надеясь, что он не зайдет в мою ванную комнату, где на полу валялась изрезанная футболка. Это было бы очень трудно объяснить. Я прекрасно себя чувствовала, но еда была последним, в чем я нуждалась. Особенно сейчас, когда папа сидел передо мной на краю кровати и бросал многозначительные взгляды на мой телефон на ночном столике.

Дерьмо. Я забыла позвонить маме.

— Ты ничего не хочешь мне сказать? — спросил он, глядя на телефон уже в открытую.

— Извини. Я забыла позвонить маме, — послушно проговорила я, но его нахмуренные брови сказали мне, что это не то. Завернувшись в одеяло, я пыталась угадать, что он имеет в виду, и была рада, что вчера вечером переделалась в ночную рубашку после того, как Барнабас упал на меня. И даже то, что я засветила на радаре моего папы рваные колготки и лабораторный халат Марти, не особо меня расстраивало.

— Что-то не так? — осторожно спросила я.

Что-то не так? Я действительно спросила: "Что-то не так?". Я не могла придумать что-то, что звучало бы не так виновато?

Папа ждал, когда я на него посмотрю.

— Сегодня утром был странный звонок. Некий парень, назвавшийся Скрывающимся.

— Шу! — выпалила я и тут же захлопнула рот. Чтобы не заорать. И я просила Шу быть хорошим, когда сама не могу и пяти минут прожить, не солгав папе?

— Шу? — заинтересовался папа, переключая телефон так, чтобы образовался прямой угол между ним и краем тумбочки. — Ты его знаешь?

— Ну да, — я пожала плечами, делая вид, что мне это безразлично. — Но я никогда не давала ему номер нашего домашнего телефона.

Барнабас, подумала я. Что, если он направился к Шу вчера вечером и попытался изменить его воспоминания? Сын мертвого щенка.

— Он оставил сообщение? — я попыталась не показать свой интерес, но он непостижимым образом всё-таки прорвался в вопрос.

Папа недоверчиво хмыкнул.

— Он хотел, чтобы я передал тебе, что он остановится, и что — цитирую: "Будет хорошим".

Его брови взлетели вверх, он ждал объяснений.

— Правда? — Ну а что я еще могла сказать? Я поерзала в молчании, не в силах поднять на него глаза.

— Мэдисон... — начал он, но я сбросила одеяло и выбралась из кровати с другой стороны.

— Папа, мне нужно идти, — выпалила я и потянулась к двери в ванную, где лежала моя одежда. Там меня встретило зрелище изодранной футболки, и я поспешно захлопнула дверь.

— Я опаздываю в школу, и мне нужно принять душ. Я не знаю, почему Шу сказал эти странные вещи. Он просто парень, с которым я недавно познакомилась.

Недавно — это прошлой ночью. Ну да, недавно.

Издав медленный и продолжительный вздох, папа встал.

— Я буду ждать тебя внизу, — в его голосе слышалось разочарование. — Что ты хочешь сегодня на ужин?

Я колебалась, размышляя, что будет легче спрятать в карманах.

— Суп и картошку фри, — сказала я, представляя, как я с легкостью прячу в карман суп. И я действительно наслаждалась вчера картошкой. Я могу съесть пару штук, если это необходимо для сохранения жизни Эйса.

Папа прищурился:

— Суп и картошка? — повторил он и вздохнул. — Если это то, что ты хочешь. Завтрак готов. Не задерживайся.

— Не буду, — заверила я, думая, что если бы не тянула до последнего, то могла бы уже выбежать за дверь с куском тоста для Сэнди.

Папа вышел в коридор, я с улыбкой помахала ему и закрыла дверь. Слушая его удаляющиеся по лестнице шаги, я кляла себя. Я ему помахала? Я такая тупица!

Я не солгала насчет желания принять душ и, все еще переживая, прошла в ванную, включила воду и высвободилась из своей пижамы. Тихий стук в дверь заставил меня схватиться за полотенце.

— Я сейчас выйду, пап! — прокричала я в сторону двери.

— Эмм, Мэдисон? — произнес кто-то явно не папиным голосом.

Я замерла. Обеспокоенная я чуть приоткрыла дверь и выглянула из ванной.

— Ты! — заорала я, распахивая дверь настежь.

Окно было открыто, противомоскитная сетка подпирала стену, а в центре моей комнаты стоял Пол.

— Что ты здесь делаешь? — почти прошипела я, кидаясь к нему. Но вспомнила, что я в одном полотенце, и притормозила.

— Не смей так влезать ко мне! Мой папа на лестнице. Если бы он увидел, как ты здесь появился, он бы родил котят!

Пол покраснел и принялся теребить пуговицу на рубашке, заправленной в черные брюки. Одет он был по-прежнему в пуританском стиле, но по крайней мере, больше не выглядел актером из космической саги.

— Извини, — сказал он, отводя взгляд и проявляя неожиданный интерес к моему ковру. — Я хотел задать тебе один вопрос, а Рон не позволяет мне надолго срываться с поводка.

— Какой? — огрызнулась я, чувствуя себя очень голой под моим большим пушистым полотенцем.

Пол покосился на меня, затем уставился в потолок.

— Ты веришь в выбор?

Я заколебалась, мой гнев испарился.

— Да, — тихо ответила я. Он помог мне. Я задолжала ему пару ответов.

— Но ты же темный хранитель времени, — с растерянностью в голосе заявил Пол.

— Очевидно, — сухо заметила я, затем добавила. — В этом нет смысла, но это именно так. Как только я найду свое тело, то покончу с этим. Если только...у меня не получится изменить положение вещей.

Блестящие ботинки Пола переступили по моему ковру.

— Ты не хочешь быть хранителем времени?

Мои мысли вернулись к ужасному чувству беспомощности, когда я смотрела будущее, и к тому восторгу, когда Шу отступил и пересмотрел всю свою жизнь.

— Я уже и не знаю.

— Может, ты займешь мое место, — произнес Пол, удивив меня.

Пораженная я прислонилась к оконному косяку, затем отстранилась. Неважно, как сильно я старалась, все равно у меня не получится выглядеть независимо, будучи завернутой в полотенце.

— Ты веришь в судьбу? — спросила я.

Пол скорчил гримасу и отступил на шаг, присев на подоконник открытого окна.

— Я уже не знаю, во что верю. Но Рон облажался, когда Эйс получил ангела-хранителя, и ты выкручивалась, как могла, чтобы спасти жизни людей.

Я потуже затянула узел полотенца, не зная, что на это ответить.

— Мне нужно идти, — сказал Пол, вставая. — Рон думает, что я практикуюсь в прыжках, но если я не вернусь к назначенному времени, он начнет меня разыскивать.

— Здорово, должно быть, иметь учителя, — заметила я не без доли ревности. И еще я не хотела, чтобы он так быстро ушел.

— Ты не проделал бы такой путь только для того, чтобы спросить верю ли я в выбор.

Пол приподнял и опустил одно плечо.

— Нет. Я подумал, что тебе интересно будет узнать, что Рон просмотрел будущее Эйса и Шу и увидел, что никому из них не суждено еще раз выпустить подобный вирус. В действительности, Шу в конце концов, пойдет работать в ЦРУ и будет выслеживать других хакеров. Возможно, он будет единственным, кто предотвратит атаку кибер-террористов на рубеже десятилетий. Эйс сейчас находится в комнате с мягкими стенами, так как рассказывает всем о жнецах и хранителях времени, но в конце концов, он научится держать язык за зубами и выйдет из реабилитационного центра, создаст группу "Тающие вороны" и умрет от передозировки наркотиков в тридцатилетнем возрасте.

— О, Боже. Это ужасно, — прошептала я, думая, а стоило ли оно того.

Пол был невозмутим.

— В конце концов, все умирают. Его музыка затронет людей, — сказал он. — Заставит их задуматься. Если ты спросишь меня, то вероятно, его ангел-хранитель прямо сейчас орет ему в ухо, пытаясь до него достучаться. Эйс никогда не станет святым, но его жизнь будет иметь смысл. По крайней мере, я так думаю.

— Надо полагать, — проговорила я, чувствуя себя неудобно. Может быть, мне следовало позволить Наките убить его. Закончить все чисто. Существует ли у несовершенных душ еще один шанс? Пойти другим путем? Не потому ли светлые жнецы забирают их раньше?

— Это ты дал Шу мой домашний номер? — вдруг спросила я.

Пол положил руку на мою оконную раму, будто бы собираясь уходить.

— Он хотел сказать тебе, что он в порядке. Я не думал, что ты будешь возражать, и так как у меня не было номера твоего мобильного, я подсмотрел номер домашнего. Я не вмешивался в его воспоминания, если тебя это беспокоит. Рон был в ярости.

Пол отвел глаза, улыбаясь своим воспоминаниям.

— Ангел-хранитель, которого я дал Эйсу, запретила кому-либо исказить его или Шу воспоминания. Вот почему Рону пришлось настолько далеко заглядывать в их будущее.

Исчез еще один повод для беспокойства, и когда Пол уже приготовился сделать шаг, я выпалила:

— Спасибо за то, что остановил Эйса.

Он поднял голову и улыбнулся во все тридцать два зуба:

— Всегда обращайся.

С нижнего этажа доносились призывы моего папы, я переступила с ноги на ногу.

— Я должна идти, — сказала я, мотнув головой в сторону ванной, из которой уже валил пар.

— Я тоже, — сказал он, перешагивая через мой подоконник на карниз.

— Тебе нравится Рон? — неожиданно спросила я.

Он колебался — его взгляд скакал по углам моей комнаты.

— Я не знаю, — наконец тихо произнес он. — Он обучает меня различным вещам, но все выглядит так, будто он твой фанат.

Наши взгляды встретились, и я покачала головой.

— Он лгал мне. Много. Я выставила его перед серафимами не в самом лучшем свете. Ты по-прежнему веришь всему, что он говорит?

Пол улыбнулся и наклонил голову, ничего не ответив.

— Увидимся позже, — сказал он, и в следующее мгновение лишь тени от ветвей деревьев перемещались на том месте, где он стоял, и казалось, будто они постепенно стирают его ускользающий образ.

Я постояла еще минуту, чтобы быть уверенной, что он ушел.

— Я обязательно должна узнать, как это делать, — прошептала я и пошла выключать воду в душе.

Эйс станет музыкантом — каково? Я задумалась и начала улыбаться, представив, как, должно быть, мучается Рон из-за того, что именно я — темный хранитель времени — показала обреченному возможность нового выбора, и что благодаря нашим усилиям он этот выбор сделал, сохранив не только свою душу, но и жизнь.

Было ли это судьбой? Или деликатным правосудием жнецов?

Больше книг на сайте — [Knigolub.net](http://Knigolub.net)





Эдем — райский сад, в котором жили Адам и Ева до своего изгнания в мир смертных.  
Прим. S0N1C

Совокупность музыкальных стилей, направленных на релаксацию, создание положительных эмоций и стимулирование творчества.

прим. пер. Разновидность бейсбола

прим. пер. Горелка Бунзена — газовая горелка, имеющая инжектор, установленный в металлической трубке с отверстиями для поступления воздуха, которая закреплена на подставке с боковым вводом для подачи газа.

прим. «Музыка ветра» или китайские колокольчики, это конструкция, состоящая из нескольких полых, подвешенных вертикально трубок, а также серединки, которая при сильных порывах ветра или подергивании за ниточку ударяет по трубкам, чем вызывает приятное для слуха звучание

прим. инфорсер — член банды, принуждающий к выполнению ее требований

прим. «патч» (англ. "patch") буквально означает следующее: заплатка, латать, чинить или заделывать.

прим. Разбрызгиватель, установленный на потолке



«Богатенький Рич» — семейный фильм с Маклеем Калкиным в главной роли — прим. ред.